

**Михаил Викторович Зыгарь Валерий Валерьевич
Панюшкин
Газпром. Новое русское оружие**

«Газпром. Новое русское оружие»: Захаров; Москва; 2008
ISBN 978-5-8159-0789-8

Аннотация

Газпрома, его газа и труб так сильно боятся, Газпромом, его газом и трубами так восхищаются, что, кажется, и времени уже не остается на то, чтобы взглянуть – а как Газпром устроен?

Что это – механизм или организм?

В каком состоянии сейчас это мощное русское оружие, которое ковали Берия и Хрущев, которым учились пользоваться Брежнев и Косыгин и которое Черномырдин и Вяхирев передали в руки Путину?

Действительно оно опасно или, может, проржавело?

Наконец, можно ли попытаться его разобрать, чтобы получить ответы на эти вопросы? Книга про Газпром получилась книгой про Россию.

Мы смотрели на страну через извилистую газпромовскую трубу и понимали, что если бы эта труба на каком-то участке своей истории повернула иначе, страна была бы другой.

Валерий Панюшкин, Михаил Зыгарь

Газпром. Новое русское оружие

Предисловие

Газ, добываемый в России и обогревающий собою полмира, всегда был оружием, и оружием опасным. Сразу после Второй Мировой войны, когда в Советском Союзе стали строить первый газопровод “Саратов – Москва”, дело это поручено было Военстрою, возглавлявшемуся Лаврентием Берией. К слову сказать, Берия в тот же период курировал и создание советской атомной бомбы, так что строительство газопровода и атомная бомба фактически приравнивались друг к другу. Газопровод строили военнопленные, в основном немцы.

Потом Сталин умер, Берию расстреляли, и Никита Хрущев, одной рукой благословляя строительство Берлинской стены, другой пытался покорить Европу при помощи советского газа.

В 1960 году Хрущев заключил с президентом итальянской нефтегазовой компании ENI Энрико Маттеи соглашение о торговле нефтью и газом. Но если нефть можно было возить в танкерах, то для газа нужны были трубы, а советских труб европейцы боялись.

В 1963 по настоянию американского президента Джона Кеннеди западногерманский канцлер Конрад Аденауэр отменил уже заключенную сделку и запретил продавать Советскому Союзу трубы большого диаметра. Тогда трубы для газопроводов стали производить в Сибири и писали на них «Труба тебе, Аденауэр!» – как совсем еще недавно писали на танках «На Берлин!».

Ведь газ – тоже оружие.

А Энрико Маттеи, кстати, пытавшийся прорвать нефтегазовую блокаду СССР, погиб при загадочных обстоятельствах, разбившись на вертолете вскоре после встречи с Хрущевым и незадолго до встречи с американским президентом Кеннеди. Ходили слухи, что он был убит и причиной его гибели были именно договоренности с СССР. Но выяснить этого никому так и не удалось, потому что все полицейские и журналисты, расследовавшие обстоятельства смерти Маттеи, были убиты или пропали без вести.

Оружие, и опасное!

Но газ все же прорвался в Европу. В 1970 канцлер ФРГ Вилли Брандт и Леонид Брежнев подписали легендарный договор «газ-трубы», согласно которому Германия начала поставлять Советскому Союзу трубы большого диаметра, а Ruhrgas – закупать советский газ. В 13 часов 15 минут 1 октября 1973 года газ из СССР впервые пошел в Европу.

Американцы много лет настойчиво отговаривали Вилли Брандта от сотрудничества с Советским Союзом. Уже в 1980 году госсекретарь США Шульц прилетал в Бонн, чтобы отговорить руководство ФРГ от строительства газопровода. Американцы утверждали, что в случае военных действий русские смогут заправлять свои танки прямо из газопроводов и по своим трубам в считанные дни сумеют захватить всю Европу.

Но десятилетие спустя русские танки ушли из Европы. А трубы остались. И страх тоже.

Все-таки оружие.

Бывший заместитель председателя правления Газпрома Вячеслав Шерemet тоже любил повторять, что газ сродни оружию: «Горит, взрывается и удушает». И эта поговорка пользовалась популярностью среди газовиков.

Не знающие этой поговорки европейцы боятся российского газа, приводя страшные для них цифры: Финляндия, например, зависит от импорта Газпрома на 100 %. Австрия – на 75 %. Германия – на 45 %.

Но газа, как ни странно, боятся и в России, причем даже в самом Газпроме. Ветераны корпорации рассказывают, что добыча газа всегда считалась у них самым тяжелым, самым неблагодарным делом – по сравнению с любым другим бизнесом. Поэтому Газпром всегда

старался не ограничивать свой фронт работы одним газом, а наоборот, раздвигал горизонты своих интересов все дальше и дальше. Газом теперь овеваны и футбольные клубы, и электроэнергетические предприятия, и газеты, и телеканалы, и пенсионные фонды, и страховые компании, и банки, и авиакомпании.

Только на территории России общая длина труб Газпрома составляет 156 000 километров. Это в три с половиной раза больше длины экватора.

Газпрома так сильно боятся, Газпромом так громко восхищаются, что, кажется, и времени уже не остается на то, чтобы взглянуть, как он устроен и что у него внутри. Что это, механизм или организм? В каком состоянии сейчас это мощное русское оружие, которое ковали Берия и Хрущев, которым пользовались Брежнев и Косыгин и которое Черномырдин и Вяхирев передали в руки Путину? Не проржавело ли оно? Действительно ли опасно? Наконец, можно ли попытаться его разобрать, чтобы получить ответы на эти вопросы?

Первые слова, которые сказал нам бывший ельцинский и.о. премьер-министра Егор Гайдар, когда мы попросили его дать нам интервью про газ, были:

– Зачем это вам? Вы понимаете, что вас убьют? Вы понимаете, куда вы лезете?

Мы не понимаем.

Глава 1

Инстинкт сохранения

Почетная ссылка

Километрах в двадцати от Москвы с Калужского шоссе направо и петлей под мост уходит узкая, но хорошо заасфальтированная дорога, в начале которой висит знак, запрещающий на эту дорогу въезжать. Мы въезжаем. Утро. Время от времени принимается маленький дождь. Дорога пуста. Ни одной машины навстречу. Ни одной машины впереди нас или за нами. Вокруг – августовский лес, расцвеченный уже спелой рябиной, но все еще зеленый, густой и надежно скрывающий, что там за ним. Мы едем медленно. Невозможно представить себе, чтобы какой-нибудь дорожный инспектор вздумал контролировать скорость в этом заповеднике, нарочно созданном ради сохранения популяции начальства. Но после перенаселенной и задыхающейся от автомобильных пробок Москвы приятно ехать медленно по пустой и петляющей в лесу дороге. Слегка познабливает. То ли от непривычно раннего подъема, ибо человек, к которому мы едем, просыпается по-крестьянски на рассвете и интервью назначил на восемь. То ли от волнения, от журналистского трепета, что вот сейчас мы увидим этого человека, который, как нам кажется, один из немногих не разрушал страну, а сохранял, по возможности. Человека, который, единственный раз в истории России, когда террористами были захвачены заложники, явно пытался прежде всего спасти заложников, а не уничтожить террористов любой ценой. Или мы просто идеализируем этого человека? Но все равно познабливает.

Лес заканчивается. Мы въезжаем в поселок. Справа и слева дорогу обступают одинаковые, коренастые, довольно большие, но недостаточно большие, чтобы прикидываться замками, дома, прячущиеся за трехметровым каменным забором. Это – в городской фольклорной традиции – так называемые «газпромовские дачи», поселок, построенный для высших руководителей компании Газпром и для высокопоставленных государственных чиновников, которым по какой-то причине не хватило дач в хозяйстве Управления делами Президента на Рублевском шоссе. Насколько мы понимаем, человек, к которому мы приехали, живет здесь не потому, что создал компанию Газпром, а потому, что служит российским послом на Украине. Насколько мы понимаем, никакой собственной недвижимости, дворца или особняка у этого человека нет, но есть давным-давно сложившийся образ жизни, предполагающий, что обязательно будет предоставлена приличная дача – министерская, корпоративная или правительственная.

Мы подъезжаем к контрольно-пропускному пункту. Дежурящие у шлагбаума охранники находят номер нашей машины в своем списке, заглядывают под машину при помощи зеркала, прикрученного к металлической палке, и шлагбаум открывается. От шлагбаума нам направо, потом налево и еще раз налево по пустым улицам, образуемым трехметровыми каменными стенами. Поселок похож на процветающий арабский город: никакой жизни вне стен, вся жизнь – внутри.

Мы паркуем машину. В глухой стене открывается для нас маленькая калитка. Мы входим, а там – сад. Цветы. Удивительный урожай груш и яблок. Большая стеклянная теплица, в которой тянутся подвязанные к потолку толстые стебли, увешанные огромными помидорами. Нас встречает немолодой, грозный на вид, но приветливый охранник и ведет мимо дома по саду в беседку, занимая на ходу разговорами. Если нам надо в туалет или помыть руки, это можно сделать в сторожке, где еще трое охранников сидят на диване и смотрят по телевизору футбол. Если мы интересуемся Газпромом, нам надо обязательно полететь на Ямал, полюбоваться с вертолета «Большим крестом» и посетить такое-то месторождение, которым до сих пор руководит такой-то человек, хороший мужик. Из объяснений охранника следует, что он обеспечивает безопасность своего патрона уже как минимум лет двадцать и досконально знает созданную патроном компанию. Доведя нас до беседки, охранник говорит:

– Располагайтесь, Виктор Степанович сейчас выйдет.

Минут через пять не из парадной двери, а из маленькой дверцы в основании большого дома выходит Виктор Степанович Черномырдин, бывший советский министр газовой промышленности, создатель компании Газпром, бывший премьер-министр правительства России, теперь работающий российским послом на Украине, то есть находящийся в почетной ссылке. Он идет не спеша нам навстречу. На нем уютная толстая коричневого цвета кофта. Он похож на тотемического какого-то медведя с головою седой и хищной птицы или на римского императора Диоклетиана, удалившегося от дел выращивать капусту: слегка крючковатый нос, брови вразлет, строгий взгляд. Подойдя к нам, он улыбается, пожимает нам руки, оглядывает оценивающе с головы до ног, как бы спрашивая, всерьез ли мы интересуемся Газпромом. И, кажется, решив, что всерьез, приглашает в беседку. Садится так, чтобы быть спиной к стене и лицом ко входу, и принимается рассказывать.

Он рассказывает медленно. Он уважительно перечисляет всех своих предшественников в кресле министра газовой промышленности СССР. Он до сих пор называет экономику народным хозяйством. И, кажется, повинуетя какому-то советскому еще канону повествования о трудовых свершениях: должна быть романтика трудового подвига, должны быть хорошие парни с открытыми и честными лицами, должно быть светлое будущее, а конфликты, если они и случаются, должны быть конфликтами хорошего с лучшим. Словно иллюстрируя этот советский постулат, что людьми движут исключительно добрые помыслы, Черномырдин говорит:

– На местах поначалу от газа отказывались: «Нет, какой газ! Мы же все тут взорвемся!» – и продолжает с пониманием: – естественно, к газу же привыкнуть нужно... А как привыкли, как подсели на него, потребность стала очень быстро увеличиваться. В 80-е годы в СССР во всех отраслях темпы роста падали, кроме нашей отрасли. Мы набрали такие темпы! Когда с газом начинаешь иметь дело – уже не остановишься. Затягивает.

Интонация Черномырдина меняется, только когда повествование его доходит до времен перестройки. В его рассказе появляется новый тип персонажа – популист. Описывая те времена, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Михаил Горбачев, Черномырдин говорит:

– Сначала у всех нас была эйфория. После Андропова, после Черненко вдруг приходит молодой симпатичный Михаил Сергеевич, говорит без бумажки – у всех был восторг. Правда, потом оказалось, что разговоров намного больше, чем дел. Я ведь тогда, в конце 80-х, был членом ЦК, участвовал в работе всех пленумов. Мне довольно скоро стало все понятно. Разговоры все – о плюрализме, о демократии. Когда начали избирать

руководителей на предприятиях, для меня на сто процентов стало ясно, что мы рухнем. Уже первая волна выборов директоров заводов смела настоящих руководителей. Пришли популисты. Тогда я решил, что нужно что-то делать, как-то спасти газовую промышленность.

Черномырдин рассказывает, а тем временем к нам в беседку приходит немолодая женщина в переднике и приносит чай. Она разливает чай по стаканам в подстаканниках, как принято было в Советском Союзе. А к чаю она подает нам сушки с маком и пастилу. Такие же сушки и такая же пастила продавались в советских булочных и были любимым лакомством не только потому, что с лакомствами в те времена в Советском Союзе дела обстояли плохо, но и потому еще, что пастила действительно вкусная, сушки – действительно великое изобретение отечественных хлебопеков, а чай из стаканов в подстаканниках действительно приятно и, главное, удобно пить.

– Пейте чай! – говорит Черномырдин.

И этот маленький эпизод с чаем лучше любых слов объясняет его логику: если строишь демократию, если стремишься к плюрализму, если исповедуешь европейские ценности, неужели обязательно отказываться от привычки пить чай из стаканов с подстаканниками? Неужели обязательно отказываться от сушек и пастилы? Неужели обязательно разрушать хорошо отлаженную и исправно работающую отрасль, как говорит Черномырдин, народного хозяйства?

В сущности, Черномырдин рассказывает нам о том, как свершилось чудо: Советский Союз распался, а газовая отрасль советской промышленности – нет. В результате либерализации цен большинство советских предприятий обанкротились, были задешево проданы людям с сомнительной репутацией, а газовые предприятия – нет, остались в собственности государства, служат всеобщему благу. Черномырдин рассказывает, и его рассказы оставляют только один неразрешенный вопрос: почему же он, Черномырдин, свершивший это чудо, не возглавил страну, не стал лидером нации, а отправлен хоть и в почетную, но ссылку, или, если хотите, хоть и на почетную, но пенсию?

Города Газпрома

Мы едем на Ямал. Здесь, на полуострове Ямал, почти все города построены ради газа и на газовые деньги. Поселения, строящиеся в последнее время – это просто газовые гарнизоны. В них нет постоянных жителей, жители сменяются вахтовым методом, раз в месяц или два. Здесь нет ни государственной администрации, ни самоуправления. У поселка Новозаполярный, например, нет мэра – все здесь менеджеры и сотрудники Газпрома. В Новозаполярном слово «Газпром» или его символ – буква G в форме горелки – смотрит отовсюду, словно глаз Большого брата. Газпром здесь и на уличных плакатах, и в витринах магазинов, и на тарелках и ложках в ресторане, и на мебели в гостинице, на ручках, зажигалках и официальных бумагах. Единственный банк здесь – это «Газпромбанк». В Новозаполярном жалеют, что в поселке нет церкви. А вот в соседнем Ямбурге ее построили – там есть «Газпром-церковь».

Только старые, советские еще города, вроде Нового Уренгоя или Надыма, напоминают здесь привычные населенные пункты. В Новом Уренгое даже есть четыре высших учебных заведения – самые северные в мире, единственные, расположенные в вечной мерзлоте. В Новом Уренгое живет больше 100 тысяч человек. И все они жалеют, что предшественник Черномырдина, бывший министр газовой промышленности Сабит Оруджев, выбрал для города именно это место. Город стоит на возвышенности, продувается всеми ветрами и удален от транспортных развязок. Многие уверены, что если бы можно было передвинуть Новый Уренгой километров на двадцать в сторону, жизнь была бы намного счастливее.

В городе, правда, есть железная дорога, но она не действует. Строительство дороги Салехард – Игарка началось еще в 1949 году. Но после смерти Сталина объявили амнистию, и строить железную дорогу стало некому, потому что работать в вечной мерзлоте не

соглашались никакие строители, кроме заключенных. Строительство прекратили и дорогу забыли. Ее и сейчас называют «мертвой дорогой». И жители втайне жалеют о той амнистии.

Здесь рассказывают, что Виктор Черномырдин, будучи еще министром газовой промышленности СССР, всякий раз, когда прилетал на вертолете инспектировать окрестности, бывал очень Новым Уренгоем недоволен. Он считал, что поселки должны быть только вахтенными, а постоянных жителей на вечной мерзлоте быть не должно. Постоянные жители сейчас вроде бы даже обижены на Черномырдина за эти слова. У них на улицах висят плакаты: «Новый Уренгой – мое будущее».

При этом никто не собирается встречать здесь старость – каждый копит на квартиру в Москве, Петербурге или другом крупном городе, чтобы при первой возможности все бросить и уехать туда, где по восемь месяцев в году не длится полярная ночь. До недавнего времени в Новом Уренгое не было даже кладбища. Никто не хотел здесь умирать. Но недавно кладбище появилось, потому что уехать удается не всем.

Здесь у газовиков своя картина мира и свой газпромовский язык. Они всегда говорят «до быча» с ударением на первый слог. Весь остальной мир, не занятый до бычей газа, они называют «Земля». Вахтовики все время или приехали с «Земли» или собираются «на Землю» – будто бы они космонавты. Но место работы на здешнем языке называется не «Космос», а «Север».

Единственные, кто здесь живет как бы вне империи Газпрома, – это ненцы, коренной народ Ямала. Они зависят не от газа, а от своих оленей.

– Еще непонятно, кто кого пасет, – шутят газовики, – олени ведь довольно непокорные животные. Они сами по себе кочуют и мох едят. Съели в одном месте – переходят в другое. А ненцы с ними – следят, чтобы те не разбежались.

Иногда ненцы подъезжают к городкам газовиков – за продуктами и за водкой. Вахтовики, недавно прилетевшие с Земли, высыпают на крыльцо и просят у ненцев разрешения сфотографироваться с оленями. На газовых промыслах ненцы обычно не работают. Нам рассказывали про одного ненца-специалиста, который закончил институт, проработал полтора года мастером на добыче газа, а потом все бросил – и ушел пасти оленей. Старым знакомым он объяснял так:

– Вот вы встаете, когда вам скажут, идете туда, куда вам скажут, делаете то, что вам скажут. Я так полтора года прожил – для меня мука. А здесь я сам себе хозяин.

Газовики пожимают плечами. И добавляют:

– Вообще-то понять его можно.

Рассказывая о своей работе, газовики начинают всегда с северной романтики, а оканчивают всегда деньгами.

Когда мы с мастером Михаилом Вольновым поднимаемся на буровую вышку, его сотрудники разговаривают между собой:

– Освоение нового месторождения, отжиг газа – это для зверей счастье. Звери сбегаются со всей тундры погреться. Олени, лисы, песцы – все подряд.

– Да ладно, это освоители врут. Когда первый газ выходит, всю землю так трясет – кажется, вот-вот всех убьет. Какие уж тут звери? Будь я зверем – бежал бы подальше от этого газа. Хотя кто их знает? Может, и не врут.

– Да, в такой момент, когда газ прет, чувствуешь, чего надо бояться. Природы. Газ – это же природа. Он ведь живой почти.

– Точно. Жара такая стоит, что можно зимой, даже в минус сорок, в трусах ходить.

Мы лезем на буровую. Льет мелкий дождь, небо целый день закрыто черными тучами. Ветер на вышке такой, что, кажется, сейчас оторвет голову. Самый любимый газовиками сезон. Осень. Начало августа.

– А вам повезло, что сейчас приехали. И не мороз, и не жарко, и ни комаров нет, ни мошки, – любят газиков природой.

Но популярная газпромовская поговорка, которую, говорят, придумал бывший заместитель председателя правления Вячеслав Шеремет, гласит: «О чем бы вы ни говорили,

вы говорите о деньгах». И очень скоро разговоры про природу сменяются разговорами про деньги.

– А что погода? Что мороз? – говорит Вольнов. – Нас мороз не пугает, лишь бы платили, – и снова разговор возвращается к газовой романтике. – Но даже если зарплаты нет, народ все равно не разбегается. Куда же ты денешься, если ты буровик? Вот в 90-е не платили ничего, а я все равно не ушел. Торговать идти – запахло. Я ж буровик! А буровиком родиться надо. Это от Бога, – и снова обращается к деньгам. – Перерабатывать нам тут, конечно, не дают. Бухгалтерия у нас тут строгая – за переработку не платит. Но мы в рамках дозволенного стараемся работать по максимуму.

На буровой работают в любую погоду. На других участках – на освоении, добыче, ремонте – есть ограничения. Когда холоднее, чем – 48 °С, газовики не работают. И проблема даже не в людях.

– Человек-то все выдерживает, а металл рушится, – рассказывают нам, – когда ниже минус сорока восьми градусов, он становится хрупкий. Поэтому никакой ремонт вести нельзя. А человек-то все стерпит.

Зимой здесь обычно температура не поднимается выше – 40. Ветер сбивает с ног. Чтобы дойти от машины до крыльца офиса, нужно мужество. На буровой к вышке из жилых вагончиков ходят по веревке и только группами – а то ветер свалит в канаву, и до весны никто тебя уже не найдет. Промысловики приезжают сюда на месячную вахту кто откуда: из Москвы, Уфы, Тюмени, Краснодара. Нарочно рвутся, пусть даже оставляя на Новый год жен и детей одних. Ведь оплата на промысле зависит от выполненного плана: чем больше газа добыто, тем больше денег. А зимой газа всегда нужно больше, поэтому зимние месяцы – самые хлебные, самые выгодные.

– Мы как любим говорить: трудимся почти в боевых условиях, – хвастаются газовики. – То, с чем мы работаем, горит, взрывается и отравляет. Как на войне. Поэтому так и воюем. Такое оно счастье газовика – как можно дольше терпеть. Кто дольше всех вытерпит – будет самым счастливым.

И нельзя понять, держит ли здесь людей любимая работа или высокая зарплата. И нельзя понять, стали бы люди заниматься любимой работой без высокой зарплаты. И не надо думать, будто в том, что люди хотят заниматься любимой работой, получая за нее высокую зарплату, есть какое-то противоречие. Сергей Дегтярев, замначальника по производству на месторождении Новозаполярье, уверяет, что главное, что тянет газовиков на Север – это драйв, но, рассказывая про драйв, неминуемо сворачивает и на деньги:

– Когда один промысел запустили, потом второй, такой драйв был! Захватывало. Сейчас тоже хорошо – у нас просто золотые времена – надо просто не мешать проходу газа. Он так и прет. А вот с 2012 начнется компрессорный период – там будет более жестко. Но к этому моменту мы тут хорошо разовьемся. Скоро бассейн построят. Тренажерный зал у нас уже есть, теннис, волейбол. Социалка очень хорошая. За каждого родившегося ребенка платят очень большие деньги. Путевки бесплатные каждый год. Кредиты льготные. Очень затягивает. Каждый, конечно, в мыслях хочет свободы. Но социальный пакет держит.

Инстинкт сохранения

Егор Гайдар, бывший и.о. премьер-министра, если спросить его, как и зачем Черномырдин создал Газпром из советского газового министерства, отвечает:

– Черномырдин не глупый. Он понимал, что старая министерская система управления разваливается. Советское министерство – это была система, жестко привязанная к авторитарной власти. Министерство жило, пока выполнялись команды. Для того чтобы выполнялись команды, нужна вооруженная власть. Каждый человек должен был понимать, что если он не станет выполнять команд, вооруженная власть посадит его в тюрьму или убьет. Как только вооруженная власть ослабла, управлять командными методами стало невозможно. А она ослабла к середине восьмидесятых годов. И Черномырдин придумал, что

ради сохранения газовой отрасли заставлять людей работать можно не силой, а из интереса. Он придумал, что человек будет работать не потому, что его иначе посадят в тюрьму, а потому что ему кажется, будто ему самому выгодно выполнять указания, полученные от начальства.

На самом деле словом «придумал» Гайдар описывает сложнейшую реорганизацию огромной структуры, которая и сейчас-то включает в себя полмиллиона человек, а в советское время включала на треть больше. Прежде чем начать реформы, Черномырдин стал возить своих подчиненных на Запад: в Германию и Италию.

– Я в то время говорил, – вспоминает Черномырдин, – что мы должны систему такую сделать, чтобы, даже если дурак придет, и он не смог бы ее разрушить. Мы изучали все системы мира и брали все лучшее: и по технологиям, и по оборудованию. Чтобы невозможно было ее сломать, система должна быть дуракообразной!

За образец для подражания он взял ENI – итальянскую государственную газовую компанию.

– Главным препятствием, – вспоминает Черномырдин, – был Рыжков.

Николай Иванович Рыжков. Предпоследний председатель Совета министров СССР. В историю этот главный экономист перестройки вошел, в том числе, благодаря своему публичному заявлению, будто он плачет по ночам, когда думает о том, как растут цены. Газеты потом долго выходили с карикатурами на плачущего Рыжкова. Рыжков плакал, а цены его не слушались, и Рыжков не понимал, что цены не будут слушаться его уже никогда. Однако в 1989 году, когда Черномырдин превращал свое министерство в концерн, решение зависело от Рыжкова.

Черномырдин рассказывает, что приходил к Рыжкову со своей идеей газового концерна несколько раз. Рисовал схемы, объяснял, говорил-говорил-говорил до позднего вечера. В конце одного из таких разговоров Рыжков спросил:

– То есть, я понял, что ты министром не хочешь быть? – он все еще верил, что нет лучше занятия, чем быть в Советском Союзе министром.

– Нет, не хочу, – отвечал Черномырдин.

– И не будешь членом правительства? – недоумевал Рыжков. – И понимаешь, что лишаешься всего? Дачи, привилегий?

– Да, понимаю.

– Сам?

– Сам. Пойми, Николай Иванович, не надо сейчас уже быть министром. Мы сделаем компанию.

Рыжков сомневался.

– У тебя сейчас сколько загов? – спрашивал он.

– Три первых и восемь простых, – отвечал Черномырдин.

– Ну вот, если я тебя отпущу сейчас, ты завтра возьмешь себе двадцать заместителей!

– Почему? Не надо мне двадцать. Два зама – и хватит.

Черномырдин уехал от Рыжкова за полночь, оставив председателя Совета министров в полной уверенности, что министр газовой промышленности сошел с ума. Черномырдин ехал в министерство, где его ждали два зама, посвященных в замысел: Рем Вяхирев и Вячеслав Шеремет. Уже в машине раздался звонок: «Завтра вопрос о преобразовании министерства газовой промышленности в госконцерн будет обсуждаться на президиуме Совета министров». Остаток той ночи 1989 года Черномырдин, Вяхирев и Шеремет думали, как представить свою авантюру президиуму. Черномырдину удалось заранее договориться только с зампредом Совета министров Батаниным. Тот пообещал: «Я и помогать не буду, потому что я против, но и возражать не стану».

И слово свое сдержал. Речь Черномырдина в Совмине выслушали молча. Реакция остальных членов правительства была недоуменной. И вдруг слово взяла Александра Бирюкова, зампред Совмина, курировавшая легкую промышленность.

– Я выслушала все, что сейчас докладывал министр, – так вспоминает сейчас ее слова

Черномырдин, – и я ничего не поняла из того, что он говорил. Но хочу сказать: а почему бы нам не попробовать? Чего мы боимся? Мы его хорошо знаем. К нему никогда никаких претензий не было. Если у него не получится – мы ему голову оторвем и вернем все на свои места.

Совету министров СССР оставалось существовать меньше двух лет, самому Советскому Союзу оставалось существовать меньше двух лет. А члены президиума верили, будто могут еще кому-то оторвать голову и что-то вернуть на свои места. На самом деле они не могли уже ничего. Вскоре после того как Газпром перестал быть министерством, председатель Совета министров СССР Рыжков выступил на заседании Верховного совета и заявил с трибуны, что все цены в СССР искусственно занижены, и их нужно повысить минимум в два раза, а на хлеб – и вовсе в три. В считанные часы по всей стране товары пропали с прилавков. В стране была введена карточная система. А 26 декабря 1990 года 61-летний Рыжков ушел на пенсию. На посту советского премьера его сменил Валентин Павлов. Павлов в надежде справиться с экономическим кризисом попытался было провести денежную реформу, но выйти из кризиса реформа не помогла, а только озлобила людей, потерявших на этой реформе деньги.

Советский Союз довольно быстро распался. Правительства многих республик откровенно саботировали решения союзного кабинета министров, объявляя их вмешательством в свои внутренние дела. Только Газпром пока еще надежно контролировал все свои трубы и месторождения на территории всего СССР.

19 августа 1991 года советская власть предприняла последнюю попытку сохранить себя. Вице-президент СССР Янаев, председатель КГБ Крючков и министр обороны Язов попытались совершить переворот и отстранить от власти президента СССР Михаила Горбачева. Их поддержал и премьер Павлов. Попытка провалилась, причем противостоял заговорщикам не президент Горбачев, взятый под домашний арест на своей крымской даче, а президент России Борис Ельцин, сумевший организовать сопротивление на улицах Москвы и получивший поддержку народа, а потом и армии.

Фактически с этого момента Советский Союз перестал существовать вместе со всеми своими министерствами. Юридически Советский Союз перестал существовать в декабре 1991 года, когда президенты России и Украины Борис Ельцин и Леонид Кравчук и председатель Верховного совета Белоруссии Станислав Шушкевич подписали Беловежское соглашение.

Газпром, добывавший больше 800 миллиардов кубометров газа в год и занимавший первое место в мире по объемам добычи, имевший сеть газопроводов длиной 160 тысяч километров, владевший 350 компрессорными станциями, 270 промышленными установками комплексной подготовки газа, несколькими тысячами скважин и десятками подземных хранилищ, потерял треть трубопроводов, треть месторождений и четверть мощности компрессорных станций.

Но – в отличие от Советского Союза и любого из его министерств – продолжал существовать.

Глава 2

Наш дом – Газпром

Новый вице-премьер

30 мая 1992 года министр топлива и энергетики Владимир Лопухин должен был защищать на заседании правительства свою концепцию реформирования нефтяной и газовой отрасли страны. Вернее, пока только нефтяной. Газовая отрасль министру Лопухину была явно не по зубам. Идеолог российской приватизации Анатолий Чубайс говорит, что Газпром отличался от всех остальных отраслей промышленности технологически. Разделить его и

властвовать было практически невозможно.

В машиностроении, например, по словам Чубайса, каждый директор завода чувствовал себя независимым хозяином, таким удельным князьком. В нефтянке – то же самое. Директор крупного завода, директор нефтедобывающего управления был царем и богом в своем регионе. Директора заводов и добывающих управлений поначалу сопротивлялись приватизации, но все же были разрознены и поэтому рано или поздно побеждены. Газпром – другое дело. Газпром стоял как крепость. Нефть, улыбается Чубайс, можно, грубо говоря, налить в ведро, унести с месторождения и продать. Составляющие же Газпром четыре океана газа и двенадцать магистральных газопроводов связаны в единую систему и не могут существовать друг без друга. Газ никак нельзя продать по частям. Газ, в отличие от довольно инертной нефти, летуч и легок, он только и ждет малейшего нарушения технологии, малейшей щели в трубе или малейшей несогласованности транспортировщиков, чтобы вырваться наружу и взорваться. Империя Газпрома целиком контролируется с центрального пульта в главном офисе в Москве, то есть – председателем правления.

Поэтому реформа, которую должен был предложить 30 мая на заседании правительства Лопухин, касалась пока только нефтяников. Совещание у Лопухина продолжалось накануне всю ночь. В совещании принимал участие заместитель министра Михаил Ходорковский, тогда еще банкир, но, видимо, уже решивший заняться нефтью, и «нефтяные генералы», тогда еще директора, а в будущем – владельцы нефтяных компаний. В сущности, они понимали неизбежность того, что нефтяная отрасль разделится на множество частных предприятий, а нефтепровод не достанется ни одному из них. Никто из «нефтяных генералов» не имел сил тогда контролировать всю нефтяную отрасль, как Черномырдин контролировал газовую. Они смирились с приватизацией, реформа Лопухина с теми или иными оговорками предлагала им стать владельцами добывающих управлений, которыми до 30 мая эти люди только руководили. На заседании правительства предполагалось принять концепцию, и все понимали, что потом еще надо будет воплотить эту концепцию в жизнь, реформировать по ней каждое добывающее управление, и каждый раз с боем.

А пока что к утру 30 мая доклад был готов и согласован. Лопухин сидел в Георгиевском зале Кремля, где тогда проходили заседания правительства, и на столе перед министром лежала пухлая папка доклада. Все правительство было в полном сборе, включая и.о. премьер-министра Егора Гайдара. Но по закону правительство тогда возглавлял президент, премьер-министр только замещал его. И заседание 30 мая должен был проводить президент Ельцин лично. Все ждали президента.

Президент же был совсем недалеко, за дверью, в маленьком кабинете, который отводился главе государства рядом с залом заседаний правительства. Президент сидел в кресле. Открылась дверь. Не та, что вела в зал заседаний, а та, что вела в коридор. Из коридора вошел вызванный накануне Ельциным председатель правления Газпрома Виктор Черномырдин.

– Виктор Степанович, – сказал президент. – Я решил отправить в отставку министра Лопухина и назначить вас на его место.

Они были давно знакомы, еще с советских времен, еще в Свердловске, где Ельцин руководил строительным управлением, а Черномырдин – газотранспортным. Как принято было у советских руководителей, они обращались друг к другу на «ты», но по имени-отчеству. Однако, став президентом новой России, Ельцин бросил эту советскую манеру и ко всем обращался на «вы». Черномырдин к Ельцину тоже обращался на «вы» – президент все-таки.

Сейчас Виктор Черномырдин рассказывает эту историю так, будто был готов к предложению Ельцина. Сейчас он объясняет свою тогдашнюю готовность тем, что Владимир Лопухин был заведомо слабым министром. По слова Черномырдина, Лопухин стал министром случайно. Будто бы однажды ночью Лопухину позвонил один из соратников Ельцина Александр Шохин и спросил: «Володя, хочешь быть министром?» Шохин, правда, отрицает факт этого ночного звонка, но никто не отрицает факта, что карьеры в то время

действительно делались вот так, одним телефонным звонком.

Впрочем, Егор Гайдар утверждает, что предложенная Лопухиным реформа нефтяной отрасли была разумной, грамотной и, главное, была воплощена в жизнь. Благодаря этой реформе, добыча нефти, которая в 91 и 92 годах падала на 60 миллионов тонн в год, стала расти. Тогда как добыча Газпрома, избежавшего Лопухинской реформы, почти не менялась в 90-е годы, а сейчас падает. Гайдар объясняет это тем, что частный собственник эффективнее государства. И еще Гайдар говорит, что Черномырдин не потому так спокойно отнесся к президентскому предложению, что считал Лопухина слабым министром, а потому, что заранее был предупрежден о сути президентского предложения.

– Я не знаю, – пожимает плечами Гайдар, – кто уговорил Бориса Николаевича сменить Лопухина на Черномырдина. Это до сих пор остается для меня загадкой.

Черномырдин вышел из президентского кабинета и пошел по коридору, огибая огромный зал заседаний, чтобы войти в ту дверь, через которую входили члены правительства. Ельцин шагнул в зал заседаний прямо из своего кабинета, через ту дверь, которая предназначалась только для него одного.

– Я решил отправить в отставку министра топлива и энергетики, – сказал президент, обводя членов правительства своим тяжелым взглядом, словно ожидая и готовясь пресечь малейшее неповиновение министров. – Вице-премьером, курирующим топливно-энергетический комплекс, назначаю Черномырдина Виктора Степановича.

Пока президент говорил это, Черномырдин прошел по коридору, вошел в зал заседаний, поздоровался с новыми коллегами и занял свое место. Бывший уже министр топлива и энергетики Владимир Лопухин сидел, говорят, красный как рак от обиды. Его доклад в тот день не слушали. На следующий день без особых дискуссий и поправок правительство приняло концепцию реформы нефтяной отрасли, предложенную уволенным министром Лопухиным. Кажется, это был политический размен. Неизвестные люди, уговорившие президента уволить Лопухина и назначить Черномырдина, вероятно, обещали президенту не препятствовать реформе нефтяной отрасли. А за это президент, вероятно, обещал этим неизвестным людям не трогать Газпром и отдать всю энергетику страны под контроль главы Газпрома. С этого момента началась пятилетняя политическая карьера Виктора Черномырдина, чуть было не приведшая главу газовой компании в кресло президента страны. Чуть было не превратившая Газпром из, как принято было говорить, «станового хребта России» в самое российскую власть.

Политический самоубийца

Сразу после заседания правительства премьер-министр Егор Гайдар отправился в свой кабинет и принялся расхаживать из угла в угол. Он и сейчас расхаживает по кабинету, когда дает интервью. Он давно не премьер-министр, он возглавляет Институт экономики переходного периода, иногда к нему еще обращается за экономическими советами власть, но редко. Однако же привычка расхаживать по кабинету осталась. Нервы. Слишком большой груз ответственности и слишком большое напряжение политических интриг для тихого, полного, интеллигентного человека с сонными глазами, который собирался заниматься экономической теорией, а не становиться премьер-министром правительства в тот момент, когда страна была на грани гражданской войны и голода.

Пять минут Гайдар ходил по кабинету бесцельно. Через пять минут позвонил Ельцин:

– Егор Тимурович, простите. Я не успел позвонить вам и предупредить о своем решении. И не успел посоветоваться с вами.

После этого звонка Гайдар стал расхаживать по кабинету осмысленно. Она шагала полтора часа. Думал, следует ли подать в отставку теперь, когда президент Ельцин через его голову снял с должности одного из его министров-реформаторов. Было совершенно очевидно, что отставкой министра топлива и энергетики дело не кончится. Под давлением коммунистов и «красных директоров», составлявших добрую половину парламента,

президент стал сдавать реформаторов, и сдаст всех, включая Гайдара. Но, с другой стороны, до падения правительства оставалось еще какое-то время (как выяснится, пять с половиной месяцев), и за это время Гайдар мог успеть провести некоторые важные для страны реформы: сделать рубль конвертируемым, разделить валюты бывших республик Советского Союза и главное – довести до логического конца либерализацию цен. Пошагав по кабинету полтора часа, Гайдар решил остаться и сделать все, что успеет за отпущенный ему политическими интригами срок.

Всего за полгода до описываемых событий в России существовала советская еще система распределения всех товаров по фиксированным ценам. Полки в магазинах пустовали. На витринах огромными пирамидами были выстроены только жестяные консервные банки с отвратительной на вкус морской капустой. За маслом люди занимали очереди с ночи. Пекарням не из чего было печь хлеб. России требовалось закупить 30–40 миллионов тонн зерна, чтобы избежать голода, но денег на это зерно не было. Только единая энергетическая система страны продолжала снабжать электричеством дома и больницы, впрочем, уже с перебоями, только железные дороги продолжали еще возить пассажиров себе в убыток, и Газпром продолжал еще поставлять газ в дома и котельные, не надеясь когда-нибудь получить за этот газ плату.

Советская плановая экономика агонизировала. Никто больше не хотел работать бесплатно, а государство не имело верной армии, милиции и спецслужб, чтобы заставить людей работать, как это делал Сталин. Государство вообще почти ничего не имело, государство доедало последнее, но мало кому, кроме Гайдара, было известно, что золотовалютные запасы страны можно погрузить в один чемодан, а запасов продовольствия в стране осталось на две недели. Надо было немедленно отпустить цены, чтобы заработала экономика.

2 января 1992 года вступил в силу указ президента Ельцина о либерализации цен. Фактически Россия остановилась в шаге от голода и гражданской войны. Экономика вышла из комы, хотя было еще далеко до того, чтобы она стала на ноги. Цены оставались фиксированными только для газовиков, нефтяников и энергетиков. Фактически газовики и нефтяники спонсировали выздоравливавшую российскую экономику, как больного поддерживают питательными инъекциями. Нефтяники и газовики зарабатывали только на экспортных контрактах, а внутри страны поставляли газ и нефтепродукты себе в убыток.

11 апреля 1992 года правительство Гайдара разрешило газовикам и нефтяникам оставлять 38 % своей валютной выручки на зарубежных счетах. Предполагалось закупать на эти деньги продовольствие, везти в Россию и продавать внутри страны по свободным ценам. Но руководители государственных нефтяных компаний и Газпрома, похоже, восприняли эти 38 % валютной прибыли как подарок себе за то, что в России они продают нефть и газ ниже себестоимости. 19 мая Гайдар обязал Газпром и экспортеров нефти зарегистрировать свои зарубежные счета в Центробанке и отчитываться перед Минфином за движение денег на этих счетах. И вот прошло десять дней, и нефтяники с газовиками съели министра Лопухина, и готовились съесть самого Гайдара. И нельзя было бесконечно надеяться на поддержку Ельцина. И не было никакой поддержки со стороны избирателей, не желавших понимать, что правительство Гайдара спасло их от голода и гражданской войны, зато понимавших, что молоко подорожало вдесятеро.

Гайдар расхаживает по своему кабинету и вспоминает:

– Я совершил политическое самоубийство, когда разморозил цены. Еще в Советском Союзе, еще со времен Новочеркасского восстания, все руководители страны понимали, что либерализация цен неизбежна. Но никто не осмеливался сделать ее, потому что это было политическое самоубийство. Мы сделали, – Гайдар соединяет руки за спиной, как будто ему прямо сейчас предстоит взойти за либерализацию цен на эшафот. – Когда мы разморозили цены, десятки людей, высокопоставленных и информированных, понимавших, что либерализация цен неизбежна, стали, тем не менее, советовать Ельцину отмежеваться от нас. Ельцину советовали говорить, что вот, дескать, его обманули «чикагские мальчишки», что

теперь повернуть либерализацию вспять уже нельзя, но правительство Гайдара он выгонит за то, что оно ввергло граждан в нищету.

Гайдар ненадолго замолкает; видно, что он до сих пор тронут тем, как Ельцин повел себя.

– Борис Николаевич, – продолжает он, – вместо этого стал ездить по ключевым регионам страны и объяснять, что либерализация цен проведена правильно, в интересах страны и по его указанию.

Эти поездки не были для Ельцина легкими. Он был тогда самым популярным человеком в стране. За него голосовали 90 % избирателей в Москве и родном Екатеринбурге. Он привык видеть у своих ног площади, забитые восторженным народом, который кричал «Ельцин! Ельцин!». Но после либерализации цен он приезжал в Нижний Новгород, шел в продуктовый магазин, и толпа перед магазином проклинала его. Да, в магазине появилась сметана, про которую многие люди даже забыли, как она выглядит. Но сметана подорожала не на пятьдесят процентов, как ожидал Ельцин, и даже не на сто, а в десять раз.

– Почему такая дорогая сметана?! – отчитывал Ельцин нижегородского губернатора Бориса Немцова. – Немедленно снизить цену в пять раз!

– Нельзя, Борис Николаевич, – отвечал Немцов. – Это свободная цена. Это такая свободная цена.

Ельцин, искренне любивший власть и привыкший к всеобщему поклонению, заметно страдал в таких поездках. После одной из них Ельцин вызвал к себе Гайдара и спросил:

– Егор Тимурович, мы сократили военные расходы, мы сократили сельскохозяйственные субсидии, мы сократили расходы на образование, здравоохранение и пенсии. Скажите теперь, где же база нашей политической поддержки?

– У нас нет политической поддержки, – отвечал Гайдар.

На волне народного недовольства размороженными ценами, в парламенте, функцию которого исполнял тогда Съезд народных депутатов, усиливались коммунисты. Все популярнее становились «красные директора» (руководители советских предприятий, члены компартии и сторонники плановой экономики), ничего хорошего от либерализации цен не ожидавшие, поскольку советская плановая система приучила их предприятия выпускать неконкурентоспособную продукцию, отпускать цены на которую бессмысленно. Нефтяников еще можно было уговорить, что свободный рынок, приватизация и реструктуризация отрасли для них выгодны. Нефтяная отрасль была парализована. Газпром же чувствовал себя неплохо. Еще до распада Советского Союза Газпром успел превратиться в эффективную корпорацию-монополиста. И теперь Газпром не хотел утратить это качество. Свой патриотический долг Газпром видел в том, чтобы за бесценок снабжать газом население и промышленность, а свою выгоду Газпром видел в том, чтобы продавать газ на экспорт.

Объективно «красные директора» были сильнее гайдаровских либералов, совершивших политическое самоубийство. Гайдар понимал, что если не хочет утащить за собою в политическое небытие и президента Ельцина, то должен отдать премьерское кресло «красным директорам». И был единственный «красный директор», создавший к тому времени эффективную и конкурентоспособную компанию, не мечтавший о возвращении плановой экономики, которая позволяла бы производить никому не нужное черт знает что, понимавший, хотя бы на уровне чутья, как должен быть устроен рынок. Этим человеком был Виктор Черномырдин. Но Ельцин продолжал настаивать на том, что премьер-министром должен оставаться Гайдар.

Осенью 1992-го, чтобы быть утвержденным депутатами съезда в должности премьера, Гайдару требовалось набрать 445 голосов. Это было невозможно, но Ельцин все равно внес кандидатуру Гайдара на пост премьер-министра, и Гайдар собрал 400. Тогда Ельцин приступил к консультациям с фракциями. Предметом торга была новая «ельцинская конституция». Взамен на утверждение Гайдара в должности премьер-министра коммунисты требовали, чтобы в новой конституции Ельцин отказался от части президентских полномочий, например, чтобы не президент, а парламент назначал министра обороны и

главу министерства внутренних дел. Ельцин согласился.

После совещания с коммунистами к Ельцину подошел депутат Сергей Юшенков. Он был первым офицером, который перешел на сторону Ельцина во время августовского путча 91 года. Он будет убит, когда Ельцин перестанет быть президентом.

И он сказал тогда:

– Борис Николаевич, коммунисты вас обманут. Давайте хотя бы сначала потребуем утверждения Гайдара, а потом уже внесем поправки в Конституцию.

– Сергей Николаевич, – отвечал президент. – Не мелочитесь.

Ельцин был уверен, что обмануть президента страны – это все равно что предать Родину. По инициативе президента были внесены поправки в Конституцию. Съезд народных депутатов получил право самостоятельно назначать угодных депутатам министров силового блока. И тогда президент внес кандидатуру Егора Гайдара на пост премьер-министра повторно.

Накануне голосования Ельцин позвал Гайдара к себе в маленький кабинет, соседствовавший с президентской трибуной на съезде.

– Как вы думаете, сколько вы наберете голосов? – спросил Ельцин, улыбаясь: ему приятно было подарить Гайдару премьерский пост.

– Я наберу 420 голосов, – улыбнулся Гайдар в ответ.

– Перестаньте, – махнул рукой Ельцин. – Вы наберете 460 голосов, не меньше.

Потом было голосование. Гайдар набрал 425 голосов. И Ельцин был потрясен вероломством коммунистов. Он позвонил Гайдару и спросил:

– Вы все еще улыбаетесь?

– Что же мне, – отвечал Гайдар, – плакать, что ли?

– А я не улыбаюсь! – Гайдар слышал, как Ельцин скрипнул зубами, произнося эту фразу.

На следующие утро помощники и приближенные Ельцина несколько раз звонили Гайдару. Просили собрать правительство. Выражали надежду, что правительство сможет сохранить стабильность в стране. Ельцин тем временем поднимался на трибуну Съезда народных депутатов. Депутаты стихли. Президент обвел их тяжелым взглядом и сказал:

– Считаю... – он всегда опускал местоимения в публичных речах. – Считаю, что Съезд народных депутатов не отражает волю народа. Прошу... Прошу всех моих сторонников покинуть съезд.

Это было как клич Жанны д'Арк: «Кто любит меня – за мной!»

Президент спустился с трибуны и медленно пошел к дверям по проходу между кресел. Справа и слева от него поднимались со своих мест депутаты и шли за президентом следом, вон из зала. Двое, трое, десятеро, двадцать человек, тридцать... На лице спикера Съезда Руслана Хасбулатова мелькнул испуг: что, если президенту, как тогда, в августе 91-го во время путча, удастся повести за собой людей, добиться самороспуска Съезда и перевыборов депутатов? Пятьдесят человек, семьдесят, сто. Они шли к дверям. Сто пятьдесят, сто восемьдесят, двести. Но остальные продолжали сидеть на своих местах. Спикер успокоился. Вместе с президентом съезд покинули всего двести депутатов. Кворум сохранился. Ельцин проиграл.

Гайдар говорит, что политические взгляды большинства депутатов на Съезде были аморфны. Большинству просто было легче оставаться сидеть в креслах, чем участвовать в отчаянных политических демонстрациях. Гайдар говорит, что если бы подготовить депутатов, то зал покинули бы больше половины народных избранников, и Съезд бы самораспустился. Но Ельцин все еще не верил, что популярность его падает от того, что в магазинах подорожала сметана. Он все еще верил, что россияне способны предпочесть сметане свободу и демократию. И он проиграл.

В последующие дни оставшиеся на Съезде депутаты приняли множество поправок к Конституции. Согласно этим поправкам, власть президента в стране становилась номинальной, силовые структуры поступали в распоряжение парламента. Это не отражало

реальных настроений в армии и милиции, войска опять, как в августе 91-го, готовы были разделиться и направить штыки друг на друга. Россия опять оказалась на пороге гражданской войны.

Через пару дней Ельцин пригласил Гайдара и попросил его участвовать от имени исполнительной власти в Конституционном совещании. Во избежание гражданской войны спикер Съезда Руслан Хасбулатов, премьер правительства Егор Гайдар и председатель Конституционного суда Валерий Зорькин собрались, чтобы найти компромисс между законодательной и исполнительной ветвями власти. Формулу компромисса опять же предложил Гайдар. Он предложил, что уйдет в отставку, а за это Съезд отменит ограничивающие президентскую власть конституционные поправки и вынесет ельцинскую конституцию на всенародный референдум. Новый премьер-министр, по предложению Гайдара, должен был быть избран рейтинговым голосованием из нескольких кандидатур.

Конфликт интересов

Вице-премьер правительства Виктор Черномырдин в Съезде не участвовал. Он курировал топливо и энергетику и не видел никакого смысла в политической возне, которой большую часть своего времени посвящали Гайдар и Ельцин. Черномырдин считал, что нужно заниматься делом. Он уважительно относился к Гайдару, считал его реформы необходимыми, но не мог понять, как это возможно, чтобы премьер участвовал в закулисных переговорах и не отвечал на звонки «вертушки», телефона экстренной правительственной связи.

– Гайдар не только по «второй вертушке» не отвечал, – вспоминает Черномырдин. – Он даже по «первой вертушке» не отвечал. Как это так может быть? Я вице-премьер. Если я звоню по «первой вертушке», значит у меня что-то важное.

По «второй вертушке» руководители государства звонят друг другу через секретарей. По «первой вертушке» – напрямую. Для воспитанного советской системой Черномырдина не ответить на звонок «первой вертушки» было невозможно.

И вот 13 декабря 1992 года в кабинете Черномырдина зазвонила «первая вертушка». Звонил Ельцин. Он сказал:

– Виктор Степанович, нам не удастся удержать Гайдара, приезжайте на Съезд.

14 декабря на съезде произошло мягкое рейтинговое голосование. Депутаты выбирали из четырех предложенных кандидатур. В рейтинговом голосовании 637 голосов набрал секретарь Совета безопасности Юрий Скоков, 621 голос набрал вице-премьер Виктор Черномырдин. Другие два кандидата – Егор Гайдар и директор “Автоваза” Владимир Каданников – с большим отрывом отставали от лидеров.

Наступила пауза. Президент Ельцин очевидно не мог назначить премьер-министром Гайдара, съезд не поддержал бы президента, война исполнительной и законодательной ветвей власти разыгралась бы с новой силой. Ельцин мог отдать правительство Скокову, то есть, в конце концов, силовикам, или Черномырдину, то есть, по большому счету, – Газпрому. И Ельцин колебался.

Во время перерыва в маленький совмещенный с президентской ложей кабинет Ельцина пришел Гайдар. Он посоветовал Ельцину прекратить борьбу за сохранение правительства либералов. Но и не предлагать Съезду Скокова, а предложить Черномырдина.

– Если вы остановитесь на Черномырдине, – сказал Гайдар, – я скажу своим коллегам в правительстве, что они имеют моральное право остаться и работать с новым премьером.

Через пять минут Гайдар вышел из ложи Ельцина, демонстративно подошел в зале к Виктору Черномырдину и поздравил его. Депутаты поняли, что президент остановил свой выбор на человеке из Газпрома. Дальнейшее утверждение Черномырдина на посту премьера носило чисто формальный характер. Президент вынес его кандидатуру на голосование, и за нового премьера проголосовал 721 депутат.

Казалось бы, Газпром мог ликовать, что его корпоративные интересы защищаются

теперь в правительстве на самом высоком уровне, и Газпром ликовал. Казалось бы, Черномырдин мог испытывать неведомое Гайдару чувство уверенности от того, что за его спиной стоит такая мощная промышленная структура, как Газпром, и Черномырдин, вероятно, испытывал уверенность. Однако вскоре выяснилось, что интересы государства и интересы компании во многом расходятся.

Черномырдин вообще оказался в непривычной для него, двоякой ситуации. С одной стороны, своим назначением он был обязан парламентариям. С другой стороны, не прошло и года после его назначения, как он отдал приказ стрелять в парламент из танка. Вопреки договоренностям, которые достигнуты были между Егором Гайдаром и Русланом Хасбулатовым, парламент не отменил конституционных поправок, которые обещал отменить в случае ухода Гайдара в отставку. В результате, не прошло и года Черномырдинского премьерства, как конфликт между законодательной и исполнительной властями дошел до вооруженного противостояния. Парламент объявил исполнительную власть вне закона. Сторонники Руслана Хасбулатова забаррикадировались в здании парламента, пошли на штурм телецентра Останкино и Московской мэрии. И в ночь с 3 на 4 октября 1993 года утвержденный этим парламентом премьер Черномырдин звонил министру обороны Грачеву и требовал танков, и получил. Танки расстреляли парламентское здание на Краснопресненской набережной, и здание это после ремонта стало Домом правительства.

Было трагически раздвоенное время. 1 февраля 1993 года Черномырдин позволил Газпрому в четыре раза увеличить цены на газ внутри страны, но вместе с тем почти никто внутри страны Газпрому за газ не платил, и компании, в сущности, было все равно, сколько денег ей не платят – как раньше или в четыре раза больше.

Вообще вместо денег в те времена в России использовались вексельные схемы. Какая-нибудь поликлиника, например, нуждалась в газе, но не имела денег за газ платить. Главный врач поликлиники обращался в Министерство здравоохранения и получал разрешение взять кредит в коммерческом банке, чтобы закупить на этот кредит газ. Государство брало на себя обязательства со временем погасить этот кредит. Коммерческий банк кредит поликлинике давал, но не деньгами, а векселем. Вексель на сто рублей, например, Газпром отказывался считать ста рублями, зачитывал вексель за шестьдесят рублей и на шестьдесят рублей поставлял поликлинике газ. Потом банк требовал от Газпрома заплатить по векселю, причем вексель оценивал уже в восемьдесят рублей. Газпром платил и требовал от государства погасить сторублевый вексель. Государство, не имея денег, списывало сто рублей с налогов Газпрома. Таким образом, Газпром поставив газа на шестьдесят рублей, получал налоговых списаний на сто рублей. А банк получал восемьдесят рублей за вексель, рыночная цена которого равнялась шестидесяти рублям.

Это, конечно, очень грубое и весьма неточное объяснение многочисленных вексельных схем, которыми жила в начале девяностых российская экономика. Важно только понимать, что живые деньги оказывались в дружественных Газпрому банках, вроде банка “Империал”, главой совета директоров которого был Рем Вяхирев – по совместительству глава Газпрома. И важно понимать, что сам Газпром получал благодаря вексельным схемам значительные налоговые послабления и никогда (если верить официальной отчетности) не имел денег ни чтобы платить налоги, ни даже чтобы платить зарплаты своим рабочим.

Премьер Черномырдин, надо полагать, закрывал глаза на вексельные схемы. Но если вексельные схемы были выгодны руководству Газпрома, с которым Черномырдина связывали дружеские отношения, то премьеру Черномырдину вексельные схемы были невыгодны. Ему приходилось думать, как выкроить из пустого бюджета зарплаты врачам, учителям и военным. И это у Черномырдина болела голова, когда в ноябре 93-го в стотысячном городе Надыме бастовало восемьдесят тысяч работавших на Газпром строителей, да еще посылали эмиссаров в Воркуту, чтобы объединить забастовку строителей и забастовку угольщиков и превратить ее, в конце концов, во всеобщую стачку.

Постепенно правительство и Газпром пришли к негласному договору, что налоги компания платит не в том размере, который установлен законом, а в том размере, который

необходимо правительству на самые неотложные нужды. «Хотели как лучше, а получилось как всегда», – такова была одна из растиражированных прессой крылатых фраз премьера Черномырдина. И фраза эта при всей ее комичности действительно отражала суть событий – реформы шли не так, как были задуманы, а как получалось.

И все же реформы шли. Несмотря на «политическое самоубийство» Гайдара, позиции либералов все еще были очень сильны, и идея приватизации все еще пользовалась большой популярностью в народе. Сейчас Черномырдин рассказывает, что пока он был главой Газпрома, ему приходилось встречаться с отцом приватизации Анатолием Чубайсом и всеми правдами и неправдами пытаться Газпром от приватизации уберечь.

– Когда я стал премьером, – говорит Черномырдин, – я эти разговоры пресек.

Однако приватизация Газпрома шла. Непосредственно занимавшийся приватизацией Газпрома заместитель Чубайса Петр Мостовой дважды получал выговоры и однажды чуть было не вылетел с работы, но всякий раз, когда Черномырдин всерьез атаковал Мостового, Чубайс ехал в Кремль, разговаривал с Ельциным, спасал Мостового, и приватизация газового концерна продолжалась. По большому счету, Черномырдину удалось добиться только того, что Газпром приватизировался на особых условиях, без реструктуризации, то есть, оставаясь монополистом, и так, что ни один из владельцев газпромовских акций не мог свободно продавать их без согласия правления.

С одной стороны, Газпром получал право выкупить у государства 10 % акций за приватизационные чеки по номинальной цене (примерно в десять раз ниже предполагаемой рыночной), с другой стороны, только эти акции Газпром и мог размещать на международном рынке, тогда как остальными акциями компании предполагалось торговать только в России и по цене значительно ниже рыночной.

С одной стороны, менеджеры Газпрома получали от приватизации приличный куш, с другой стороны, Газпрому предписано было разместить 28,5 % своих акций в тех регионах, где компания работает, и продавать свои акции только физическим лицам.

С одной стороны, 35 % акций Газпрома оставались в руках государства. С другой стороны, 19 января 1994 года Черномырдин дал поручение правительству в трехдневный срок подготовить к подписанию проект трастового договора, согласно которому акции, принадлежавшие государству, передавались руководству Газпрома в трастовое управление, а в награду за осуществление доверительного управления руководство Газпрома получало право выкупить у государства эти акции по номинальной стоимости.

Интересы государства и интересы Газпрома рознились, но, видимо, премьер-министр Виктор Черномырдин и председатель правления Газпрома Рем Вяхирев всерьез надеялись, что когда-нибудь в далекой исторической перспективе интересы государства и газовой корпорации сойдутся. Надо было только удержаться у власти, надо было хоть через пень-колоду, но довести реформы до конца.

Впервые интересы Газпрома и премьера совпали в апреле 1995-го, когда Черномырдин создал и возглавил политическое движение «Наш дом – Россия». Глава Газпрома Рем Вяхирев даже и не скрывал, что поддерживает новую черномырдинскую партию. Журналисты, не стесняясь, называли эту партию «Наш дом – Газпром», и мало кто сомневался, что эта партия победит на выборах в конце года. Губернаторы и директора крупных предприятий открыто сочувствовали новой черномырдинской партии. Деятели культуры и звезды шоу-бизнеса, как это им свойственно, поспешили вступить в партию власти. Города были завешаны предвыборными плакатами, на которых Черномырдин складывал руки домиком, словно защищая Россию от невзгод.

И все же Черномырдин, привыкший ценить реальную мощь своего газового концерна, явно недооценивал эфемерную мощь телевидения. Он совершил множество ошибок в качестве публичного политика. Вернее, что бы Черномырдин ни делал, тележурналисты искусно представляли это как ошибку.

Шла первая чеченская война. В июне 1995 террористы захватили больницу в городе Буденновске. Черномырдин вел переговоры об освобождении заложников. Вся страна

слышала, как премьер кричал в телефон предводителю террористов: «Шамиль Басаев, говорите громче». Когда заложники были освобождены, только ленивый не пенял Виктору Черномырдину за глупость и неуклюжесть этой фразы.

На самом деле Черномырдин оказался единственным в новейшей истории России переговорщиком, которому удалось спасти заложников. Но над ним смеялись. Хотя в его фразе не было ничего смешного. На Кавказе принято обращаться просто по имени и на «ты». Но не мог же премьер обращаться к террористу на «ты» и по имени, как к старому приятелю. В Москве принято обращаться по фамилии и подставляя перед фамилией слово «господин». Но не мог же Черномырдин говорить «господин Басаев», потому что какой же он, к чертовой матери, господин, если захватил в заложники детей и женщин. А слова «говорите громче» значили всего лишь, что премьеру было плохо слышно по телефону. Но над ним смеялись. И этот эпизод был лишь одним из тысячи эпизодов, снижавших рейтинг черномырдинской партии, несмотря на всю мощь Газпрома в партийной кассе.

В сентябре 1995-го на вопрос о партии Черномырдина президент Ельцин махнул небрежно рукой и сказал, что партия эта несерьезная, на выборах наберет максимум 8—10 процентов. Таким образом Ельцин как бы лишил «Наш дом – Россия» президентской поддержки.

В декабре 1995 года партия «Наш дом – Россия» получила на выборах 10 процентов. Это было катастрофическое поражение. Получить большую фракцию в парламенте у Черномырдина не получилось. Он отказался от депутатского мандата и продолжал работать премьер-министром.

Глава 3 **Трастовый договор**

Вопрос президента

Черномырдин не помнит точно, когда произошел этот разговор, но разговор произошел на охоте. Дело было в ста километрах от Москвы, в заповеднике Завидово, который, кажется, ничуть не изменился с тех пор, как из охотничьих угодий генеральных секретарей превратился в охотничьи угодья президента новой России. Пост дорожной милиции посреди поля, шлагбаум, дальше поста могут проезжать только машины со специальными пропусками. В кишасщем дичью лесу – асфальтированные и очищенные от снега дорожки. По полянкам между реками Лама и Шоша разбросаны заимки, удобно оборудованные для того, чтобы высокопоставленные охотники могли поджидать загоняемого егерями зверя.

Был конец зимы 1996 года. Года президентских выборов. Из-за либерализации цен, из-за огромной инфляции, из-за чеченской войны, из-за неуклюже начавшейся приватизации – за Ельцина, согласно опросу социологической службы ВЦИОМ, готовы были проголосовать всего 5,4 % избирателей, тогда как за лидера коммунистов Геннадия Зюганова – 11,3 %. И вот на охоте президент Ельцин спросил премьер-министра Черномырдина:

– Виктор Степанович, вы готовы идти в президенты?

Сейчас, вспоминая эту историю, Черномырдин говорит, что о возможном президентстве ему намекали все почти тогдашние губернаторы и директора крупных предприятий. Обещали поддержку. Но занять президентский пост Черномырдин готов не был: хорошо ориентировался во внутренних российских делах, но слишком неопытен был в международной политике. Еще Черномырдин говорит, что отчетливо видел, как хотелось Ельцину снова стать президентом, несмотря на катастрофически низкий рейтинг.

Черномырдин не рассказывает, что вопрос «хотите ли вы стать президентом?» Ельцин в то время задавал многим. И это был проверочный вопрос. Спикер Совета Федерации Владимир Шумейко ответил, что готов стать президентом, пообещал продолжить и довести до конца начатые Ельциным демократические реформы и через неделю лишился своего

поста. К нижегородскому губернатору Борису Немцову Ельцин послал Егора Гайдара спросить, готов ли Немцов баллотироваться в президенты. Немцов ответил: «Нет, я считаю, что президентом должен остаться Ельцин» – и получил повышение.

Черномырдин тоже ответил «нет». Может быть, действительно опасался международной политики. Может быть, нажитое в советское время чувство номенклатурной справедливости подсказывало Черномырдину, что рано еще ему метить на главный пост страны, не по рангу. Может быть, Черномырдин просто Ельцина пожалел. Может быть, понимал, что президентский вопрос – ловушка.

Черномырдин ответил:

– Борис Николаевич, не беспокойтесь, мы вас выберем в президенты.

Примерно в это же время в швейцарском городке Давос на экономическом форуме после окончания заседаний миллионер Борис Березовский, прихватив бутылку вина, поднялся к миллионеру Владимиру Гусинскому и позвонил в дверь. Гусинский был в халате. Он открыл и опешил: Гусинский и Березовский много месяцев вели затяжную войну друг против друга как в принадлежавших им средствах массовой информации, так и посредством связей в правительстве и силовых структурах. В ответ на изумленный взгляд Гусинского Березовский сказал, что надо мириться и объединять усилия. Иначе на президентских выборах придут к власти коммунисты, и не будет ни реформ, ни частной собственности, ни Ельцина, ни, главное, их, Гусинского с Березовским.

С этого момента началась отчаянная предвыборная кампания Ельцина. Крупнейшие в стране бизнесмены, разбогатевшие благодаря ельцинским реформам, объединили ради избирательной компании Ельцина свои финансовые ресурсы. Глава Газпрома Рем Вяхирев открыто заявил, что на президентских выборах будет поддерживать Ельцина, потому что если коммунисты придут к власти, то ему, Вяхиреву, главой Газпрома не быть. Гусинский и Березовский настроили на рекламу Ельцина и антизюгановскую пропаганду свои телеканалы и газеты. В случае победы Ельцина банкиры ожидали получить (и получили) лучшие предприятия страны, нефтяные и металлургические компании на срезиссированных залоговых аукционах – по ценам значительно ниже реальных.

Гусинский ожидал получить (и получил) полностью частоту, на которой вещал принадлежавший ему телеканал НТВ, и деньги на развитие канала. Эти деньги, плата за политическую лояльность, оформлены были как покупка государственной компанией Газпром большого пакета акций частной телекомпании НТВ. Предполагалось, что Газпром никогда своими акциями не воспользуется, голосовать на собраниях акционеров не будет и вообще не станет вмешиваться в дела телеканала.

Березовский за поддержку Ельцина, кроме нефтяного бизнеса, ожидал получить (и получил ненадолго) огромную политическую влияние.

Главой ельцинского предвыборного штаба стал Анатолий Чубайс. Тяжело больной Ельцин стал разъезжать по стране с популистскими политическими шоу. Президент то танцевал на рок-концерте вместе с музыкантами на сцене, то в Чечне прямо на крыле военного вертолета подписывал указ о прекращении войны.

16 июня 1996 года Борис Ельцин и Геннадий Зюганов вышли во второй тур президентских выборов, причем Ельцин набрал больше голосов, чем Зюганов. 17 июня 1996-го на фондовом рынке в связи с обнадеживающими для Ельцина результатами голосования началась эйфория, за один день котировки основных ценных бумаг выросли на 12 %. 3 июля 1996 года Борис Ельцин победил во втором туре президентских выборов, набрав 53,8 % голосов. Состоявший в основном из коммунистов парламент был настолько деморализован, что даже не стал оспаривать вероятно фальсифицированные результаты выборов и по представлению Ельцина утвердил Виктора Черномырдина на пост премьера не 226-ю, как ожидалось, а 315 голосами. 22 августа Виктор Черномырдин назначил министром топлива и энергетики близкого ему газпромовского человека, бывшего директора “Лентрансгаза” Петра Родионова. В первых интервью Родионов называл Черномырдина «любимым руководителем» и говорил о необходимости снижать налоги на газ.

Это было лето политических и бизнес-иллюзий.

– Я же не знал, – говорит Черномырдин, – что после выборов Борис Николаевич сразу сляжет.

А он слег. Не выдержал напряженной избирательной кампании. В августе президент перестал появляться на публике. 5 сентября дал согласие на операцию на сердце. Черномырдин говорит:

– Я не знаю, как принимались решения. Мне приносили указы, подписанные президентом, и я не знал, кто ему эти указы готовил, и с кем президент советовался, принимая решения.

Вероятнее всего, из людей, занимавшихся политикой, доступ к президенту в то время имели только его дочь Татьяна Дьяченко и будущий зять Валентин Юмашев. А стало быть – Березовский.

Березовский дружил с Таней и Валею (их все тогда называли по именам, не считая нужным объяснять, о каких Вале и Тане идет речь). Татьяна Дьяченко, кажется, всерьез считала Березовского великим политиком, изрядным хитрецом и провидцем и, говорят, слепо соглашалась участвовать в его политических интригах и финансовых схемах.

Рассказывают, что в награду за успешное руководство предвыборным штабом Ельцина Анатолию Чубайсу обещали должность руководителя государственной компании “Роснефть”. И уже был подписан приказ о назначении его председателем правления. Но Березовский и Гусинский заявили Чубайсу, что никакой “Роснефти” он не получит, что основной вклад в победу внесли они, поэтому государственная нефтяная компания тоже причитается им. Чубайс поехал к Ельцину и вернулся от него с новым указом. Он был назначен главой администрации президента. Ельцин уважал молодых реформаторов, но не мог сопротивляться напору Березовского и Гусинского.

– Полгода неизвестно кто рулил страной, – говорит Черномырдин, имея в виду, что страной рулил Березовский.

И Черномырдин даже не скрывает. При упоминании Березовского на лице Черномырдина неизменно появляется презрительная улыбка. Для Черномырдина, большую часть жизни проработавшего в реальном секторе экономики, Березовский, первым придумавший, что в России не надо владеть компаниями, а надо контролировать финансовые потоки компаний – неизвестно кто. Вот Неизвестно Кто и рулил страной.

Ельцин бездействовал полгода, почти год. За это время прошли залоговые аукционы, банкиры, помогавшие Ельцину в избирательной кампании, получили свои нефтяные и металлургические компании, вопреки не столько даже воле народа, но, похоже, даже вопреки воле вдохновителя приватизации Анатолия Чубайса. Березовский, неожиданно даже для Черномырдина, получил компанию “Сибнефть”, хотя такой компании вообще не значилось в плане приватизации нефтяной отрасли.

Газпрому, несмотря на сложившуюся практику, были предъявлены налоговые претензии. Председатель правления Рем Вяхирев писал депутатам Госдумы: «Да, Газпром должен бюджету 15 триллионов рублей, но 48 триллионов рублей должны Газпрому потребители газа». 3 октября 1996 года были арестованы счета некоторых дочерних предприятий Газпрома. Это было похоже на начало неизвестно кем осуществлявшегося захвата компании. Черномырдин говорит:

– Если бы Ельцин был в силе, я уверен, ничего этого не было бы.

Фактически Ельцин вернулся к активной работе только весной 1997-го. И сразу же начал с перестановок в правительстве. В марте 1997-го Ельцин назначил первыми вице-премьерами правительства Анатолия Чубайса и нижегородского губернатора Бориса Немцова. По совместительству Чубайс стал еще и министром финансов, а Немцов через месяц занял пост министра топлива и энергетики, сменив газпромовского человека Петра Родионова и усилив в правительстве позиции либералов-реформаторов.

План Немцова

Немцов, когда приехал в Москву по приглашению Ельцина, представил президенту план реформ, озаглавленный «Не хочу жить в стране победившего бандитского капитализма». Первым пунктом плана значилась национализация Кремля: Немцов предлагал отобрать у олигархов пропуск в Кремль. Вторым пунктом шла отмена залоговых аукционов. Ельцин, по словам Немцова, назвал этот его план гениальным (хотя «гениально» это не ельцинское, а немцовское словечко) и пожелал успехов в работе.

Теперь от тех полных иллюзий времен у Немцова остались только фотографии. Фотографии развешаны по стенам офиса, который Немцов снимает в высотке на Котельнической набережной. И если высотка являет собою символ тоталитарной сталинской эпохи, то четыре комнаты, арендуемые Немцовым без конкретной цели, а просто чтобы продолжать что-то делать, являют собою символ самых, наверное, либеральных в российской истории двух лет. Почти на всех фотографиях Немцов с Ельциным. Ну, иногда еще с Ричардом Гиrom. На фотографиях Немцов молодой, подтянутый и улыбающийся. Оптимизм и хорошая спортивная форма – это пожалуй все, кроме фотографий, что удалось ему сохранить со времен вице-премьерства.

Немцов рассказывает, что по долгу службы он обязан был руководить государственными представителями в Газпроме. Подписывать директивы для голосования на совете директоров, принимать отчеты.

– Ситуация в Газпроме была такая, – Немцов принимается за орешки и сухофрукты, принесенные бессменной его помощницей Ириной Львовной. – Такая была ситуация, что государству принадлежало 38 процентов акций непосредственно через Министерство имущества и еще 10 процентов акций через государственную компанию “Росгазификация”. “Росгазификация” считалась вотчиной Вяхирева и, несмотря на то, что номинально акции эти принадлежали государству, никому в голову не приходило, что этот пакет тоже может голосовать от лица и в интересах государства. Я стал министром топлива и энергетики в апреле, собрание акционеров Газпрома было назначено на июнь, и вдруг я узнаю, что, будучи представителем государства в Газпроме, я не могу голосовать акциями, принадлежащими государству, потому что эти акции переданы в трастовое управление Газпрому, вернее, физическому лицу Вяхиреву. Таким образом, в 1997 году весь Газпром принадлежал одному человеку. Его фамилия Вяхирев Рем Иванович.

Когда мы переспрашиваем у Черномырдина, правда ли это, Черномырдин смеется:

– Кто вам рассказал? Боря Немцов? Насколько я знаю, государственный пакет акций был передан в управление не Вяхиреву лично, а Газпрому. А Боря Немцов вам расскажет. Вы лучше расспросите его, как он пересаживал чиновников на “Волги”.

Став вице-премьером, Немцов действительно выступил с такой инициативой, чтобы государственные чиновники ездили не на мерседесах и БМВ, а на отечественных автомобилях “Волга”, которые производят в Нижнем Новгороде.

Черномырдин улыбается:

– Вот он один у меня и ездил на “Волге”, никуда не успевал и все время просился к Чубайсу в БМВ.

Сам Рем Вяхирев через третьих лиц передал нам, что трастовый договор не был оформлен на его имя, что он всегда хотел скорейшего расторжения трастового договора, что, если нам угодно, трастовый договор нам покажут. Но так и не показали.

Александр Казаков, еще один молодой реформатор, которого правительство в 1996 году назначило председателем совета директоров Газпрома, говорит:

– Трастовый договор был сформулирован лично на Рема Иваныча. Это точно. Правда, должен признаться, что я договора ни разу в глаза не видел. А вот Немцов уверял, что держал его в руках. Но я всегда привык делить на сто то, что Боря говорит. В любом случае, в законности того трастового договора я сильно сомневаюсь. Ни на одном заседании совета директоров мы его не утверждали.

Егор Гайдар, если спросить его про трастовый договор, мрачнеет:

– Это, конечно, очень неестественно, – говорит Гайдар, – что премьер-министр Черномырдин был так связан с Газпромом. С трастовым договором Боря Немцов тяжело и долго разбирался, в результате чего совершенно испортил свои отношения с премьером и вообще загубил карьеру.

Немцов рассказывает так. О трастовом договоре и о том, что представитель государства не может голосовать от имени государства на собрании акционеров Газпрома, Немцову сообщил сотрудник аппарата правительства по фамилии Копейкин. Немцов попросил показать ему трастовый договор, но десять дней никто в аппарате не мог принести его первому вице-премьеру. Через десять дней другой сотрудник аппарата правительства по фамилии Тренога принес, наконец, вожделенный документ, и когда Немцов спросил, откуда, Тренога так многозначительно пожал плечами, что Немцов думает, будто документ был выкраден из сейфа премьер-министра Черномырдина.

– Я стал читать договор, – говорит Немцов, – и мне стало плохо. Кроме того, что государство отдавало Вяхиреву Газпром в управление, в договоре был прописан еще опцион, по которому в 1999 году в награду за управление государственными акциями Вяхирев получал право выкупить государственный пакет акций по цене один рубль за акцию. Воруют, конечно, в России, всегда воровали, – продолжает Немцов. – Но чтобы так! Чтобы акции компании, которые стоят сейчас 360 рублей, продавали за рубль? Это грабеж! Причем рубль в трастовом договоре имелся в виду неденоминированный, то есть он был в тысячу раз меньше сегодняшнего рубля! То есть почти 40 процентов акций Газпрома предполагалось продать Вяхиреву по цене в двести пятьдесят тысяч раз меньшей, чем справедливая цена. Понимаете? Предполагалось, что Вяхирев купит Газпром всего за миллион долларов! Газпром, который стоит сейчас около трехсот миллиардов.

Справедливости ради надо сказать, что акция Газпрома в 1997 году не стоила десяти долларов. Внутренний и внешний рынки акций Газпрома были строго разделены. На внутреннем рынке акция Газпрома стоила тогда 60 центов, на внешнем рынке – около 5 долларов.

Немцов позвонил Вяхиреву и предложил ему трастовый договор расторгнуть.

– Не стоит, – вежливо и спокойно (по словам Немцова) отвечал Вяхирев. – Трастовый договор позволяет мне крепко управлять компанией. Проблем с государством у нас никогда не было. А если расторгнуть трастовый договор, неизвестно, как пойдет.

Если рассказ Немцова достоверен, то это был шантаж. Глава Газпрома в вежливой форме объяснял министру топлива и энергетики, что расторгни тот договор, могут начаться проблемы: замерзнут города, останутся предприятия...

– Рем Иванович, – сказал Немцов. – Мы очень уважаем вас как менеджера, но считаем, что покупать сорок процентов Газпрома за миллион долларов это преступление. Вы понимаете, Рем Иванович?

– Я не согласен с вами, – спокойно отвечал Вяхирев. – С 1994 года компания под моим руководством хорошо работает, а вы тут пришли и решили все с ног на голову поставить. У нас сложившаяся практика взаимоотношений с государством, и эта практика показала, что она дает позитивный результат как для компании, так и для государства. Мы производим газификацию, мы снабжаем Европу газом, мы платим налоги, и вы с вашими штучками насчет грабежа, мародерства и бандитизма – не надо мне...

На следующий день Немцов позвонил премьер-министру Черномырдину и сказал, что хотел бы зайти к нему. С самого начала работы в правительстве у Черномырдина никогда не было секретарш, только секретари. Черномырдин рассказывает, что еще в Газпроме секретарша считала своим долгом вынуждать шефа говорить бог знает с кем только потому, что человек этот был из родного черномырдинского Оренбурга. Помощники-мужчины способны были отсечь неважных посетителей от важных. Но когда вице-премьер Немцов входил в кабинет Черномырдина в Доме правительства на пятом этаже, помощнику в приемной даже и не пришлось в голову Немцова отсеять.

– У меня один вопрос, – сказал Немцов, входя в кабинет премьера. – Трастовый

договор.

– Давай без скандала, – ответил Черномырдин.

(Если только Немцов достоверно передает его слова: сам Черномырдин никакого подобного разговора вспомнить не может и вообще утверждает, будто история с трастовым договором высосана Немцовым из пальца.)

– Согласен, – Немцов сел. – Давайте без скандала.

– Чего ты хочешь? – спросил Черномырдин.

– Я хочу его расторгнуть, – отвечал Немцов. – Можем сделать это со скандалом, с вызовом в прокуратуру вице-преьера Сосковца, который этот договор от имени государства подписывал, а можем тихо сесть за стол и договор расторгнуть.

Дальше Немцов стал азартно говорить про грабеж России, про мародерство, про криминал. Черномырдин смотрел на своего заместителя спокойно. Помолчал немного и спросил:

– Как это скажется на энергетической безопасности страны?

И Немцов не понял, то ли премьер-министр шантажирует его, как накануне шантажировал глава Газпрома, то ли премьер Черномырдин и сам бессилён перед крупнейшей компанией-монополистом, которую сам создал и над которой теперь потерял контроль, будь он хоть трижды премьер правительства.

Еще через неделю Немцов попал на прием к президенту Ельцину. Эти встречи президента с министрами состоят из двух частей: из официальной, когда под объективами телекамер министр бодро докладывает какую-то ерунду, и неофициальной – когда журналистов выпроваживают вон, и президент с министром начинают говорить на те темы, которые действительно их интересуют и действительно определяют судьбы страны.

Так вот, как только журналистов вывели, Немцов положил перед президентом Ельциным трастовый договор и сказал:

– Борис Николаевич, прочтите, пожалуйста, полторы странички.

Ельцин читал долго. Прочтя документ два раза, спросил:

– Объясни, что такое опцион.

Немцов объяснил, что опцион – это право менеджера выкупить акции компании на особых условиях. Что согласно трастовому договору Вяхирев получает право выкупить 40 процентов Газпрома за миллион долларов...

– Я понял, – перебил Ельцин.

И прямо на трастовом договоре наискосок в левом верхнем углу написал: «Это грабеж России! Скуратову! Принять меры!» И подпись.

Резолюция, наложенная Ельциным, предназначалась генеральному прокурору Юрию Скуратову. Но надо понимать, что даже если указание дано лично президентом, любой чиновник, и в частности генеральный прокурор, способен сколь угодно долго президентское указание не выполнять. Во-первых, неизвестно, дошел ли трастовый договор с гневной президентской резолюцией до генерального прокурора, мог ведь и потеряться в дороге. Во-вторых, неизвестно, всерьез ли генеральный прокурор поручил своим сотрудникам с трастовым договором разобраться, мог ведь и спустить дело на тормозах. В-третьих, неизвестно всерьез ли проводил прокурорскую проверку следователь, которому было поручено провести ее, мог ведь бесконечно тянуть, перекидывать документы и максимально запутывать дело, пряча суть в многотомном бумагопроизводстве.

12 мая 1997 года Ельцин подписал указ, пересматривавший условия трастового договора с Ремом Вяхиревым. Согласно президентскому указу, Вяхирев лишился возможности осуществить опционную сделку и выкупить госпакет акций. Но указ игнорировали. Подписание нового трастового договора с Вяхиревым оттягивали как могли (и оттянули до декабря). Почти на полгода история с трастовым договором заглохла, да и Немцову стало не до нее: увлекшись (действительной или мнимой) попыткой Вяхирева захватить акции компании, министр топлива и энергетики прозевал попытку Бориса Березовского захватить финансовые потоки Газпрома.

Королевский прием

На июньском собрании акционеров Газпрома, среди прочего, предполагалось выбрать главу совета директоров. Немцов рассказывает, что в начале июня к нему пришел Березовский и сказал:

– Я тут хочу возглавить Газпром, ты не мог бы меня поддержать?

– В смысле? – не понял Немцов.

– Ну, – Березовский тараторил характерной своей скороговоркой, – в смысле я хочу возглавить совет директоров.

– Борис Абрамович, – слова Березовского продолжали представляться Немцову каким-то бредом или шуткой. – Вы в своем уме? Какое вы вообще имеете отношение к компании?

– Я тебе ничего говорить не буду, – тараторил Березовский. – Просто посмотри бумажку.

И с этими словами Березовский протянул Немцову проект решения собрания акционеров. Предполагалось, что собрание акционеров введет в совет директоров Березовского Бориса Абрамовича и предложит его кандидатуру на должность председателя совета директоров.

– Что это за бред? – Немцов опешил.

– Ты визы посмотри, – продолжал настаивать Березовский.

Проект решения был визирован премьер-министром Виктором Черномырдиным и председателем правления Газпрома Ремом Вяхиревым.

– Борис Абрамович, – Немцов вспыхнул, – пока я здесь сижу, пока я представитель государства в Газпроме, вы не будете председателем совета директоров.

Уходя из немцовского кабинета, Березовский оглянулся:

– Позвони Вяхиреву, позвони Черномырдину...

Когда Березовский ушел, Немцов позвонил Вяхиреву и спросил, визировал ли тот проект решения собрания акционеров, которое фактически отдает в руки Березовского финансовые потоки компании.

– Визировал, – сказал Вяхирев. – Я же знал, что ты будешь против и решение не пройдет.

Черномырдин тоже, если верить Немцову, подтвердил, что бумагу визировал, но не в том смысле, что согласен фактически отдать Газпром Березовскому, а в том смысле, что ознакомился с этим проектом.

– Виктор Степанович! – взвыл Немцов в трубку. – Премьер-министр не визирует документы в том смысле, что ознакомился с ними!

– Ну, – парировал Черномырдин, – некогда мне этим сейчас заниматься. Разберись там...

– Я разобрался!

– Ну и хорошо.

Вероятней всего, Черномырдин и Вяхирев визировали документ вовсе не потому, что всерьез собирались отдать Газпром Березовскому. Просто не хотели обижать влиятельного олигарха отказом и надеялись, что отказом Березовского обидит Немцов, в то время ходивший в ельцинских любимчиках и всерьез воспринимавшийся прессой в качестве возможного преемника Ельцина на президентском посту.

Перед самым собранием акционеров в конце июня Черномырдин с Немцовым отправились с официальным визитом в Китай. В пекинском аэропорту их встречал Березовский. Березовский никогда не ленился полететь хоть бы даже и в Китай, если это могло принести ему успех. Черномырдин вспоминает, что Березовский появлялся в самых неожиданных местах, как чертик из табакерки. Личные связи Березовского с семьей Ельцина, принадлежавшие Березовскому телеканалы и газеты заставляли государственных чиновников любого ранга общаться с олигархом, раз уж не удалось, прикрываясь плотным

рабочим графиком, избежать общения.

– Что вы здесь делаете? – спросил Черномырдин.

– Вот, – затараторил Березовский, – прилетел поговорить с вами на троих с Немцовым о моем руководстве Газпромом.

Черномырдин тяжело вздохнул: теперь избежать прямого разговора с Березовским было невозможно. Поздно вечером Черномырдин, Немцов и Березовский приехали в российское посольство. Немцов вспоминает, что посольство произвело на него гнетущее впечатление. Огромное здание. Затхлый запах ковров, которые никто толком не чистил от пыли со сталинских, наверное, времен. В кабинете на столе – бежевый телефон правительственной связи – «вертушка», отвечать на звонки которой Черномырдин почитает своей непреложной обязанностью. Немцов косился на «вертушку», боялся, что вот сейчас позвонит Ельцин – и все, Газпром достанется Березовскому.

Но Ельцин не позвонил. В небольшом душном кабинете, напичканном глушилками, не позволявшими никаким спецсредствам прослушивать разговор, Березовский, обращаясь к Черномырдину, сказал:

– Виктор Степанович, вы знаете, что ваш заместитель Немцов против того, чтобы я возглавил совет директоров Газпрома.

– А ты против? – на голубом глазу переспросил Черномырдин Немцова. – Почему?

– Я, – отвечал Немцов, – против, потому что Березовский к Газпрому и газу не имеет никакого отношения, потому что свою должность в государственной компании Борис Абрамович станет использовать для поддержки личного бизнеса, потому что...

– Вот видите, – перебивая Немцова, обратился Черномырдин к Березовскому. – Мой заместитель не просто против, он аргументированно против.

– Виктор Степанович, – по словам Немцова, Березовский потерял самообладание. – Неужели вы не видите, что ваш заместитель издевается над вами и вообще в х...й вас не ставит!

Немцов засмеялся. Черномырдин тоже улыбнулся, пожал плечами и сказал Березовскому:

– Что же я могу сделать? Я не могу бороться с Немцовым, он преемник, – на лице Черномырдина была счастливая улыбка от того, что всесильный Березовский злится, сквернословит, но не может завладеть Газпромом, который, как ни крути, премьер считал своим детищем и вотчиной.

Во дворе посольства Березовский подошел к Немцову и тихо проговорил:

– Я тебя уничтожу.

Тогда Немцов только улыбнулся в ответ, вернулся в Москву, провел собрание акционеров и только через несколько месяцев заметил, что в прессе и на телевидении развернута против него пропагандистская война. Журналисты вменяли в вину вице-премьеру связи с проститутками, телеоператоры снимали его с заведомо невыгодного ракурса, так что даже самый симпатичный человек представлялся бы монстром. И рейтинг популярности ельцинского любимчика неумолимо пополз вниз.

Тем временем трастовый договор так и не был расторгнут. Газеты 1997 года пестрят сообщениями о переговорах министра топлива и энергетики Бориса Немцова с главой Газпрома Ремом Вяхиревым. Они торговались. У Газпрома была большая задолженность по налогам. Газпром не платил налоги, мотивируя неуплату тем, что не получил значительно больше денег с потребителей газа, чем задолжал налоговой службе. А Немцов понимал, что бюджет без налоговых поступлений задыхается. Поэтому переговоры Немцова и Вяхирева часто начинались с трастового договора и оканчивались тем, что Вяхирев обещал заплатить налоги даже несмотря на то, что потребители не заплатили за газ.

Эта история тянулась до декабря 1997 года, когда президент Ельцин впервые поехал с официальным визитом в Швецию. Там была торжественная встреча, регламентированная королевским протоколом: почетный караул, гимны двух стран... На каком-то этапе президент Ельцин должен был пройти по ковру с членами королевской семьи и представить

шведской королевской семье сопровождавшую его делегацию.

Делегация выстроилась в линию. Первым стоял глава Газпрома Рем Вяхирев, приехавший потому, что во время президентского визита предполагалось подписывать шведско-российский газовый договор. Последним в длинной веренице чиновников стоял вице-премьер и министр топлива и энергетики Борис Немцов. Поприветствовав всю делегацию и дойдя, наконец, до Немцова, Ельцин как будто что-то вдруг вспомнил и прошептал:

– Вяхирев отдал Газпром?

– Нет, Борис Николаевич, – Немцов смутился, потому что неприлично было президенту и вице-премьеру обсуждать внутренние проблемы страны во время зарубежного визита, да еще и на глазах шведской королевской семьи.

– Пойдем! – Ельцин потянул Немцова за рукав.

Их королевские величества с изумлением наблюдали за тем, как российский президент берет за рукав одного из своих министров и ведет, наплевав на дипломатический этикет, вдоль всей российской делегации. Все еще держа Немцова за руку, высокий Ельцин склонился над маленьким Вяхиревым и проговорил грозно:

– Рем Иванович, отдайте Газпром! – помолчал немного и добавил. – Отдайте лучше похорошему, а то у вас будут большие проблемы.

Сказав это, президент, улыбаясь, вернулся к шведской королевской семье, вовсе, кажется, не задумываясь о том, что на следующий день журналисты опять напишут, что, дескать, Ельцин был пьян, опять хулиганил, опять нарушал протокол и опять позорил Россию. Он шел уверенный в том, что только что уберег Россию от разграбления.

Немцов рассказывает, что Вяхирев сказал ему тогда:

– Этого я тебе никогда не прощу.

И не простил. В скором времени Борис Немцов лишился поста министра топлива и энергетики. Личным распоряжением его снял с этой должности премьер-министр Виктор Черномырдин. Реальных рычагов власти у Немцова в правительстве не осталась, осталась высокая, но чисто политическая должность вице-преьера.

Глава 4 **Газпром против преемника**

Римская империя

23 марта 1998 года на Горбатом мосту, возле Белого дома, здания правительства России, как обычно шел митинг. Профессиональные митингующие с красными флагами требовали отставки «ограбивших народ» Виктора Черномырдина и Анатолия Чубайса. Журналисты, спешившие в Белый дом, глядели на митингующих с искренним удивлением. «А чего вы тут митингуете? – недоуменно спрашивал какой-то прохожий. – Ельцин и так сегодня их обоих уволил». Пикетчики не верили. «Это провокация! Хватайте его! Он все врет!» – кричали они.

Обитатели Белого дома тоже все еще не могли поверить. После пяти лет премьерства Виктор Черномырдин казался «несменяемым» и «неувольняемым». При больном и пассивном Борисе Ельцине Виктор Черномырдин стал реальным хозяином положения – именно в его руках находились основные рычаги власти. Поэтому известие о его отставке было равносильно революции.

«При таком премьере президент не нужен», – часто говорили о нем. Причем вовсе не почитатели – именно эту фразу любили повторять Борису Ельцину «Таня и Валя», дочь президента Татьяна Дьяченко и ее будущий муж, а в тот момент – глава администрации президента Валентин Юмашев. Их обоих, а главное Бориса Березовского, очень беспокоила незыблемость и независимость Черномырдина. Черномырдин не мог простить Березовскому

неудачной попытки взять под свой контроль Газпром. Березовский давно враждовал с первым вице-премьером Чубайсом, но прекрасно понимал, что никогда не сможет избавиться от Чубайса, пока в кресле премьера Черномырдин. Наконец, Березовский, Таня и Валя не могли не задумываться о том, что приближается 2000 год – год, когда второй президентский срок Бориса Ельцина истечет, и в стране пройдут очередные выборы. Они понимали, что если ничего не предпринять, то следующим президентом станет Черномырдин. Оставаясь премьером до 2000 года, он будет просто обречен стать президентом. Поддержка Газпрома и губернаторов будет надежной гарантией успеха.

Сейчас Черномырдин вспоминает, что именно такой была его договоренность с Ельциным. На охоте в Завидово они условились вместе проработать до 2000 года, а потом Ельцин уйдет, уступив кресло Черномырдину. Но Таня, Валя и Березовский никаких обязательств на себя не брали. Они не могли не думать о том, что при президенте Черномырдине потеряют свое положение. И мечтали от Черномырдина избавиться. Для этого Татьяна Дьяченко каждый вечер включала новости и показывала отцу, каких успехов достигает здоровый и активный Черномырдин в то время, когда больной Ельцин сидит дома. «При таком премьере президент не нужен», – говорила она снова и снова.

В начале марта Виктор Черномырдин совершил визит в США и один на один вел переговоры с вице-президентом Альбертом Гором. На стол Ельцину лег доклад: Черномырдин ведет себя как реальный глава государства, и его все в этом качестве воспринимают; Ельцин в расчет уже не принимается. До сих пор представлять страну за рубежом было исключительной прерогативой Ельцина.

Потом Черномырдин поехал в Одессу на четырехсторонние переговоры с президентами Украины Леонидом Кучмой, Молдавии Петром Лучинским и лидером непризнанной приднестровской республики Игорем Смирновым. Увидев в очередном выпуске новостей, как свободно держится Черномырдин среди президентов, Ельцин рассвирепел и позвонил премьеру с вопросом: «Кто тебя туда посылал?!»

Но последней каплей для Ельцина стала подготовка к празднованию 60-летия премьер-министра, запланированному на 9 апреля 1998 года. Чиновники, бизнесмены, политики и артисты готовились к нему как к всенародному празднику. Список торжеств по случаю юбилея будущего президента был проработан до мелочей, подарки заготовлены: начиная от автомобилей и gobеленов с портретом премьера и заканчивая специально записанным диском Людмилы Зыкиной. Напыщенные речи и славословия – все это, преподносимое умело, буквально взорвало Бориса Ельцина.

За две недели до юбилея своего верного премьера президент подписал указ о его отставке.

21 марта Ельцин вызвал Черномырдина в свою загородную резиденцию “Горки-9” и сообщил ему, что он уволен. Причем президент постарался убедить премьера, хранившего ему верность все эти тяжелые годы, что отставка – вовсе не знак опалы. Ельцин заявил, что Черномырдину как будущему преемнику нужно сосредоточиться на подготовке к президентским выборам 2000 года. Неясно, поверил ли Черномырдин, что дабы поддержать человека, надо его уволить. Но спорить не стал.

Во второй половине дня к Ельцину приехал Валентин Юмашев и предложил список из четырех кандидатов на пост премьера: в нем значились спикер верхней палаты парламента Егор Строев, успевший поработать еще в Политбюро ЦК КПСС, бывший спикер Думы Иван Рыбкин, министр топлива и энергетики Сергей Кириенко и первый вице-премьер Борис Немцов. Первого Ельцин отбросил, потому что его назначение шокировало бы Запад. Последнего – потому что его никогда не утвердила бы Дума. Потом отбросил и Рыбкина – потому что его слишком активно лоббировал Борис Березовский, а Березовскому Ельцин до конца не доверял. Вот и остался молодой министр ТЭКа Кириенко. Только спустя месяц Дума с третьей попытки утвердит его премьером.

Узнав об увольнении, Черномырдин немедленно распорядился вынести свои вещи из премьерского кабинета в Белом доме.

В здании правительства на Краснопресненской набережной все были в шоке. За прошедшие годы именно Белый дом, некогда расстрелянный из танков, а потом отреставрированный и обжитый правительственными чиновниками, стал реальным центром России. Именно в этих коридорах и в этих кабинетах принимались все решения. Белый дом был как Рим, откуда расходились все дороги во все части империи, а Черномырдин сидел в нем, как римский император. Он брал в свое подчинение любых легионеров, и они склонялись перед его авторитетом.

Известие об отставке Черномырдина было похоже на еще один расстрел Белого дома. Сотрудники аппарата суетились в панике, не понимая, куда им теперь деться: возьмет их премьер с собой («Куда? Как куда? Конечно, в Газпром! Говорят, Вяхирев уже выделил 200 штатных единиц!») или оставит в наследство преемнику. Чиновники будто обезумели: начали носиться по Белому дому, передавая панические слухи, а чуть погода стали свинчивать себе на память таблички с дверей. В премьерском секторе начался переезд: день и ночь несли палех, хохлому, ружья, сабли, картины, книги. Вместе со всеми этими безделушками Белый дом покинула и его значимость: здание правительства перестало быть важнейшим полюсом России.

Многочисленные подарки, скопившиеся у Черномырдина за 63 месяца премьерства, начали выносить в субботу и закончили только во вторник. Вещи перевозили на проспект академика Сахарова – там незадолго до этого закончился ремонт в штабе движения “Наш дом – Россия”, который и предполагалось сделать центром его будущей президентской кампании.

В понедельник 23 марта по телевизору показали телеобращение Ельцина: «Больше пяти лет мы проработали вместе с Виктором Степановичем. Он многое сделал для страны, ценю его основательность и надежность. Никогда не сомневался в его верности и преданности делу, его человеческой порядочности». И объяснил зрителям, что поручил Черномырдину сосредоточиться на политической подготовке к выборам 2000 года.

Черномырдин всем своим видом старался внушить окружающим, что президент принял единственно правильное в этой ситуации решение, и отставной премьер за это ему благодарен.

Легкая паника ощущалась и в Газпроме. Ведь в прежние годы газовый гигант и правительство, несмотря на все проблемы, считали себя единым целым. Белодомовские аппаратчики по этому поводу однажды в шутку даже сочинили проект указа «О единстве государства и РАО Газпром», в котором были такие слова: «Государство и Газпром едины. В отсутствие премьер-министра его замещает председатель правления Газпрома, и наоборот». С уходом Черномырдина единство рушилось.

9 апреля Черномырдину исполнилось шестьдесят лет. Основные торжества прошли в штабе НДР на проспекте академика Сахарова. А вечером прошло еще одно застолье, для избранных – в Доме приемов на Воробьевых горах. Там Черномырдина поздравляли Борис Ельцин и Рем Вяхирев.

Глава Газпрома рассказал, что приготовил юбиляру «маленький, но дорогой подарок», и уточнил: «Дорогой не деньгами, а памятью о Газпроме». Речь шла об именной оранжевой каске бурильщика. Но это был не весь подарок. В конце вечера, когда Борис Ельцин уже уехал, Рем Вяхирев, обняв старого товарища, вдруг, не смущаясь свидетелей, сказал:

– Я поддержу тебя всеми доступными мне средствами. Мы давние друзья, мы вместе возмужали на газовых месторождениях Оренбургской области.

– Хочешь, чтобы я вернулся в Газпром? – не понял Черномырдин.

– Бери выше! На президентских выборах! – пробурчал Вяхирев.

Вскоре был зарегистрирован фонд “ЧВС-2000”, который и должен был заниматься предвыборной раскруткой бывшего премьера. Однако рейтинг его стал неумолимо падать: в СМИ все чаще стали публиковаться компрометирующие Черномырдина статьи, рассказывавшие о богатствах, накопленных им за время премьерства, и коррупции, процветавшей при нем в Белом доме. Сам Черномырдин от обвинений предпочитал

отмахиваться:

– Если грязь не моя, она ко мне не прилипнет, – говорил он.

Серьезные проблемы после отставки Черномырдина стали возникать и у Газпрома. Вся прежняя система отношений между правительством и Газпромом была сломана. До этого Черномырдин использовал Газпром как свой надежный тыл и безусловную опору, а Рем Вяхирев, хоть всякий раз и выражал недовольство тем, что правительство его обирает, но все же повиновался.

– Отношения между Черномырдиным и Вяхиревым, конечно, были сложными, – вспоминает сейчас Александр Казаков, работавший в тот момент председателем совета директоров Газпрома и одновременно заместителем главы администрации президента. – Между такими людьми шероховатостей не могло не быть. Были, конечно, и разговоры на повышенных тонах. Рем Иваныч деньги, которые он собирался направить на развитие компании, все время должен был отдавать государству, потому что государству зарплаты платить было нечем. Люди выходили, касками у Белого дома стучали. Правительство – к Вяхиреву: «Рем Иваныч, возьми кредитик». И он брал. Все держалось на Газпроме – он залезал в крошечные долги, чтобы обеспечивать бюджет страны. Но страна выжила – благодаря Газпрому.

В правительстве Кириенко было насчет Газпрома другое мнение. Молодые реформаторы были недовольны Газпромом давно, еще во времена Черномырдина, а теперь, после отставки основателя Газпрома, молодые оказались с Ремом Вяхиревым один на один. Ни дружеских чувств, ни пиетета к Вяхиреву они не испытывали.

Оказавшись без прикрытия со стороны премьера, без устали повторявшего фразу «Не дадим раздербанить Газпром», Рем Вяхирев не сразу нашелся, как ему себя вести. Но уже ближе к лету в Газпроме поняли, что необходимо включаться в набирающую обороты информационную войну.

Еще до отставки Черномырдина в Газпроме было создано новое подразделение – «Газпром-Медиа» – холдинг, который должен был управлять всеми медийными активами газового монополиста. Политические аналитики тогда считали, что главной целью «Газпром-Медиа» должна была стать именно подготовка к избранию Черномырдина президентом – такой была бы сильная дружеская помощь Рема Вяхирева. Но потом стало понятно, что пиар нужен и самому Газпрому.

Вавилон

В июне руководителем «Газпром-Медиа» был назначен видный политтехнолог Сергей Зверев, возглавлявший до тех пор «Группу «МОСТ» Владимира Гусинского. Тогда это назначение было воспринято как альянс Газпрома и Гусинского, которые сделали ставку на Черномырдина и начинают его предвыборную кампанию. Сейчас Зверев уверяет, что сговора между Гусинским и Газпромом не было – просто он ушел из «МОСТа» в силу своего давнего конфликта с Гусинским. Зверев действительно работал с Черномырдиным, возглавлял группу его консультантов и создавал фонд «ЧВС-2000». Однако, как рассказывает Зверев, главным его делом в Газпроме стала вовсе не предвыборная раскрутка Черномырдина, а решение проблем Газпрома с новым правительством.

– Меня позвали в Газпром прежде всего потому, что из правительства ушел Черномырдин, – вспоминает Зверев. – Усилились молодые реформаторы, или, как их называл Вяхирев, пионеры. Кириенко, Федоров, Немцов. Для них Рем Иваныч, Шеремет и остальные боссы Газпрома были чужими по менталитету и по взглядам людьми. Для Вяхирева это было достаточно тяжело – они люди разного поколения и никак не могли найти общий язык. Пока ЧВС занимал пост премьера – никакой пиар Газпрому был не нужен, а потом они поняли, что необходим. Вот я им и занимался. Я мог приехать к Кириенко вечером на дачу, а Рем Иваныч не мог. Я мог разговаривать с ними со всеми, а Вяхирев и Шеремет не могли.

Наступление на Газпром совпало с мировым финансовым кризисом. Правительству были нужны деньги, оно рассчитывало получить деньги в виде кредита МВФ, который, в свою очередь, требовал разобраться со злостными неплательщиками налогов, прежде всего с Газпромом. В июне глава налоговой службы Борис Федоров обвинил Газпром в неуплате налогов и пригрозил арестом части его имущества. Затем в ходе подготовки к собранию акционеров стали циркулировать слухи о том, что правительство предпримет попытку сместить Рема Вяхирева. Это, конечно, было бравадой – никаких рычагов, чтобы сместить всесильного Вяхирева, у правительства Кириенко не было. К тому же накануне голосования по поводу нового совета директоров Вяхирев сделал вид, что готов на уступки: пообещал заплатить дополнительных 50 миллионов долларов – в виде налогов и дивидендов по государственным акциям. Совет директоров был избран в согласованном составе и лишь на посту его председателя Александра Казакова сменил министр госимущества Фарит Газизуллин. Однако не прошло и недели, как Рем Вяхирев отказался от своих обещаний.

Самое мощное на тот момент столкновение власти с Газпромом произошло 2 июня 1998 года. В то утро премьер Сергей Кириенко вбежал в зал заседаний правительства бледный от негодования с криком:

– Мы разрываем трастовый договор с Ремом Вяхиревым! Он опять не заплатил налоги.

Заседания правительства тогда были открыты для журналистов – шокированные корреспонденты схватились за мобильные телефоны. Кириенко продолжал: поскольку Газпром в июне заплатил только треть положенных налогов, Госналогслужба приступает к аресту его имущества и счетов.

Но через пять минут звонок раздался у самого Кириенко.

– Да, да! Слушаю, Борис Николаевич! Что?!

Всем стало ясно, что Ельцин не поддержал натиск премьера.

Несколько минут спустя Кириенко позвонил спикер Госдумы Селезнев:

– Да, Геннадий Николаевич. Уже звонил, – говорил Кириенко. – Да, торопиться не будем. К вам? У меня, к сожалению, нет времени. Провожу заседание правительства.

Селезнев вызывал Кириенко на ковер. В Госдуму позвонил зампред правления Газпрома Вячеслав Шерemet (Рем Вяхирев находился на переговорах в Вене), и депутаты по его требованию прекратили «до выяснения ситуации с Газпромом» обсуждение необходимого правительству пакета антикризисных законов. Приехавшего главу Госналогслужбы Бориса Федорова встретили репликой «они бы еще дворника прислали» – и потребовали премьера.

В итоге Сергей Кириенко подчинился и в Думу приехал. А Борис Ельцин через пресс-секретаря заявил, что «не было и речи об аресте имущества и счетов Газпрома или смене совета директоров и председателя правления Рема Вяхирева»; правда, похвалил «принципиальный подход правительства», но при этом атака, в общем-то, была отбита.

Только Рему Вяхиреву пришлось срочно вылететь из Вены, чтобы подписать с Кириенко протокол, гарантировавший своевременную выплату налогов.

«Операция 2 июня» имела и еще одно последствие – она сорвала приватизацию «Роснефти», крупнейшей государственной нефтяной компании. В момент атаки Рем Вяхирев находился в Вене именно потому, что вместе с главой «Лукойла» Вагитом Алекперовым вел переговоры с руководством компании Royal Dutch Shell о создании консорциума, который мог бы выкупить «Роснефть» на предстоящем аукционе. Заявление Сергея Кириенко об аресте счетов Газпрома подоспело как раз в тот момент, когда переговоры были почти завершены. Royal Dutch Shell спешно покинула консорциум и отказалась участвовать в приватизации «Роснефти». В итоге приватизация «Роснефти» так никогда и не состоялась.

Конфликт продолжался весь июль. Атака правительства Кириенко на Газпром показала, что Газпром больше не является неприкосновенным, каким он был при Черномырдине. Более того, продемонстрировала, что с Газпромом можно бороться.

До того момента у Газпрома был имидж непобедимого титана. Считалось, что именно тот кандидат, на поддержку которого бросит свои силы Газпром, неминуемо выиграет

следующие президентские выборы. Атака Кириенко не была успешной, но помогла нащупать слабые места в бастионе Вяхирева.

Как рассказывает Сергей Зверев, руководивший в тот момент информационной кампанией по обороне Газпрома, в правительстве тогда не было четкого понимания, кому же принадлежит Газпром:

– Ходили легенды о том что, Газпром принадлежит лично Вяхиреву, Черномырдину, Шеремету, Пушкину. Ходили легенды, что все разворовано, что чудовищная коррупция. На самом деле Газпром представлял собой сложное переплетение личных интересов менеджмента и интересов Газпрома как корпорации. И не всегда интересы корпорации превалировали над интересами менеджмента. Были одиозные фигуры, вроде покойного Гуслистого. А были честные профессионалы. Покойный зампред правления Ремизов говорил: «Вот я, например, не то что другие. Я не ворую. А смотреть на то, как это делают, противно».

Пригрозив разорвать трастовый договор с Вяхиревым, Кириенко, очевидно, хотел проверить, насколько сильны позиции главы газового монополиста и насколько он уверенно себя чувствует в борьбе против государства. На тот момент 40 % акций были закреплены в федеральной собственности – 35 % управлял Вяхирев, а 5 % – Мингосимущество. Еще 0,9 % государственных акций распоряжалось РФФИ. 30,3 % принадлежали российским физическим лицам (из них почти половину – 15 % – первоначально получил трудовой коллектив Газпрома и его менеджеры, 5 % – народы Севера, остальные были проданы на чековых аукционах). 15,7 % принадлежали российским юридическим лицам. 2 % – иностранцам. 10 % в 1992 году выкупил сам Газпром для продажи через ADR. 1,1 % акций являлись взносом в уставный капитал “Росгазификации”.

Таким образом, на момент начала конфликта никому, включая премьер-министра Кириенко, не было ясно, какой процент акций реально контролирует Вяхирев. Даже если предполагать, что в его руках все акции трудового коллектива, то все равно не было уверенности в том, что акции, распроданные на чековых аукционах, были скуплены именно аффилированными с Газпромом структурами. И хотя американский журнал Forbes оценивал личное состояние Вяхирева в 1,3 миллиарда долларов (как минимум 10 % акций Газпрома), исход его открытой борьбы с правительством оставался неясен. Тем более что Вяхирев вроде бы принял предложенную ему игру и сам пригрозил разорвать трастовый договор, делая вид, что он ему для контроля над Газпромом не нужен, а наоборот – в тягость. Впрочем, долго этот странный покер между Вяхиревым и Кириенко не продлился. Наступил август 1998 года.

В начале месяца против Кириенко восстали и нефтяные компании, требовавшие уменьшения налогового бремени. МВФ требовал от Кириенко обратного. Осторожный Вяхирев не рискнул поддержать бунт нефтяников и пошел на сепаратный мир с правительством. Все претензии против него были сняты, и он тем самым признал, что не так силен, как кажется. Вяхирев, похоже, сам не верил, что был непобедим, даже обладая таким мощным доспехом, как Газпром. Не помог мир с Газпромом и правительству Кириенко. 18 августа правительство Кириенко объявило дефолт.

Со дня своего назначения Кириенко получил прозвище Киндер-сюрприз. Уж очень неожиданным было его появление: из ниоткуда – и сразу в премьерское кресло. Дефолт был еще большим сюрпризом. Полстраны находилась в отпусках – и вдруг обнаружила, что не может вернуться домой и отдыхать больше не на что. Кредитные карточки отдохавших перестали выдавать деньги, а пункты обмена валюты в России и странах СНГ перестали принимать рубли. Добравшись до дома, отпускники обнаружили, что их соседи и родственники сметают с прилавков все: все дорожает. Через месяц все обнаружили, что покупательная способность их зарплаты упала примерно в 3–5 раз.

Спустя два дня после дефолта в Думе появился Виктор Черномырдин. Он встретился с лидерами думских фракций, раскритиковал политику правительства Кириенко. Появление отставного премьера никого не удивило – наоборот, все восприняли его как должное: хозяин

вернулся, чтобы навести порядок. Тем более что Борис Ельцин в течение нескольких недель не показывался на публике: никто не знал, где и в каком состоянии находится президент, зато в трудный момент на виду у всех оказался тот человек, которого все привыкли считать президентским преемником и заместителем.

В пятницу 21 августа Сергей Кириенко пришел на заседание, и все руководители думских фракций, один за другим, объявили о недоверии его правительству. На следующий день Борис Ельцин записал видеообращение, в котором сообщил о назначении Виктора Черномырдина исполняющим обязанности премьера. «Его не испортила ни власть, ни отставка», – сообщил Борис Ельцин, дав понять, что именно Виктор Черномырдин должен стать его преемником на президентском посту.

В течение недели страна жила в ужасе от растущих цен, от падающего рубля и от банков, переставших выдавать деньги, но в уверенности, что политическая драма закончилась: Борис Ельцин де-факто ушел на пенсию, сдав дела Виктору Черномырдину. Создатель Газпрома вернулся в Белый дом и вел себя так, будто уже стал главой государства де-юре. Причем врагов у него в Кремле почти не осталось. Как рассказывает Сергей Зверев, проведенный все эти дни в Белом доме, «возвращали Черномырдина те же, кто и убирал его в марте»: Таня, Валя и Борис Березовский. Они поняли, что все прочие варианты, кроме Черномырдина, еще более туманны и опасны, а с ним по крайней мере можно договориться о некоторых гарантиях.

Борис Березовский и правда развил необычайную активность, помогая Виктору Черномырдину. По слухам, он даже собирал олигархов, чтобы составить список желаемого будущего правительства. Согласно легенде, когда Борис Березовский принес этот список Черномырдину, реакция того была неожиданной. Черномырдин якобы начал читать, но, увидев первую же фамилию, закончил: «Да пошли вы на х...!»

Правда, Сергей Зверев, утверждает, что это выдумки: в тот момент, по его словам, несмотря на попытки Березовского повлиять на ситуацию, все решения Черномырдин принимал сам. Эта его преждевременная самостоятельность и самонадеянность как раз и взбесила олигархов – они хотели, чтобы новый премьер был им обязан своим назначением, поэтому решили не поддерживать Черномырдина при голосовании в Думе.

И все же неожиданная близость Черномырдина с Березовским насторожила Думу, в которой борьбу против него начал мэр Москвы Юрий Лужков. Он активно играл против Черномырдина, рассчитывая сам занять место премьера, а уже с него, впоследствии, баллотироваться в президенты. Наконец, коммунисты вовсе не хотели делать Черномырдина фактическим президентом-регентом: одно дело бороться против стремительно стареющего Ельцина, но совсем другое – против крепкого Черномырдина, в руках которого к моменту выборов (которые, как понимали коммунисты, могут пройти гораздо раньше запланированного срока – июня 2000 года) была бы вся государственная машина.

В результате Дума сначала один раз, а потом второй провалила голосование по Черномырдину. Его стопроцентные шансы сменить Ельцина на посту президента испарились. У главы государства не было желания отставать Черномырдина. Он решил как можно скорее найти нового премьера.

Полюс политической жизни России, центр силы, еще недавно находившийся в Белом доме, переместился в бывшее здание советского Госплана на Охотном ряду – в Государственную думу. Парламент, по большей части контролировавшийся коммунистами и уже прорабатывавший процедуру импичмента для Ельцина, вдруг осознал, что держит президента за горло.

Дума на Охотном ряду в 1998 году напоминала Вавилон. Она кишела депутатами, журналистами, школьниками, пришедшими на экскурсию. В мрачных кабинетах шли бесконечные заседания фракций, разрабатывались планы, стратегии и сценарии. Трещали принтеры, телефоны и пейджеры – тогда они еще были в ходу.

7 сентября Ельцин встретился с лидерами думских фракций. После долгих обсуждений лидер “Яблока” Григорий Явлинский вдруг взял слово и сказал, что есть только один

достойный кандидат, который мог бы возглавить правительство – министр иностранных дел Евгений Примаков.

– А вы что об это думаете, Геннадий Андреевич? – заинтересованно обратился Ельцин к лидеру коммунистов Геннадию Зюганову.

Через два дня Евгений Примаков был утвержден новым премьер-министром России. Как рассказывает Сергей Зверев, в Газпроме очень радовались. Рем Вяхирев был доволен, что наконец закончилась власть «пионеров». И политическую катастрофу Виктора Черномырдина в Газпроме вовсе не считали катастрофой.

– Я хорошо помню, как на совещании Рем Иваныч, потирая руки, говорил: «Все в порядке, мальчиков-пионеров убрали, теперь нормальный человек, внятный». Рем Иваныч снова мог открывать дверь в правительство ногой и всем чем угодно: они с Примаковым были людьми одного поколения, одного менталитета, принадлежали одной школе. Энное количество общих знакомых, общая история. Вяхирев очень радовался.

Неожиданно оказалось, что Газпром и Черномырдин – это не единое целое и отношения между газовой корпорацией и ее создателем вовсе не такие безоблачные. Знакомые Черномырдина и Вяхирева уверяют, что после августа 1998-го их отношения переменились. Былая дружба дала трещину – прежде всего потому, что Вяхирев решил, будто Черномырдин ему больше не нужен. Пока премьером был недружественный и непонятный Кириенко, а Черномырдин имел какие-то шансы вернуться во власть, Вяхирев держался своего старого друга. А теперь Черномырдина окончательно сдали – и он стал обузой.

– Их дружба – это сильно большое преувеличение. Вяхирев не сильно любил ЧВС, – рассказывает Сергей Зверев. – Лично я продолжал общаться с Черномырдиным, и в какой-то момент меня стали спрашивать: а ты вообще на кого работаешь?

Провал в Думе похоронил все политические амбиции Черномырдина.

– Тогда ЧВС сдали окончательно, – считает Зверев. – А он хороший был бы президент. Очень. Он бы не стал делать то, что сделали. У Черномырдина, как, впрочем, и у Ельцина, было ценное качество: они доверяли чужим. Я для Черномырдина был совершенно чужим, он мне в отцы годился. И тем не менее он работал со мной, доверял мне. Он ведь руководил всеми: Чубайсом, Немцовым и другими совсем разными людьми, которые были ему совершенно чужеродны. Он был абсолютным демократом.

Совместная работа Газпрома с Примаковым сразу дала плоды. Госналогслужба признала, что Газпром не только не является должником, а даже переплатил правительству Кириенко лишних 3,1 миллиарда рублей. Однако оборотной стороной подобной дружбы было требование Примакова к Газпрому удалиться от политики.

Вяхирев послушался: он посвятил все свое время зарубежным газовым проектам, наращивая присутствие Газпрома в Чехии, Германии и даже впервые выйдя на британский рынок. А политикой интересоваться перестал.

27 сентября 1998 года, очевидно, не без настоятельного совета Вяхирева, Виктор Черномырдин отказался от своего первоначального желания баллотироваться в Госдуму РФ от вотчины Газпрома – по Ямало-Ненецкому автономному округу. Объяснение было малоубедительным («Дума не доросла до общенародного органа и нагнетает обстановку в стране, вместо того чтобы работать»), а души не чаявшие в Черномырдине газовики Ямала были крайне рассержены. Тем не менее, экс-премьер вновь подтвердил свое намерение баллотироваться на пост президента России на выборах 2000 года.

Однако это были только слова – никто больше его предвыборной командой не занимался, а Газпром денег на нее не давал. Фонд «ЧВС-2000» зачах. Еще одним символом «ухода Газпрома из политики» стало увольнение из Газпрома политтехнолога Зверева. По его словам, Примаков спросил Вяхирева на каком-то новогоднем приеме:

– Что ты Зверева держишь? Политикой собрался заниматься?

Этого было достаточно. Департамент по развитию общественных связей и средств массовой информации Газпрома был упразднен, «Газпром-Медиа» прекратил свою работу.

С наступлением нового, 1999 года приближение предвыборной кампании ощущали уже все. И участвовать в ней собирались, пожалуй, тоже все, кроме Рема Вяхирева, закрывшегося в своей башне и с улыбкой наблюдавшего за происходившей внизу бойней.

Той зимой СМИ обсуждали, что предстоявшие выборы будут решающим сражением между чекистами «андроповской школы», которые жаждут реванша, и демократическими силами. Например, журналист Леонтьев, устраиваясь на работу на принадлежавший Березовскому телеканал ОРТ, пугал общественность тем, что в стране «людьми андроповской школы» готовится коммунистическая реставрация. Коммунистическую реставрацию Леонтьев называл «гибельной для страны». При этом, как говорил Леонтьев, лишь Березовский правильно понимал ситуацию, а потому на него и шло «фронтальное наступление»: «Они не будут наступать на всех сразу. Они раздавят всех по очереди. Начато очень грамотно. Березовского выбрали не потому, что физиономия не нравится, а из-за ОРТ – колоссального идеологического инструмента».

Разумеется, под «людьми андроповской школы», готовыми похоронить демократию, либеральные журналисты подразумевали Евгения Примакова и его команду. Противоположный лагерь символизировал Борис Березовский («современный Распутин» – как называл его лидер коммунистов Геннадий Зюганов).

Либеральная в ту пору газета «Известия» была просто шокирована высказанными Евгением Примаковым идеями о необходимости отмены выборов губернаторов и расценила эту инициативу «как призыв к фактической ликвидации федеративных основ государства и воссозданию в стране старой исполкомовской вертикали».

Рем Вяхирев пытался извлечь из этого мутного времени максимум выгоды, но чем закончится борьба, он не знал, вмешиваться в нее боялся, поэтому старался от нее как можно надежнее отгородиться.

В конце 1998 года 2,5 % акций Газпрома, принадлежавших государству, были проданы немецкой компании Ruhrgas. Потом, в январе 1999-го, усилиями думских лоббистов Газпрома был принят закон «О газоснабжении». Согласно этому закону, в собственности у государства закреплялись только 25 % плюс одна акция Газпрома. Событие невиданное – контролируемая коммунистами дума дала согласие на продажу 13,5 % государственных акций. Максимальное количество ценных бумаг Газпрома, которое, в соответствии с данным законопроектом, могло находиться в собственности иностранцев, – 25 % минус одна акция. Тем самым коммунисты оказались в вопросах приватизации гораздо либеральнее президента: Борис Ельцин еще в 1997 года ограничил долю иностранных участников в уставном капитале Газпрома девятью процентами. Очевидно, Рему Вяхиреву не терпелось стать по возможности максимально независимым от государства, чтобы лучше обороняться в случае нового наезда. В этом смысле зарубежные собственники – газовые компании – были ему намного более понятны и приятны, чем постоянно сменявшиеся министры правительства России. Тот же закон, при этом, запрещал деление «единой системы газоснабжения», то есть Газпрома, чего давно требовали международные финансовые организации.

Наконец, еще одним заметным ходом Рема Вяхирева в январе 1999 года стало назначение его сына Юрия главой самой прибыльной дочерней структуры Газпрома – «Газэкспорта».

Тем временем власть довольно быстро ускользала из рук Кремля. Президент отправил в отставку генпрокурора Юрия Скуратова, а тот в ответ взбунтовался – и пригрозил обнародовать факты коррупции в семье президента. Попытка его уволить провалилась – Совет Федерации, который по Конституции должен принимать отставку генпрокурора, дважды высказался против нее. Никаких рычагов повлиять на заседавших в Совете Федерации губернаторов у Кремля не было.

В ходе борьбы с бунтующим прокурором Кремль поручил разобраться в деталях дела (а именно, изучить видеокассету, на которой генпрокурор был заснят с проститутками) специальной комиссии. В нее вошли глава МВД Сергей Степашин и глава ФСБ Владимир

Путин. Когда они докладывали о результатах президенту, было заметно, что интеллигентный Степашин краснеет, смущается и запинаясь, а Путину было все равно – он говорил о приключениях генпрокурора уверенно и с легкой усмешкой. Как вспоминал потом министр печати Михаил Лесин, именно тогда глава администрации президента Александр Волошин впервые спросил: «Как ты думаешь, а Путин может стать президентом?»

В апреле Дума должна была рассматривать вопрос об импичменте Борису Ельцину. Кремль угрожал, что если вопрос дойдет до голосования, президент уволит «прокоммунистического» премьера Примакова. Отношения между администрацией президента и премьером были хуже некуда. Когда Примаков, по просьбе Кремля, пришел в Думу уговорить лидеров фракций снять вопрос об импичменте, он выразился так: «Нам с вами пока это не нужно». А Борис Ельцин на встрече с губернаторами на вопрос, не собирается ли он отправить в отставку Примакова, сказал: «Примаков пока полезен, а дальше посмотрим».

Византия

Развязка наступила 12 мая. Накануне рассмотрения в Думе вопроса об импичменте Борис Ельцин отправил Евгения Примакова в отставку. Окончательное решение принимали Татьяна Дьяченко, уже бывший глава администрации Валентин Юмашев и сменивший его на этом посту Александр Волошин. В качестве нового премьера они выбрали министра внутренних дел Сергея Степашина, успевшего за время президентства Ельцина перепробовать уже почти все посты: от руководителя ФСБ до министра юстиции.

На следующий день Дума не смогла набрать необходимых 300 голосов для начала процедуры импичмента. А затем, несмотря на недавние клятвы верности Евгению Примакову, утвердила премьером Степашина.

Именно этот день можно считать началом первой в современной истории операции «Преемник»: администрация президента РФ, сломив сопротивление Думы, сумела избавиться от враждебного премьера Примакова и начала кастинг претендентов на роль президента. Для осуществления операции нужно было не только найти избираемого кандидата, но и сплотить вокруг него губернаторов и олигархов. Или по крайней мере минимизировать сопротивление. И обязательным условием было, конечно, приручение Газпрома.

Первым в шорт-листе кандидатов в преемники значился глава МВД Сергей Степашин – уроженец Санкт-Петербурга, «силовик с человеческим лицом», который любил прикладывать руку к сердцу и по любому поводу давать «слово офицера». Вторым – министр путей сообщения Николай Аксененко, крепкий хозяйственник и новый confident кремлевской администрации. Именно он был назначен в новом правительстве первым вице-премьером, который отвечал за предвыборное окучивание Газпрома. Едва ли не в первый же день в новом качестве он объявил о расторжении трастового договора с Ремом Вяхириным и передаче госпакета акций Газпрома (35 %) в доверительное управление новому министру топлива и энергетики Виктору Калюжному, которого считали приближенным хозяина «Сибнефти» Романа Абрамовича. Сам Калюжный немедленно развил бурную деятельность, обещая госпакет у Вяхирина отобрать. Это, естественно, не означало увольнения Вяхирева. Это даже не сильно его ослабляло, поскольку государству не было известно, какой процент акций контролирует он сам.

Рем Вяхирев так увлекся самоустранением от политики – о котором он договорился с Примаковым, – что пропустил этот удар. Удар был несильным, но принципиальным. Вяхирев вдруг вновь обнаружил, что правительство и администрацию президента наполнили неприятные, непонятные либо незнакомые ему люди. Кстати, одновременно с отставкой Примакова пост заместителя главы администрации президента занял недавно уволенный Вяхириным Сергей Зверев – что было для Вяхирева еще одним неприятным сюрпризом. Рем Вяхирев обиделся и решил прервать самоизоляцию.

С отставкой Евгения Примакова борьба между его командой и Кремлем не только не прекратилась, а обострилась. В стихийно собравшемся лагере противников администрации президента оказались уволенный премьер Евгений Примаков, обойденный мэром Москвы Юрий Лужков и олигарх Владимир Гусинский, владевший телеканалом НТВ. Обиженный Рем Вяхирев решил помочь им в борьбе с Кремлем.

– Примаков и Лужков были ему намного ближе, – вспоминает Александр Казаков. – Оттуда и росла их политика в отношении НТВ. Все это было согласовано, у меня в этом нет никаких сомнений.

– Газпром политически поддержал Примакова и Лужкова и активно играл против нас, – вспоминает сейчас Александр Волошин. – Они были уверены в том, что в Кремле уже все кончено. И Рем Иванович реально считал, что Кремль уже все проиграл. Вступать в открытый конфликт он, конечно, боялся но, но Газпром серьезно ставил на них деньгами. Рем Иванович хитрил.

Рем Вяхирев начал очередную для себя схватку с правительством. Причем, даже не предполагая, что это – главная схватка его жизни.

Первым его ходом была дерзкая пресс-конференция.

– Я работаю председателем правления и буду работать, пока не закончится срок, – так начал он. Потом он перешел к трастовому договору, сказав, что «глупей бумаги не встречал» и пообещал «подарить любому» возможность голосовать госпакетом акций компании. А про министра Калужного он высокомерно сказал, что такого не знает.

Почти одновременно глава Газпрома, будто бы пародируя действия Бориса Ельцина, который никак не мог подобрать себе преемника, назвал имя своего потенциального сменщика: им стал его многолетний первый зам Вячеслав Шерemet.

Первое лобовое столкновение Кремля и Газпрома случилось на собрании акционеров 30 июня, на котором должны были избрать новый совет директоров. Накануне премьер-министр Сергей Степашин и глава президентской администрации Александр Волошин вдвоем приехали к Рему Вяхиреву в офис Газпрома на улице Наметкина. Визита такого уровня прежде не удостоивался руководитель ни одной компании. Степашин договорился с Вяхиревым о списке избираемых членов совета директоров: он попросил Вяхирева, чтобы было избрано не четыре, как раньше, а пять представителей государства. Он говорил, что поскольку государству принадлежит 37,4 % акций Газпрома, то соответствующее количество мест в совете директоров примерно равно 4,7. Кроме того, они рекомендовали избрать председателем совета директоров Виктора Черномырдина.

То, что Кремль сделал ставку на экс-премьера, вовсе не удивительно. Он, в отличие от Вяхирева, никогда не симпатизировал Примакову и Лужкову. Более того, он никогда не смог бы простить этой паре то, что они оттерли его от премьерства и президентства. Поэтому Черномырдин должен был стать троянским конем – бороться против Примакова-Лужкова изнутри Газпрома.

Разговор Волошина, Степашина и Вяхирева был долгим. Однако на следующий день собрание акционеров решило по-своему – в совет директоров по-прежнему вошли четыре представителя государства. Но председателем совета директоров был избран именно Черномырдин.

Степашин был готов простить Вяхиреву эту вольность, но Волошин был в ярости и стал убеждать премьер-министра «не утираться и не позволять так с собой поступать». Волошин уверял, что если Газпром прямо перед выборами станет настолько независим, – это будет очень опасно. А Степашин считал, что не стоит перед выборами увеличивать напряжение лишним конфликтом с Газпромом.

– Ты как премьер дал указание, кого надо избрать. А они их выкинули! Кто это сделал? Рем Иванович сам взял и решил. Теперь нужно все исправить. Собрать чрезвычайное собрание, переизбрать совет, – горячился Волошин.

– Но это ведь такая крупная компания... А как рынок прореагирует? – колебался Степашин.

– Тебе наплевали в лицо! Давай, назначай совещание, зови Вяхирева и никаких разговоров.

Степашин покорно собрал у себя совещание. Как только все расселись по местам, слово по-хозяйски взял Рем Вяхирев. Он с порога заявил, что знает, зачем всех собрали – все из-за того, что «кое-кто не доволен избранным советом директоров». Но на самом деле, уверял он, ничего страшного не произошло, государство и Газпром всегда были заодно и никуда друг от друга не денутся, а откуда берутся какие-то обвинения – ему неясно.

Степашин кивал, говорил, что Вяхирев, бесспорно, прав, что в правительстве все понимают: Газпром – компания серьезная, и спешить с выводами не надо, но нужно в перспективе сделать выводы и потом исправиться.

После этого слово взял Волошин и довольно резко объяснил, что Газпром должен провести собрание акционеров и переизбрать совет директоров. И пошел к выходу. Когда Волошин был уже в дверях, Степашин закрыл заседание словами: «И все-таки Александр Стальевич прав».

Эта история стала роковой – но не для Вяхирева, а для Степашина. Его шансы заслужить право стать преемником таяли на глазах.

В промежутке между избранием первого и второго советов директоров летом 1999 года развернулась открытая борьба между Газпромом и Кремлем. Газпром объявил, что его убытки за прошлый год составили 1,8 миллиарда долларов, поэтому никаких дивидендов своим акционерам, в том числе и государству, он платить не будет. Это означало отказ в финансировании операции «Преемник», проводимой Кремлем, и еще это означало, что Газпром может поддерживать любого кандидата по своему усмотрению.

Одновременно на НТВ (акционерами которого были Гусинский и Газпром) с каждым днем усиливалась критика Кремля и поддержка Лужкова и Примакова. В Кремле требовали, чтобы Газпром как крупный акционер и кредитор НТВ повлиял на телекомпанию – пусть та прекратит резкую критику Кремля. Но Вяхирев и палец о палец не ударил.

Тем временем против Газпрома активную словесную войну развил министр топлива и энергетики Виктор Калюжный. И наконец был пущен в ход телевизионный компромат. Телеканал ОРТ показал сюжет об акционерах Газпрома, которые возмущаются тем фактом, что концерн не выплатил им дивидендов, в то же время истратив крупную сумму на поддержку “Медиа-Моста” и НТВ. Затем Калюжный в одном из публичных выступлений удивлялся: «Зачем Газпрому иностранная компания “Итера”, когда операции на внутреннем рынке ведет “Межрегионгаз”, а на внешнем – “Газэкспорт”?» А потом ОРТ показало сюжет, в котором прямо утверждалось, что Газпром намеренно выводит в “Итеру” свои активы.

В августе ситуация ухудшилась. Движение Юрия Лужкова “Отечество” и губернаторский блок “Вся Россия” объединились. Грандиозность конструкции явно означала щедрое финансирование Газпрома. Накануне объединения Сергею Степашину был предоставлен последний шанс. 3 августа Александр Волошин вел отчаянные переговоры с ведущими губернаторами из “Всей России”, уговаривая их стать партией власти и сделать премьера своим первым номером. Но в последний момент сам Степашин вдруг заявил, что ни в какой политической блок не пойдет. Бегства с поля боя ему не простили: не прошло и недели, как его отправили в отставку. Чтобы окончательно убедить Бориса Ельцина в том, что Степашин – слабый, ушло три дня: с 6 по 8 августа. Причем не последнюю роль сыграли и события на Северном Кавказе. После вторжения ваххабитов в Дагестан Ельцин согласился уволить Степашина.

9 сентября в телеобращении, записанном по этому поводу, Борис Ельцин назвал имя нового премьера – Владимир Путин – и сказал, что именно его он хотел бы видеть президентом в 2000 году. Остальные претенденты из шорт-листа выбыли.

Новому премьеру с ходу пришлось братья за Вяхирева. На следующий день после назначения Путина, в Кремль вызвали Виктора Черномырдина. Там председателю совета директоров Газпрома зачитали список обвинений в адрес Рема Вяхирева: начиная от бездействия в отношении НТВ, заканчивая финансированием Примакова и Лужкова.

Черномырдину возразить было нечего. По окончании встречи Черномырдин с каменным лицом заявил, что президент «поддержал Рема Вяхирева». Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять: Вяхирев находится на волосок от катастрофы. А уже на следующий день французская газета Le Monde опубликовала интервью Бориса Березовского, в котором тот говорил, что Рем Вяхирев «ведет себя неприемлемо, поддерживая Лужкова» и что отставка Вяхирева неминуема, так как «ненормально, что этот финансовый потенциал используется против президента и правительства».

В Кремле активно обсуждались разные сценарии – в том числе устранение Вяхирева с поста председателя правления. Особенно рьяно на отставке Вяхирева настаивал Березовский. Пожалуй, самым остросюжетным был такой план. На 26 августа было назначено собрание акционеров, но 23-го Рем Вяхирев праздновал 65-летие. По этому случаю его планировалось пригласить к Ельцину – для поздравления и получения ордена. Но перед кабинетом президента Вяхирева должен был встретить лично Путин «в компании с руководителями силовых структур». Дальше они могли показать Вяхиреву папку с таким компроматом – на него самого и на его детей, – после которого от предложения уйти в отставку он не смог бы отказаться.

Слухов о подобной уготованной ему участи, подкрепленных сюжетами на ОРТ, не слишком смелому Рему Вяхиреву хватило с лихвой. Весь день рождения он провел как на иголках – главы зарубежных государств засыпали его разнообразными дорогими подарками, но в Кремль так и не позвали. Борис Ельцин ограничился поздравительной телеграммой, а Владимир Путин – почетной грамотой правительства «За заслуги перед государством в развитии отечественной газовой промышленности, обеспечение надежного газоснабжения экономики страны и многолетний добросовестный труд».

Кроме распускания тревожных слухов, правительство предприняло и ряд конкретных действий. В ряде подконтрольных Газпрому структур пошли обыски, в том числе в «Газсибконтракте» и Сибуре.

26 августа собрание акционеров прошло как по маслу. В совет директоров были избраны пять представителей государства. Рем Вяхирев сохранил должность. Министр Госимущества Фарит Газизуллин заявил, что уже готовятся документы на продление с ним трастового договора.

– Я хочу провести выборы, и те и другие, и уже отгребать в другую сторону, – говорил Вяхирев незадолго до избрания второго совета директоров. После этого он уже никогда открыто не конфликтовал с властью.

Единственным полюсом российской политики, главным центром силы стал Кремль. Уже с августа 1999 года все важные решения принимались там, за крепостными стенами, в свежееотремонтированных Пал Палычем Бородиным коридорах и кабинетах. Чиновники с бесчисленными бумагами скользили по красным коврам, заглядывали в зеркала. Это уже была Византия.

– Рем Иваныч, как старая хитрая лиса, которая всего боится, просто затаился, лег на дно. На такой подвиг, чтобы открыто начать поддерживать старого супостата по фамилии Примаков, он не решился бы, – уверяет Сергей Зверев.

На думских выборах в декабре 1999-го с большим отрывом победили КПРФ и наспех созданное прокремлевское движение «Единство». «Отечество – Вся Россия», дискредитированное сюжетами ОРТ и личными усилиями журналиста Сергея Доренко, было третьим. «Наш Дом – Россия» Виктора Черномырдина вообще не попал в Думу.

Сразу после выборов правительство ввело пятипроцентную экспортную пошлину на газ и потребовало увеличения налоговых выплат. И в ответ Рем Вяхирев впервые предложил разрушить Газпром, разделив его на добывающую, транспортную и экспортирующую компании. Он также заявил, что и сам, возможно, займет другую должность, но уже в новой компании. Он не знал, что от него уже ничего не зависит.

Глава 5

Газпром теряет голос

Новый год

31 декабря 1999 года глава администрации президента Александр Стальевич Волошин опоздал к президенту. Он зашел в кабинет к Борису Ельцину, когда на часах было уже 9 часов 15 минут. Ельцин ненавидел опоздания. Всякому, кто опаздывал хотя бы на пять минут, Ельцин предлагал немедленно написать заявление об уходе. Но не на этот раз.

Волошин успел бы и раньше, но у его помощников принтер зажевал бумагу. Почти 15 минут помощники Волошина разбирались с принтером. А Ельцин сидел в своем кабинете и ждал, пока придет его глава администрации. Ждал терпеливо, потому что в тот день должен был подписать указ о своей отставке. И зажеванные принтером листы были этим указом.

В Кремле было тихо. В стране этот предновогодний день был объявлен выходным. На работу вызвали только сотрудников администрации президента да еще съемочную группу, которая должна была снять новогоднее обращение президента, оно же – публичное заявление об отставке. Телевизионщиков подняли в пять утра телефонными звонками, попросили срочно приехать в Кремль. Еще за несколько дней до этого они сняли новогоднее телеобращение президента, а теперь им сказали, что записанный вариант Ельцину разонравился и он хочет все переделать. О чем на самом деле будет говорить Ельцин в этом экстренном обращении, никто из телевизионщиков не мог даже и предполагать.

В Кремле у них отобрали мобильные телефоны и со стационарных телефонов запрещали звонить домой. Жены членов съемочной группы понятия не имели, куда пропали их мужья накануне Нового года.

Телевизионщики выставляли свет и украшали елочку. Сотрудники администрации занимались какими-то бумажными делами. Никто из них тоже не знал, что произошло – они не догадывались, что за документы несет Борису Ельцину Александр Волошин.

А в президентском кабинете в 9 часов 15 минут глава администрации положил перед президентом бумаги на стол. Ельцин просматривал их, кивал и подписывал документы, один за другим.

Ельцин дошел до указа об отставке самого Волошина.

– А это зачем? – сердито спросил он.

– Борис Николаевич. Я же к вам на работу устраивался. Глава администрации – это ведь не переходящее красное знамя. Я не могу перейти к Путину по наследству, как мебель в вашем кабинете. Владимир Владимирович, наверное, будет сам определяться.

– Определяться? Определяться... Определяться, – повторил Ельцин. Он часто повторял одно и то же слово, когда задумывался. – Вообще-то это правильно.

Ельцин энергично подписал оставшиеся бумаги.

Потом Волошин вышел в соседнюю комнату, отдал телевизионщикам текст президентского обращения, который нужно было загнать в телесуфлер. Они все еще думали, что президент просто собирается перезаписывать стандартное новогоднее телеобращение и ворчали, что остается мало времени. В тот момент они еще думали, что мало времени – это до полуночи. Но Волошин объяснил им, что времени у них намного меньше, чем они думают, и заявление об отставке нужно выдать в эфир в полдень.

– Когда они увидели новый текст, у них сразу проступили эмоции, – улыбаясь, вспоминает Волошин.

Потом Борис Ельцин вышел к съемочной группе, прочел заявление о своей отставке, сообщил, что исполняющим обязанности президента становится Путин и, говорят, даже заплакал. Снимавший это обращение оператор Андрей Макаров не выключил в тот момент камеру, и где-то в архивах телеканала ОРТ, принадлежавшего тогда Борису Березовскому, до сих пор, вероятно, хранятся эти кадры – плачущий президент. Правда, Волошин говорит, что слез не было.

– Может, что-то и заблестело у глаз, но не более того. Ельцин вообще-то был не из плаксивых.

Потом в течение нескольких часов продолжалась рутинная (по словам Волошина) процедура передачи власти – например, от Ельцина к Путину перешла ядерная кнопка. Затем был большой обед, на который съехались ведущие члены правительства – и все вместе, сидя за столом, смотрели по телевизору обращение Ельцина.

Потом Ельцин оделся и пошел к выходу. На пороге его провожали Путин, Волошин и сотрудники администрации. Там он с дрожью в голосе произнес памятные слова «берегите Россию». И уехал.

Мы сидим с Волошиным в его кабинете в РАО ЕЭС. Он уже не работает главой администрации президента – но не с 1999 года, а с 2003-го. Тогда, 31 декабря, Путин подписал указ о переназначении Волошина спустя пару часов после того, как Ельцин подписал указ о его увольнении. Путин чувствовал себя в тот момент не слишком уверенно. Он был исполняющим обязанности президента, но у него не было денег и не было медийных ресурсов, и все его властные полномочия ничего не стоили без волошинского опыта и без телеканала ОРТ, которым владел Березовский. За пару лет Путин получит контроль над большими денежными потоками, в первую очередь над денежными потоками Газпрома, и над основными телеканалами. Выгонит Березовского в эмиграцию и примет отставку Волошина.

Сейчас Александр Волошин работает председателем совета директоров РАО ЕЭС. У Волошина довольно маленький кабинет. За окном смеркается, но Волошин не включает света. Волошин не курит – бросил после того, как уволился из Кремля. Он часто шутит и смеется. Но не так, как шутят публичные политики или актеры в комедиях: не громко. Он иронично улыбается – как делают кинорежиссеры, пересматривая свой давнишний и имевший успех фильм.

Что бы ни говорил Волошин, он рассказывает лишь малую долю того, что происходило в Кремле в 2000 году, когда глава президентской администрации был де-факто вторым лицом в государстве и, наверное, ближайшим советником президента Путина. Он не говорит, кому из окружения Бориса Ельцина пришла в голову мысль, что президент должен подать в отставку 31 декабря и попрощаться с народом в новогоднем обращении. Но бывшие сотрудники администрации уверяют, будто еще летом 1999-го Волошин начал обдумывать, как Ельцину лучше досрочно уйти в отставку. Рассказывают, что самому БЕНу (так называли Бориса Ельцина в администрации) идея с досрочной отставкой нравилась. Он болел, его рейтинг был низок (порядка 5%), но после назначения Путина премьером ситуация началась выправляться. Говорят, что идеей уйти в Новый год Ельцин был очень доволен – противники не ожидают, на этом вираже их можно уверенно обскать и оставить далеко позади.

Та новогодняя ночь для многих была шоком.

– Когда я услышал об этом по телевизору, я ушам своим не поверил, – говорит Александр Казаков, в тот момент член правления Газпрома, занимавший раньше посты главы газпромовского совета директоров и замглавы администрации президента. – Это было просто гениально. Я до сих пор восхищен.

– Ходили, конечно, слухи, что Ельцин может уйти раньше времени, чтобы дать Путину стартовое преимущество, – говорит Евгений Киселев, в тот момент работавший гендиректором телеканала НТВ и делавший еженедельную аналитическую программу “Итоги”. – Но чтобы 31-го, под Новый год – об этом никто не думал. Был выходной день. У нас была новогодняя сетка вещания. И тут вдруг пришлось срочно ехать на работу, делать экстренный выпуск “Итогов”.

Новоявленный и.о. президента Владимир Путин, кстати, тот Новый год встретил вместе с супругой в вертолете – где-то между Дагестаном и Чечней, куда он вылетел вечером, приняв у Ельцина страну. Рейтинг Путина держался тогда, в первую очередь, на успехе этой новой кавказской войны, и пройдет несколько лет, прежде чем рейтинг Путина

станет подпитываться финансовыми успехами государственных топливно-энергетических корпораций и безусловной лояльностью метровых телевизионных каналов. Так что Путин летел в Чечню – предвыборная борьба продолжалась.

Главным и единственным оппонентом Путина на первых для него президентских выборах был не политик, и не партия: после успеха пропутинского “Единства” на выборах в Думу почти все они вышли из игры. Против преемника Бориса Ельцина боролся только телеканал НТВ, принадлежавший Владимиру Гусинскому и Газпрому.

Самый популярный, самый качественный и самый авторитетный на тот момент телеканал в России. Там были лучшие новости, лучшие ток-шоу, лучшие фильмы. Зритель привык, что репортеры НТВ первыми, как правило, ведут свои репортажи из сколь угодно горячих точек, что могут критиковать войну и даже остановить ее, как было с первой чеченской кампанией, что в еженедельной программе “Итоги” у Евгения Киселева можно услышать толковый, хоть и скучноватый комментарий ведущего и приглашенных им высокопоставленных экспертов, что серьезность “Итогов” оттеняется искрометностью политсатирического шоу “Куклы” и несомненной талантливостью культурных новостей “Намедни”, изготовлявшихся Леонидом Парфеновым. А были же еще документальные фильмы, многие из которых снимали сами Киселев и Парфенов. А были же еще ведущие новостей, воспринимавшиеся публикой как старые друзья, которым можно верить, которые приходят каждый вечер в гости и рассказывают, что стряслось. И что бы там ни говорили о попытках владельца телеканала Гусинского управлять информационными потоками, в работе журналистов были свежесть, смелость, бескомпромиссность, честность, талант – качества, за минувшие с тех пор годы практически сошедшие в российской журналистике на нет.

Среди обитателей Кремля и Газпрома того времени ходит легенда об одном из первых разговоров Рема Вяхирева и Владимира Путина, уже ставшего и.о. президента. Они вместе летели в самолете во время одной из поездок по стране.

– Когда это прекратится? Вы что же, не можете заставить НТВ держать себя в рамках? – спросил Путин у Вяхирева.

Глава Газпрома начал что-то говорить про свободу слова. Взгляд и.о. президента потяжелел.

– У вас блокирующий пакет и вы ничего не можете сделать? В общем, если ты не поставишь их на место, я тебя порву.

Рем Вяхирев, полномочный хозяин важнейшей компании России, наверное, никогда прежде не слышал подобных слов. Он был в таком шоке, что ничего не ответил. Не меньше были шокированы и многочисленные свидетели этого разговора – хотя Путин уже и успел прославиться своим «мочить в сортире».

– И что теперь делать? – пробормотал Вяхирев, выйдя из самолета.

– Что делать... Без пяти минут президент все-таки... – не могли придти в себя от пережитого ужаса вяхиревские приближенные.

Неизвестно, что именно в эфире НТВ так задело будущего президента. Может быть, крайне критический тон при освещении чеченской кампании, на которой Путин зарабатывал предвыборные очки и в справедливость которой, кажется, искренне верил. Может быть, оскорбительные замечания в адрес членов семьи Путина.

Тогдашний гендиректор канала Евгений Киселев говорит, что слышал две основные версии, объясняющие причины войны НТВ и Путина.

– Первую версию любят рассказывать те, кто не любит Владимира Гусинского. Якобы он однажды в конце 1999-го пришел к Путину и заявил: «Без нашей поддержки тебя президентом все равно не выберут. Давай договариваться о том, как государство поддержит НТВ, а мы за это тебе поможем стать президентом». Но я в эту версию не верю. Владимир Александрович, конечно, темпераментный, невоздержанный на язык, но не дурак. По всем опросам общественного мнения уже к началу ноября было понятно, что Путин – будущий президент. Вторая версия, что якобы Путину на стол положили то ли папку с

расшифровками, то ли кассету с записью наших сюжетов по Чечне. И он после этого передал Гусинскому через главу МВД Рушайло, что отношения заканчиваются, просьба не звонить и не пытаться искать встречи.

Последним ударом НТВ по Путину на грани фола (и даже за гранью) был выпуск программы “Куклы”, в котором и.о. президента был представлен в виде крошки Цахеса. В начале его баюкал в колыбельке Борис Ельцин, сетовавший, что у него, «отца русской демократии», такой некрасивый наследник. А потом появлялась фея с лицом Бориса Березовского, которая выводила Цахеса-Путина в люди.

Этот выпуск “Кукол” был показан в январе 2000 года, за два месяца до президентских выборов. Он не повлиял на их исход – Владимир Путин победил в первом туре, набрав 52 % голосов. Чтобы стать настоящим властителем, оставалось еще, кроме должности, получить финансовые и медиа-ресурсы.

Прокуратура или Газпром

Евгений Киселев вспоминает, что отношения между Газпромом и НТВ начались еще в 1995 году. Тогда у Владимира Гусинского возникла идея привлечь дополнительный инвестиционный ресурс для развития молодой телекомпании НТВ путем продажи блокирующего пакета какой-нибудь богатой компании. Наиболее выигрышным вариантом был Газпром – «потому что у него денег немерено». Важную роль в этих переговорах играл Виктор Черномырдин. У них были неплохие отношения, премьер всегда охотно давал интервью НТВ и участвовал в разных проектах телеканала – даже несмотря на то, что во время думских выборов 1994 года «журналисты по полной программе проходились по “Нашему дому – Россия”, отпуская разные неполиткорректные шутки». Например, именно с легкой руки НТВ движение прозвали «Наш дом – Газпром». А про премьер-министра, который на предвыборных плакатах складывал ладони домиком, энтэвэшники говорили, что «он кого-то крышует».

Но зато уже в 1996 году НТВ и Владимир Гусинский сделали все возможное для победы на президентских выборах Бориса Ельцина. И вскоре после выборов НТВ заключила сделку с Газпромом, «которая оказалась потом роковой». Газпром купил 30 % акций владельца НТВ – компании “Медиа-Мост”. Киселев признает, что эти деньги, во многом, стали благодарностью за помощь, которую НТВ оказало Борису Ельцину в ходе предвыборной гонки: «В какой-то момент произошла увязка благополучного завершения этих переговоров и позиции телеканала по выборам».

Заключение сделки сотрудники Газпрома и НТВ отметили грандиозным банкетом в Доме приемов газовой монополии в Богородском.

– Было выпито море водки. Потому что там были крепкие советские газовые директора, крепкие мужики с буровой – никаких глупостей, вроде белых или красных вин. Только водка, причем из больших фужеров. Рассадка была такой, что справа и слева от каждого представителя НТВ сидели представители Газпрома. Стол стоял буквой «П», как на свадьбе. В самом начале встал уже выпивший Черномырдин и произнес программную речь минут на двадцать пять. Ни разу не сбившись, ни разу не покачнувшись. В ней была одна ключевая мысль: хороший актив, правильный. Правильно, что Газпром вкладывает в СМИ.

Черномырдин вспоминал, как недавно был в США и видел, что в Америке происходят такие же процессы – компания General Electric незадолго до этого приобрела телеканал NBC.

– Как я выжил, я не знаю, – вспоминает Киселев. – Мы все чуть не умерли, потому что ни одного тоста пропустить было нельзя. «Пей до дна, – всякий раз настаивали мужики из Газпрома. – Это ж Рем Иваныч тост произносит. Под тост Рема Иваныча нельзя не пить». Потом же, когда сделка состоялась, Газпрома было не видно и не слышно. Гусинский всегда мог сказать нам: «Не тронь Черномырдина, не наезжай на Вяхирева, не обижай Газпром». Но не делал этого. От Газпрома бывали разовые просьбы, совсем необременительные. Например, где-то скважину пускают или участок газопровода. Звонили и просили отразить в

дневных новостях. А так никаких ограничений не было, кроме одного: никаких личных выпадов в адрес бабушки и членов его семьи. В узком смысле.

Бабушкой в 90-е годы журналисты любовно называли Бориса Ельцина.

Любовь Газпрома и НТВ продолжалась и дальше. За несколько лет “Медиа-Мост” взял под гарантии Газпрома два огромных кредита в банке Credit Swiss First Boston и в Сбербанке. Кредиты были пущены на расширение вещания, увеличение штата НТВ, закупку фильмов и сериалов, создание корпоративных и запуск спутникового вещания НТВ+. Возвращать кредиты Гусинский, в общем-то, не собирался.

В первый раз Газпром вспомнил о долгах НТВ весной 1999 года – в тот момент, когда, по словам Киселева, Гусинский разругался с Семей в широком смысле слова. Гусинский, естественно, знал о готовившемся наступлении Газпрома еще зимой. Он собрал всех акционеров “Медиа-Моста” и главных редакторов принадлежавших ему СМИ и рассказал, что их ждут тяжелые времена. Часть акционеров склонялась к тому, чтобы все продать и уехать из страны. Но главные редактора, в том числе Евгений Киселев и руководитель радио “Эхо Москвы” Алексей Венедиктов, заявили, что не согласны все бросить и потерять лицо и не собираются никуда уезжать. Решающим был голос самого Гусинского – он тоже сказал, что нужно бороться.

И борьба началась. 2 марта 2000 года Гусинский в интервью газете Le Monde сказал, что телеканалу НТВ грозит закрытие из-за его критики в адрес Путина.

– Гусинский хотел всем продемонстрировать, что проблемы – не из-за того, что он неэффективно ведет свой бизнес, а потому что он – хозяин СМИ, которое работает в жанре критического реализма, – говорит Киселев. – То есть, фактически, нападение было средством защиты.

Через три дня после инаугурации Путина сразу в нескольких офисах холдинга “Медиа-Мост” начались обыски. Первое обвинение никакого отношения к НТВ не имело. Генпрокуратура объявила, что уголовное дело возбуждено в связи с нарушениями закона, допущенными в процессе приватизации компании “Русское видео”, тоже принадлежавшей Гусинскому.

НТВ и другие СМИ Гусинского в ответ резко обострили критику Путина. «Что будет с нами завтра? Куда идет страна? Ощущение, что идем мы к августу 1991-го. Власть опять может сорваться», – рассуждал Евгений Киселев в программе “Итоги” 11 июня 2000 года.

– В тот момент мы все думали, что это еще одна информационная война, каких и прежде было много. Никто не воспринимал эту информационную войну так, что кто ее проиграет, тот уйдет, – вспоминает работавший тогда на НТВ Леонид Парфенов. – Представлялось, что Гусинский с Березовским точно так же и дальше будут: один проиграл сейчас – отыграется на чем-то другом. Такое убеждение у всех было до ареста Гусинского.

13 июня Гусинского арестовали и доставили в Бутырскую тюрьму. Это стало шоком для всех российских олигархов, в первую очередь для руководителей Газпрома: арест означал, что вялые переговоры, которые вел с Гусинским Газпром, Кремль вовсе не устраивают, и последний решил прибегнуть к помощи Генпрокуратуры. Семнадцать олигархов написали открытое письмо генпрокурору Устинову, предлагая освободить Гусинского под их ответственность. Среди семнадцати подписавшихся предпоследней стояла подпись Рема Вяхирева.

Президент Путин в тот момент находился с визитом в Испании. Он заявил, что для него арест Гусинского – неожиданность и что причины ареста ему неизвестны, поскольку он, президент, «не смог дозвониться до генерального прокурора». Одновременно Путин дал понять, что он крайне недоволен бездействием Газпрома. Он сказал, что не понимает, почему СМИ проходят мимо того факта, что Газпром давал кредиты Гусинскому, в то время когда он зарегистрирован в качестве налогоплательщика не в России, а в другой стране. «Почему Газпром должен тратить деньги на эту проблему, мне непонятно», – говорил президент.

Вернувшись из Испании, Путин вызвал к себе Вяхирева. Тот отчитался о переговорах,

которые вел с Гусинским, и пообещал отныне работать активнее. «Я объяснил все Путину, и он согласился со мной. Я спросил его: вы на меня давите? А он сказал, что нет», – рассказывал Вяхирев о той встрече несколько дней спустя.

– Когда Гусинского арестовали, – вспоминает Киселев, – пришел мессидж, который передал министр печати Лесин. Если хотите, чтобы Гусинского выпустили, давайте договариваться о продаже всех долей, которые у вас есть. Будете жить за границей и прекрасно себя чувствовать. Ответный мессидж был: «Давайте вести переговоры».

Гусинский провел в СИЗО Бутырки три дня. 16 июня Рем Вяхирев заявил, что у Газпрома нет претензий к “Медиа-Мосту”. В тот же день Генпрокуратурой было принято решение об изменении для Гусинского меры пресечения на подписку о невыезде.

Теперь Газпрому срочно пришлось доказывать, что его менеджеры не менее эффективны, чем сотрудники генпрокуратуры, и они сумеют забрать НТВ у Гусинского миром. Тогда в Газпроме вспомнили про некогда созданную, но никогда не использовавшуюся компанию “Газпром-Медиа”. Теперь эта компания должна была консолидировать все СМИ, принадлежавшие газовому монополисту, и заодно за долги отсудить у Гусинского “Медиа-Мост” вместе с НТВ и прочими входящими в него СМИ: радиостанцией “Эхо Москвы”, издательским домом “7 дней”, спутниковым телевидением НТВ+ и т. д. Совет директоров “Газпром-Медиа” возглавил бывший глава совета директоров Газпрома Александр Казаков. Гендиректором стал бывший глава Госкомимущества Альфред Кох.

Альфред Кох рассказывает, что предложение отобрать НТВ у Гусинского и передать государству в лице Газпрома он получил от министра печати Михаила Лесина. Дело было у Лесина на даче. Старые приятели Кох и Лесин парились в бане. И Кох обрадовался возможности отобрать у олигарха Гусинского телеканал, потому что задача эта казалась интересной Коху-финансисту и справедливой Коху-политику. У Коха было достаточно причин ненавидеть Гусинского, как ненавидело олигархов подавляющее большинство населения страны. Кох не забыл, как, работая в госкомимуществе, он не имел сил противостоять влиятельности Гусинского в вопросах приватизации. Кох и его давние товарищи Чубайс и Немцов, будучи вице-преьерами правительства в 1997 и 1998 годах, объявили тогда открытую войну олигархам, включая Гусинского, не позволили Гусинскому задешево приватизировать государственную телефонную компанию “Связьинвест”, но в целом войну безоговорочно проиграли, отправившись в отставку и навсегда оставшись в истории правительством, объявившим дефолт.

Наконец лично против Коха принадлежавшие Гусинскому СМИ развернули довольно грязную пропагандистскую кампанию, называвшуюся «делом писателей». Коха и Чубайса обвиняли в том, что они подписали договор с одним из западных издательств, чтобы написать книгу о приватизации, получили солидный гонорар, но книги не написали. Журналисты изо всех сил намекали, что это был не гонорар, а взятка.

– И не говорите мне, что при Гусинском на НТВ была свобода слова, – говорит Кох. – Ее не было. Я сам присутствовал на совещаниях во время президентских выборов 1996 года. Я помню, как Евгений Киселев получал от Гусинского указания. И я слышал, как Венедиктов говорил вместо «здравствуйте»: «Ну? Кого сегодня мочим?»

Казаков и Кох, кажется, искренне полагали, что, во-первых, восстановят справедливость, заставив олигарха отдать телеканал за долги, а, во-вторых, поспособствуют свободе слова, ибо Гусинский не сможет больше использовать журналистов в личных политических и экономических целях.

– Я с самого начала сказал Вяхиреву, что разберусь с Гусинским с большим удовольствием, – признается Казаков, – да и Кох тоже. Личная неприязнь к Гусинскому нам помогала.

Вместе с Казаковым и Кохом за успех операции отвечал министр печати Михаил Лесин. У него тоже были веские причины считать отбор НТВ справедливым и важным делом. Лесину-чиновнику интересно было включить в сферу своей ответственности лучший

телеканал страны. Лесину-политику казалось справедливым вернуть государству (в лице Газпрома) телеканал, созданный на государственные деньги. Предполагалось, что 25 % телекомпании будут принадлежать государству, еще 25 % – предполагалось продать иностранному инвестору с хорошей репутацией. Плюс к тому, каждому из троих, Лесину, Казакову и Коху полагался опцион – по 5 % акций.

Как только Гусинский вышел из СИЗО, начались его переговоры с “Газпром-Медиа”.

– Гусинский с Кохом регулярно встречались, о чем-то договаривались, – вспоминает Леонид Парфенов. – Гусинский говорил: «Вот Алик – Алик нормальный парень». И Кох тоже говорил: «Ну, вроде все нормально, мы все разрулим». Градус полемики на самом НТВ то повышался, то понижался: было видно, что они ищут компромисс. Казалось, никто не собирался убивать НТВ. Достаточно продолжительный период времени все могло закончиться и так, и сяк. Я думал, что Гусинский как-то отобьется.

20 июля Гусинский и Кох заключили сделку. “Газпром-Медиа” выкупала все долги Гусинского, а также сверху платила ему 300 миллионов долларов и получала за это весь “Медиа-Мост”. Этот договор, а заодно и «шестое приложение» к договору, особо оговаривавшее, что именно отказ от НТВ гарантирует свободу Гусинского, были скреплены подписью министра печати Лесина.

Сразу после этого Генпрокуратура прекратила уголовное дело в отношении Гусинского за отсутствием состава преступления. Подписка о невыезде и арест, наложенный на его имущество, были отменены. Гусинский вылетел в Испанию. А месяц спустя объявил, что готов продать Газпрому телекомпанию НТВ.

Подводная лодка и дуло пистолета

В августе 2000 года произошло событие, никак не связанное ни с НТВ, ни с Гусинским, ни с Газпромом, но, видимо, очень сильно повлиявшее на дальнейшее развитие событий. 12 августа в Баренцевом море утонула подводная лодка “Курск”. Члены ее экипажа оставались живы в течение нескольких дней после аварии. Однако никто не был спасен.

Журналисты обрушились на президента Путина – наверное, в первый раз после его избрания его критиковали почти все. В первую очередь его упрекали в том, что он даже не прервал свой отпуск, узнав о трагедии.

Тележурналисты констатировали, что власти долго скрывали данные о катастрофе, слишком поздно начали спасательную операцию и тянули с приглашением иностранных специалистов, которые могли бы помочь спасти людей.

22 августа Путин приехал в поселок Видяево, базу Североморского флота, чтобы встретиться с родственниками погибших подводников. Эта встреча, скорее всего, была для него самой трудной и самой неприятной за все время президентства. Обезумевшие от горя люди кричали на президента, обвиняя его в бездействии – и ссылались на ту информацию, которую они почерпнули из теленовостей.

– Телевидение? Значит, врет, – сдерживая ярость, отвечал им Путин. – Значит, врет. Значит, врет. Там есть на телевидении люди, которые десять лет разрушали ту самую армию и флот, где сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота. За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся!

По телевизору эту встречу не показали. Зато и по НТВ, и по ОРТ ежедневно показывали убитых горем родственников подводников “Курска”, которые, не стесняясь, повторяли свои обвинения в камеру.

Отношения Кремля и Бориса Березовского, некогда активно помогавшего Путину и борювшегося с Гусинским, уже испортились. Еще и до “Курска” в Кремле поговаривали о том, что принадлежавший Березовскому телеканал ОРТ нужно вернуть под контроль государства. Августовская трагедия ускорила процесс. В течение месяца после “Курска” контролировавшийся Березовским телеканал полностью перешел в руки Кремля. Роман

Абрамович выкупил у Березовского его пакет акций и передал его государству.

Борьбу с НТВ еще предстояло продолжить.

Тем более, что уже, казалось бы, решенный плавный переход НТВ из рук Гусинского в руки “Газпром-Медиа” начал давать сбои. Уехавший из России Гусинский был тепло принят на Западе. Его избрали вице-президентом Всемирного еврейского конгресса, он встречался с президентом США Клинтоном. В какой-то момент Гусинский решил, что он «не по зубам» Путину, чей имидж был подорван историей с “Курском” и конфликтом с Березовским.

В сентябре Гусинский объявил о том, что дал согласие на продажу НТВ под давлением, что его, дескать, вынудили дать такое обещание в обмен на освобождение из тюрьмы. Одновременно “Медиа-Мост” обнародовал пресловутое «шестое приложение», завизированное министром Лесиным.

Разгорелся невероятный скандал. Путин официально поручил правительству разобраться в том, какую роль сыграл министр печати Лесин в подписании соглашения между Гусинским и “Газпром-Медиа”. На заседании правительства премьер-министр Михаил Касьянов заставил Лесина встать и отчитал его. Но не уволил. А Альфред Кох собрал пресс-конференцию и пожаловался на вероломство Гусинского, который только делал вид, будто хочет продать свой бизнес, а на самом деле выводил активы компании в оффшоры.

В ноябре Генпрокуратура вновь возбудила уголовное дело в отношении Гусинского, вызвала его на допрос и пригрозила искать через Интерпол и арестовать, если он проигнорирует повестку. Но Гусинский в Россию не вернулся.

«Качели» продолжались до конца года. “Медиа-Мост” и “Газпром-Медиа” то подписывали мировые соглашения, то расторгали их. Генпрокуратура то давала громкие пресс-конференции, то умолкала. К концу года силовое давление стало нарастать. К процессу подключилась налоговая инспекция, потребовавшая по суду ликвидировать телекомпанию НТВ, поскольку за два последних финансовых года у компании был отрицательный баланс. Генпрокуратура по самым разнообразным причинам стала вызывать на допросы уже и журналистов НТВ. Ведущую вечерних новостей Татьяну Миткову, например, обвинили в том, что она угрожала расправой соседу, который, живя этажом выше, залил водой ее только что отремонтированную квартиру.

Вскоре после Нового года стало понятно, что дни НТВ в прежнем виде сочтены.

– НТВ был тогда похож на восставший броненосец “Потемкин”, – говорит Евгений Киселев. – Всех пугала полнейшая неизвестность. Как только я приходил на работу, меня у лифта останавливали и требовали отчета: что с нами дальше будет. Восемьдесят процентов времени я тратил на работу с личным составом, пытался как-то успокоить людей. Было ощущение, что у власти нет единой линии. То они наезжали – и мы думали, что все, конец. А потом снова отъезжали – и мы думали, что есть надежда.

Свою панику журналисты переносили в прямой эфир. Главной новостью на НТВ изо дня в день оставалась ситуация на НТВ. И после года борьбы многие зрители и даже многие сотрудники НТВ стали уставать от «мессианской журналистики» (выражение Леонида Парфенова), которую исповедовал Евгений Киселев. Чем дольше длилась борьба с властью и Газпромом, тем сложнее оказывалось НТВ бороться за симпатии телезрителей. Одна из журналисток НТВ сказала тогда, что невозможно целый год жить с кишками наружу, и эта фраза выражала общее настроение.

– Я говорил Киселеву, – вспоминает Леонид Парфенов, – что он берет на себя непосильную ответственность, превращая журналистов в профессиональных революционеров.

В конце января ведущая НТВ Светлана Сорокина обратилась в прямом эфире к президенту Путину и попросила его встретиться с журналистами телеканала. Путин перезвонил Сорокиной на рабочий телефон и пригласил вместе с коллегами в Кремль.

– Мы сходили в Кремль и вернулись с перевернутыми лицами, – вспоминает Евгений Киселев, – поняли, что не на что надеяться. Во-первых, он демонстративно встретился перед

нами с генпрокурором Устиновым. И встречу с нами начал с того, что прочитал бумагу, которую ему принес Устинов. Такая страшилка. Сплошь враньё на враньё. Безо всякой предыстории: назанимали денег у Газпрома и не хотят отдавать и так далее. Мы пытались возражать: «Вас дезинформируют». «Я доверяю своим информаторам», – отвечал Путин. И продолжал: вы используете запрещенные методы в журналистике, получаете черные зарплаты... Я все детали даже не помню. Но он проявлял такую осведомленность, что не возникало сомнений, что всей операцией руководит он лично.

Модник Парфенов не преминул заметить, что на президенте был шитый у знаменитого портного пиджак из какой-то особо ценной шерсти.

Ностальгия или шоколад

Мы встречаемся с Евгением Киселевым и Леонидом Парфеновым почти одновременно. Парфенов ждет нас в десять утра в кофейне “Шоколадница” на Сретенке. Киселев – в час дня в ресторане “Ностальжи” на Чистопрудном бульваре.

После событий весны 2001 года прошло уже почти семь лет. Они оба уже не работают на телевидении, но ничего важного не забыли. Оба увлеченно рассказывают о том, что произошло с ними в те месяцы.

Парфенов довольно весел, энергично жестикулирует, то и дело пародирует голоса своих тогдашних знакомых. Киселева он изображает, переходя на пафосный профессорский тон:

– На прошлой неделе кое-кто из кремлевских э-э доброхотов вспомнил о так называемой э-э проблеме, к которой, надо заметить, и ваш покорный слуга э-э уже неоднократно обращался...

Киселев говорит все так же размеренно и печально, как и прежде. И старается не упоминать Парфенова.

Они оба рассказывают нам про митинг в защиту НТВ и свободы слова, который состоялся на Пушкинской площади 31 марта 2001 года.

Киселев вспоминает этот митинг как последний и решительный бой:

– Была некая иллюзия, что митинг как-то повлияет на настроение власти. Что власть не сможет игнорировать мнение общественности. Но это были иллюзии. Власть после этого стала циничным образом раскалывать коллектив. Предлагать сотрудникам в полтора или два раза большую зарплату. Хотя я не слышал точных цифр.

Парфенов вспоминает митинг как пример невыносимого дурновкусия. Из объяснений Парфенова следует, что киселевское НТВ перестало существовать не только потому, что власть разрушала его, но и потому, что телеканал изжил себя эстетически:

– Митинг на Пушкинской площади меня убил совершенно. Общественность с плакатиками работы “НТВ-дизайн”! – Парфенов кривится, ему кажется отвратительно пошлым, что митинг был срежиссирован как эпизод из дешевого телесериала.

Вскоре после того митинга конфликт вступил в свою решающую стадию. На 3 апреля Газпром назначил собрание акционеров НТВ, намереваясь избрать лояльный компании совет директоров. К тому моменту Газпрому принадлежало 48 % акций НТВ, еще 4,5 % принадлежали американскому фонду Capital Research Management. Остальные – “Медиа-Мосту”, однако по решению арбитражного суда на 20 % акций “Медиа-Моста” был наложен арест и голосовать ими “Медиа-Мост” не имел права. Юристы НТВ рассчитывали помешать собранию акционеров и подали иск в районный суд города Саратова, который должен был проведение собрания акционеров запретить.

– Саратовский суд должен был запретить нам провести собрание акционеров, на котором мы должны были избрать свой совет директоров НТВ, – вспоминает тогдашний глава совета директоров “Газпром-Медиа” Александр Казаков. – Их юристы полетели в Саратов. А мы позвонили саратовскому губернатору Аяцкову и сказали: «Там к вам самолет летит, его надо развернуть». Аяцков все понимал – публика-то у нас дисциплинированная.

Аяцкова в свое время я сам назначал на губернаторскую должность, когда работал в администрации президента. И самолет не посадили. Тогда они поехали на машине. Но за ночь не успели. А мы тем временем приняли в суде другое решение, которое отменяло их решение. Когда Киселев приехал на собрание акционеров со своим предполагаемым решением суда, а мы показали ему другое – он был просто в шоке. Этого он совершенно не ожидал. И мы избрали свой совет директоров, который назначил новый менеджмент.

Примечательно, что этот подстроенный Казаковым и Кохом эпизод с самолетом полностью повторял эпизод, жертвой которого семью годами раньше стал сам Кох. Будучи вице-премьером правительства, Альфред Кох в середине девяностых, точно так же, как юристы НТВ в 2001-м, ехал с предписанием правительства о приватизации компании “Нижневартовскнефтегаз” в Нижневартовск. Его задача была успеть к собранию трудового коллектива, утвердить на собрании предписание правительства и начать приватизацию компании. Но по негласному распоряжению директора “Нижневартовскнефтегаза” Виктора Палия самолету вице-преьера отказали в разрешении на посадку, направили на запасной аэродром в Сургут. И это был рейсовый самолет, о неудобствах еще сотни простых пассажиров вообще никто не подумал в запале борьбы за собственность. Вице-премьеру Коху пришлось 220 километров ехать на машине из Сургута в Нижневартовск по дороге, которая только называется дорогой. По пути машина вице-преьера была остановлена вооруженными людьми. И вице-премьер был задержан посреди лесотундры ровно на столько времени, сколько требовалось директору Палию, чтобы провести собрание коллектива и чтобы коллектив проголосовал против приватизации компании так, будто никакой директивы правительства и не было в природе. И не надо думать, будто дикие методы борьбы времен ельцинской приватизации стали как-то цивилизованнее в путинские времена.

Членами совета директоров НТВ были избраны боссы Газпрома Рем Вяхирев, Вячеслав Шерemet, Александр Казаков, а также журналист НТВ Леонид Парфенов. Возглавил совет директоров Альфред Кох, а гендиректором канала назначили американца Бориса Йордана. Расчет был на то, что назначение иностранца должно успокоить международное сообщество, которое внимательно следило за событиями с НТВ. Гусинский вел одновременные переговоры о продаже своего пакета акций с Тедом Тернером и Рупертом Мердоком, и медиамагнаты выражали серьезную заинтересованность в покупке. Однако Газпром их опередил.

Уже в новой должности главы совета директоров Кох приехал в Останкино встречаться с журналистами. Запись этой встречи НТВ выдало в эфир. Евгений Киселев полагал, что если показать в эфире, как эмиссар Газпрома Альфред Кох захватывает телекомпанию, то телезритель возмутится. Но расчет оказался неверным: телекомпания НТВ сама многие годы прививала своему телезрителю либеральные взгляды, и теперь многие либеральные зрители НТВ не видел преступления в том, что менеджер Газпрома забирает телеканал за долги, раз уж бывший владелец телеканала наделал долгов.

– Что-то более саморазоблачительное трудно было придумать, – говорит Парфенов. – Журналисты говорили Коху: «Вы не понимаете, с кем вы говорите! Вы разговариваете с ведущими телеканала НТВ!» Они полагали, что от них сияние исходит. А Кох отвечал: «Да ладно. Я-то по бабкам. Вы же боролись за капитализм. Вот я и пришел, капиталист». После того эфира мне многие звонили и спрашивали: «Зачем они это показывают в эфире? Они, что, идиоты? Кох, конечно, циник, но, сволочь, талантливый. А журналисты ему даже в риторике проигрывают».

6 апреля Леонид Парфенов решил уйти с НТВ и написал открытое письмо Евгению Киселеву. «Мне даже неинтересно, по приказу ли ты, уходя, сжигаешь деревню до последнего дома или действуешь самостоятельно. Ты добиваешься, чтобы „маски-шоу“ случились у нас в Останкино, ты всеми силами это провоцируешь. Ты держишь людей за пушечное мясо, пацаны у тебя в заложниках», – писал Парфенов Киселеву. Вслед за Парфеновым ушла и ведущая новостей Татьяна Миткова, а потом еще несколько журналистов. Но большинство осталось с Киселевым.

В ночь на 14 апреля в Останкино приехал ОМОН и сменил охрану. Акция была быстрой – Газпрому требовалось ввести на телеканал свой менеджмент, а старая охрана его не пускала. В восемь утра начался выпуск новостей, который через несколько минут прервался – и потом вместо него включили телесериал «Закон джунглей».

– Я видел, как это все происходило, – рассказывает Парфенов. – Охрана просто была перекуплена. Я, правда, приехал чуть позже – в тот момент все уже писали заявления об уходе.

– Мы в тот момент вели много разговоров с журналистами команды Киселева, – вспоминает Казаков. – «Зачем вы сопротивляетесь, вы что, так любите Гусинского?» – спрашивали мы. «Да нет, он гнида», – говорили журналисты. «Ну так давайте работать с нами, мы приведем иностранных инвесторов, придут хорошие люди, будет все отлично». Но журналисты нам не верили. А мы верили, что именно так и будет, – Казаков делает паузу и вздыхает: теперь он вынужден признать, что отъем НТВ у Гусинского за долги был справедлив только юридически, фактически это было не только разрушение телеканала, но и уничтожение свободной журналистики в России.

Казаков говорит:

– Журналисты оказались правы. Они, а не мы.

«Уникальный журналистский коллектив» НТВ, как называли его тогда, раскололся. Большая часть вместе с Евгением Киселевым перешла на канал ТВ-6, который тоже вскоре закрылся. Меньшая часть осталась работать на новом НТВ с гендиректором Борисом Йорданом.

Сначала, по выражению Леонида Парфенова, наступили «золотые йордановские времена». Новая команда оказалась очень успешна и рейтинги канала были очень высоки. Парфенов стал вести еженедельную аналитическую программу «Намедни». В отличие от киселевских «Итогов», программа Парфенова была свежа, искрометна, смела. И имела заоблачные рейтинги. Газпром в информационную политику канала не вмешивался, его руководство регулярно повторяло, что намерено продать свою долю, поскольку СМИ являются непрофильным активом газового монополиста и он в них более не заинтересован. Так говорили, даже когда руководство Газпрома без шума сменилось, и кабинет Рема Вяхирева занял Алексей Миллер.

Александр Казаков вспоминает, что «Газпром-Медиа» на полном серьезе вел переговоры с немецким медиамагнатом Лео Кирхом о продаже ему газпромовского пакета.

– Поначалу мы с Кохом были уверены, что Газпром хочет продать свой пакет иностранцу. И отдали приоритет, естественно, немцу. Путин немецкий знает. Кох немец. У Газпрома дела с немцами. Несколько раз ездили к Кирху в Мюнхен. Он был очень заинтересован. Мы хорошо начали, дошли уже до обсуждения цены. Кирх, вообще-то, человек уникальный: застал конец войны, сидел в наших лагерях. В общем, Россию знает не понаслышке. Но на каком-то этапе нас отстранили от этих переговоров и передали их в руки других. Тогда стало ясно, что никакой продажи не состоится. А Кирх еще долго пытался. Несколько раз звонил мне напрямую, а что мне оставалось сказать: все, я уже не переговорщик, это не ко мне. На том же этапе нас и опциончика, кстати, лишили.

В октябре 2001 года Казаков и Кох покинули «Газпром-Медиа». Кох рассказывает, что всякий раз, когда ходил по делам НТВ к новому главе Газпрома Алексею Миллеру, Миллер держал его в приемной по несколько часов. И это было особенно для Коха обидно, поскольку они с Миллером были по Ленинградскому университету однокашниками, знали друг друга с юности, говорили друг другу «ты». Однажды, после нескольких часов ожидания, Кох просто встал и пошел из приемной Миллера вон. У лифтов Коха догнал помощник Миллера и попросил вернуться. Кох вернулся, но томительные ожидания под дверью главы Газпрома продолжались. И тогда Кох понял, что Миллер вовсе не собирался работать с ним, а просто занят переделом компании и не может пока Коха без шума уволить. Кох ушел сам. В качестве политического прикрытия для талантливых и свободных журналистских опытов Парфенова остался только генеральный директор НТВ американец

Борис Йордан.

Год спустя, в октябре 2002-го, группа чеченских террористов захватила театральный центр на Дубровке, в котором в тот вечер шел мюзикл “Норд-Ост”. Началась осада. Страна замерла в ожидании. В течение трех дней не было никакого официального заявления президента Путина. На третий день телеканалам разослали видеозапись совещания силовиков у президента – но без звука. Предполагалось, что телевизионщики просто покажут стране, что президент, дескать, не дремлет, а как именно не дремлет президент, о чем проводит совещания, как собирается спасать заложников и собирается ли вообще – это стране знать не нужно. Все телеканалы послушно дали эту запись в эфир, и только на НТВ пригласили специалиста по сурдопереводу, который прочитал по губам высказывания чиновников: «Важно принять окончательное решение... Все случится завтра...»

Сурдоперевод был явной издевкой над кремлевской пресс-службой.

А день спустя НТВ, вопреки команде из Кремля, показал в прямом эфире начало штурма театрального центра.

Спустя неделю президент Путин на встрече с руководителями СМИ назвал действия НТВ «рейтингом на крови своих сограждан – если, конечно, они считают их своими согражданами». Это был намек на американское гражданство гендиректора НТВ Йордана. Через несколько месяцев Йордан был уволен. На его место из Газпрома назначили Николая Сенкевича. С телевидением Сенкевича связывало только то, что он был сыном известного телеведущего советских времен. По образованию Сенкевич был врачом, но работал в Газпроме небольшим начальником.

– Персона уже не имела никакого значения, – говорит Парфенов. – Сенкевич, не Сенкевич, не важно. Они назначили медиамагната эпохи бюрократического реванша.

С приходом Сенкевича у Парфенова на НТВ не осталось защитников. Парфенов вскоре ушел с НТВ. Будучи самым известным телеведущим в стране, он надеялся быстро найти новую работу, но не нашел. Владелец одного из телеканалов сказал, например, что готов взять Парфенова, но что контракт с ним будет действовать до первого звонка из Кремля. Это был фактически отказ: понятно было, что звонок из Кремля раздастся в кабинете владельца телеканала через две минуты после того, как Парфенов подпишет с ним контракт. Сейчас, когда мы спрашиваем Парфенова, неужели он не понимал заранее, еще в апреле 2001-го, что все этим и кончится, Парфенов говорит, что понимал, но ни о чем не жалеет.

– Тогда, с уходом Киселева и приходом Йордана, все-таки открывалась площадка возможностей. Я никогда не работал в тихой и безмятежной среде. Я всегда пытаюсь просунуться в окошко возможностей – сколько оно будет открыто, столько и работаю. Потом окно закрывается, значит надо искать другое. Не будет окна – надо искать форточку возможностей. Зачем загадывать, как все обернется?

Да-да и нет-нет

Все те полтора года, пока Газпром занимался отъемом телекомпании НТВ у Гусинского, в администрации президента размышляли, что им делать с самим Вяхиревым. Старый хозяин Газпрома крайне непокорно вел себя в отношении НТВ, зачастую тормозя операцию, запланированную Кремлем. Кроме того, Вяхирев мог спокойно не явиться в Белый дом на заранее назначенную встречу с вице-премьером Христенко, сказав, что «проспал, а теперь уже не успевает». Членам правительства оставалось жаловаться Путину. А Путина Вяхирев рассчитывал подкупить довольно топорной лестью. Так, на церемонии открытия газопровода “Голубой поток” Вяхирев провозгласил: «У России есть будущее, есть надежда, есть цели. У руля страны стоит надежный человек – Владимир Владимирович Путин!»

В ответ Путин платил Вяхиреву публичным презрением. Глава Газпрома вызвался быть доверенным лицом кандидата Путина на президентских выборах, а его не приглашали на встречу доверенных лиц. Вяхирев ехал сопровождать президента в поездке по стране, а

президент демонстративно делал вид, что не замечает Вяхирева, и общался всю дорогу с Анатолием Чубайсом. «Нет-нет!» – взволнованно отвечал Вяхирев на совещании на какую-нибудь президентскую претензию. «Да-да», – передразнивал его Путин.

В январе 2000 года Рем Вяхирев объявил о своем намерении разделить компанию на добывающую и транспортную составляющие – это позволило бы ему оставить самую прибыльную часть Газпрома себе, а от убыточной – избавиться. Но правительство этот план забраковало, заставив Вяхирева объяснить, что, говоря о разделе Газпрома он имел в виду лишь избавление от непрофильных активов.

В июне 2000-го Вяхирев попытался внести поправки в устав Газпрома, которые позволяли бы ему не только выводить дочерние предприятия из холдинга, но и свободно продавать их акции. Вяхирев понимал, что через год истекает его контракт председателя правления, и сохранить пост ему будет непросто. Поэтому он довольно бесхитростным путем собирался отколоть от Газпрома себе «кусочек на память». Но на совете директоров 29 июня все поправки были отклонены. Более того, Виктор Черномырдин решил уйти из совета директоров Газпрома, а вместо него на должность председателя был избран заместитель главы администрации президента Дмитрий Медведев. На тот момент – малоизвестный чиновник из администрации, прославившийся тем, что возглавлял предвыборный штаб Владимира Путина. Зимой и весной 2000-го среди журналистов ходили упорные слухи, что место председателя совета директоров присмотрел для себя глава президентской администрации Александр Волошин. Однако он решил выдвинуть на первый план своего заместителя.

О своем приходе в Газпром Медведев вспоминал так:

– Вы только вспомните, сколько тогда Газпром стоил и как управлялся? У правительства не было контроля, рынок акций находился в безобразном состоянии. Именно тогда мы и пришли к выводу, что государству необходимо вернуть контроль.

Медведев считает, что «такой компанией, как Газпром, с учетом его роли и функций, сегодня должен управлять один собственник: государство».

Став председателем совета директоров, Медведев старался не вмешиваться в работу Газпрома и даже демонстративно дистанцировался от внутренней кухни монополии. Зато закулисную поддержку Медведев Газпрому обеспечивал всегда и по самым различным вопросам. Для него должность в Газпроме никогда не была самоцелью – наоборот, статус символического газпромовского начальника был средством повышения своей политической значимости. «Зачем тебе дружить с олигархами, если ты возглавляешь совет директоров Газпрома», – так говорили про Дмитрия Медведева чиновники из правительства и администрации.

В свою очередь, уход Черномырдина из Газпрома означал, что опоры, на которых стоял этот колосс, начали рушиться. Но еще сильнее взбесило Рема Вяхирева то, что членом совета директоров был избран его давний враг Борис Федоров, преследовавший его еще во времена правительства Кириенко.

В августе Рем Вяхирев публично заявил, что газ Газпрома кончается, поэтому нужно либо повышать цены на него, либо сокращать импорт – в противном случае корпорация прекратит подачу газа на нужды РАО ЕЭС. «Эту зиму мы переживем. В будущую, чтобы газа хватило на отопление, нам придется поднапрячься. Зимой 2001–2002 года у нас будут серьезные проблемы. А еще через год топить будет нечем. Впрочем, меня это уже не будет касаться – я буду на пенсии», – вслух рассуждал Вяхирев.

Наконец, удар по Вяхиреву нанесло государство. Летом, через два месяца после инаугурации Путина, государственные представители в компании, аккумулировав большое количество голосов, внесли в устав поправки, позволявшие сменить председателя правления без его согласия. До сих пор, согласно уставу Газпрома, председателя правления можно было уволить только единогласным решением совета директоров – то есть, за свое увольнение должен был проголосовать и сам Вяхирев. В декабре 2000 года Государственная дума приняла закон «Об акционерных обществах». Согласно этому закону, руководителей всех

АО без исключения стало можно переизбирать простым большинством голосов на совете директоров.

Зимой 2001-го в Газпроме наступило затишье – все следили за событиями на НТВ. Но спустя месяц после того как телеканал перешел в новые руки, произошло первое символическое событие. Виктор Черномырдин, основатель Газпрома и депутат Госдумы, был отправлен послом на Украину. До заседания совета директоров Газпрома оставался еще месяц.

А между тем слухи о том, что судьба Вяхирева может быть связана с судьбой НТВ, ходили еще в 1999 году, во время премьерства Сергея Степашина. Тогда СМИ писали, что якобы глава администрации президента Александр Волошин собирается сместить Вяхирева, поскольку хочет иметь перед выборами надежного человека во главе Газпрома, но опасается колоссального скандала в СМИ. За поддержкой, согласно легенде, он обратился к Владимиру Гусинскому, предложив ему освещать события, происходящие с акционером НТВ, в удобном власти ключе. Но Гусинский якобы заломил непомерную цену – таких денег накануне выборов в Кремле не было.

Поэтому Кремлю и пришлось начинать с НТВ. А Вяхирев, кажется, не понимал, что, уничтожая в угоду Кремлю лучший в России телеканал, сам себя лишает голоса и оставляет без защиты. Так или иначе, вынудив Газпром самостоятельно уничтожить главное свое информационное оружие, Кремль получил возможность всерьез приняться за передел самого Газпрома.

Глава 6

Человек из Питера

Разведчик Путин

Рано утром 30 мая 2001 года Рем Вяхирев ехал в Кремль к президенту Владимиру Путину в самом мрачном расположении духа. На следующий день, 31 мая, у Вяхирева истекал трудовой контракт в Газпроме, а сегодня совет директоров должен был решить, продлить контракт или нет. Материалы по этому вопросу директорам разосланы не были, им лишь сообщили, что вопрос будет лично докладывать председатель совета директоров Газпрома и заместитель главы президентской администрации Дмитрий Медведев. Эта неопределенность Вяхиреву совсем не нравилась.

Близкий к руководству Газпрома человек говорит, что смещение Вяхирева и замена вяхиревской команды на путинскую было разработано задолго до того памятного 30 мая. Говорят, будто еще осенью 1999-го директор ФСБ Владимир Путин намекал людям, принимавшим решения (Александру Волошину, Борису Березовскому), что не хочет становиться премьером и президентом, а хочет возглавить Газпром. Говорят, уже в конце 1999 года, когда Путин был премьер-министром, некоторые люди, которым предстояло стать путинской командой в Газпроме, получили указание готовиться и изучать компанию. Но у всех этих слухов нет подтверждения: если такая операция и готовилась, то готовилась в тайне, в лучших чекистских традициях, предполагающих, что успеха без секретности не бывает.

И Вяхирев про операцию не знал, а только чувствовал что-то смутно. На всякий случай или, может быть, получив все-таки от кого-то из посвященных информацию о том, что увольнение его готовится, Вяхирев сам в конце 1999 года начал публично говорить, что устал, хочет на пенсию, и даже называл преемника – своего друга и заместителя Вячеслава Шеремета. Однажды членам правления Газпрома даже раздали документы о досрочном расторжении трудового контракта Вяхирева, но потом бумаги забрали обратно и велели молчать.

На самом деле, Вяхирев всегда хотел остаться в Газпроме и всегда боролся за

компанию, которую, кажется, уже совершенно отождествлял с собой. Вероятно, он и сам не знал, за себя ли борется или за Газпром, за собственные ли благосостояние и безопасность или за неоглядные четыре океана газа, двенадцать газовых магистралей и веселые, как весенние ручьи, денежные потоки. Он был простым газовиком, в сущности. Он не умел формулировать тонких чувств. Накануне собрания акционеров в 1999 году, когда очередную свою атаку на Газпром предпринял Борис Березовский, и перспектива отставки была реальной, Вяхирев так описывал будущее компании в случае своего ухода: «Это тяжело. Деньги уйдут налево. Некоторые на карманы уйдут. Большинство кому-то».

Теперь, направляясь в Кремль, Вяхирев никак не мог смириться с мыслью, что вот сейчас Путин отправит его на пенсию. Как это на пенсию? А как же Газпром? Никто, думал Вяхирев, не смог бы руководить Газпромом так, как он, потому что никто так, как он, эту компанию не знал.

Бывшие сотрудники компании любят рассказывать, как на оперативных совещаниях, узнав о какой-нибудь аварии на трубопроводе, и о том, что ремонтная бригада выехала на место, Вяхирев сначала матерился, а потом, замерев и потеряв виски, начинал советовать:

– Только скажи ребятам, пусть они не напрямик едут, там после 115 километра начинается болото. Там можно и технику угробить. А пусть сделают крюк, пройдут верхом, а потом спустятся, там за 118 есть такая ложбинка, где им будет удобнее подойти.

Он знал Газпром как себя. Но сейчас, когда Вяхирев ехал к Путину, дело было даже не в том, что никто так, как Вяхирев, эту компанию не знает, а скорее в том, что никто так, как Вяхирев, эту компанию не любит – дремучей газовой любовью.

В Кремле Путин коротко поблагодарил Вяхирева за хорошую работу и сообщил, что теперь Газпромом будет руководить «молодой человек, которому он, президент, доверяет, с опытом работы в бизнесе и знанием современных методов управления». От нового руководителя Газпрома Путин ждал «укрепления и расширения государственного участия в Газпроме». Вяхирев вышел от Путина с почерневшим лицом.

Вслед за Вяхиревым на приватную беседу к Путину зашли еще трое «газпромовцев», входивших в совет директоров – Вячеслав Шерemet, глава «Стройтрансгаза» Арнгольт Беккер и глава «Газпромбанка» Виктор Тарасов. Им Путин сообщил о своем решении и спросил, нет ли у кого вопросов. Вопросов не было.

После этого в 12.30 в приемной Совета безопасности в Кремле Путин встретился со всеми директорами и объявил им свою волю: Вяхирев должен сложить с себя полномочия главы газовой монополии, а его место займет 39-летний Алексей Миллер, давний питерский знакомый Путина. Президент очень хотел, чтобы решение о замене Вяхирева на его питерского протеже было принято единогласно. Для этого срочно вызвали из отпуска члена совета директоров, министра имущественных отношений Фарита Газизуллина.

В 15.00 в здании Газпрома на улице Наметкина состоялось официальное заседание совета директоров. На нем Дмитрий Медведев представил всем нового главу Газпрома – нервного чиновника с крохотными усиками. Пройдет несколько лет, прежде чем новый глава газового концерна приобретет спокойную вальяжность, сбреет усики и обзаведется лучезарной улыбкой. А тогда он был всего лишь старым знакомым президента, которого президент в начале 2000 года вызвал в Москву и сделал заместителем министра энергетики, как оказалось, для того, чтобы доверить ему самое дорогое – Газпром. Возражений не последовало.

«Никаких дискуссий не было», – рассказывает один из присутствовавших. Совет единогласно решил не продлевать контракт с Ремом Вяхиревым и назначил Миллера его преемником. Медведев же элегантно уступил Вяхиреву (правда, только на год) место председателя совета директоров. Сам новоиспеченный глава Газпрома не проявлял никаких эмоций и в основном молчал. В тот момент президент Путин одержал свою первую крупную победу за все президентство. Во главе крупнейшей компании страны оказался человек, абсолютно лояльный Путину лично. Закончилась целая эпоха: ведь это Вяхирев когда-то гордо заявлял, что без Газпрома не будет и России. Теперь Газпром и Россия управлялись из

одного кабинета.

Уход Вяхирева вызвал настоящую бурю на фондовом рынке. За четыре дня акции Газпрома подорожали на 26,4 процента, увеличив капитализацию компании на 1,5 миллиарда долларов. По большому счету, инвесторам было все равно, кто сменит Вяхирева. Они считали, что именно Вяхирев тормозил реформу Газпрома и противодействовал либерализации рынка акций, разделенного на тот момент на внутренний и иностранный.

Операция «Преемник»

В отличие от Вяхирева, Миллер газовиком не был. Он окончил Петербургский финансово-экономический институт. А через несколько лет после окончания института попал на работу к Чубайсу. Последний, став в октябре 1990 года первым заместителем председателя Ленгорисполкома и председателем комитета по экономическому развитию, набирал себе молодых людей с экономическим образованием. В комитете Миллер занимался проектом организации свободной экономической зоны в Ленинграде, но проект этот быстро сошел на нет как совершенно безнадежный. Летом 1991 года Анатолий Собчак стал мэром, исполком ликвидировали, а сам Чубайс в ноябре перешел в Москву председателем Госкомимущества.

– Миллер был самый слабый в команде Чубайса, – вспоминает один из его бывших коллег. – Поэтому Чубайс Миллера с собой в Москву не позвал.

Те сотрудники комитета, что не уехали вслед за Чубайсом, разбежались по разным комитетам питерской мэрии. Миллер был едва ли не единственным, кто попал в комитет по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, который возглавлял тогда будущий президент Владимир Путин.

В 1996 году Анатолий Собчак проиграл губернаторские выборы Владимиру Яковлеву, команда Собчака и Путина покинула Смольный, а Миллер перешел на работу в “Морской порт Санкт-Петербург”, где был директором по развитию и инвестициям. А в 1999 году Миллер стал гендиректором компании “Балтийская трубопроводная система” и худо-бедно руководил Балтийской трубопроводной системой, пока в начале 2000 года бывший начальник Путин не вспомнил о нем и не забрал в Москву.

Люди, работавшие тогда с Миллером в Петербурге, вспоминают, что Миллер «мог внимательно выслушать и записать в блокнот». Серьезных решений Миллер никогда сходу не принимал: думал несколько дней над своими записями в блокноте или, может быть, советовался с кем-то.

– Миллер – неплохой чиновник, почти идеальный заместитель, но и только, – вспоминает один из его бывших коллег. – Совершенно лишен инициативы, старается не принимать никаких не санкционированных «сверху» решений, ни в коем случае не брать на себя ответственность.

– Главное достоинство – умело кланялся, – вспоминает другой. – Ходил по стеночке. Был совершенно незаметен. Жил, как тень, и служил, как тень...

Первые месяцы работы в Газпроме Миллер и впрямь напоминал тень. Он почти не выходил из своего кабинета, куда приезжал рано утром и откуда выходил часто за полночь. Сотрудники Газпрома вспоминают, что в собственный кабинет на пятом этаже Миллер входил как-то неуверенно, точно боялся, что его вот-вот оттуда выгонят. Долго не мог свыкнуться с мыслью, что теперь он хозяин Газпрома.

– Миллер поразил всех фантастической работоспособностью, – говорит бывший руководитель финансового департамента Газпрома Александр Семеняка. – Он приезжал в 8 утра, а уезжал в 12 ночи. Это сейчас его трудно в офисе застать.

По словам Семеняки, Миллер во все пытался вникнуть. Общался, скорее, доверительно, живо всем интересовался, но решения сходу принимать опасался. Проводил совещания, выслушивал подчиненных, а решения принимал только спустя несколько дней. И всячески пытался демонстрировать преемственность.

Тогда в Газпроме трудно было сыскать человека, который поставил бы на то, что Миллер продержится на своем посту хотя бы год. Несмотря на колоссальную поддержку Путина, Миллеру первое время было в Газпроме очень тяжело. 29 октября на сайте Страна.RU появится даже информация со ссылкой на сотрудника президентской администрации, что Миллер, дескать, написал заявление с просьбой уволить его с поста председателя правления Газпрома. Но почти сразу же статья будет снята по неизвестным причинам, чиновник – источник информации – уволен. До сих пор неизвестно, писал ли Миллер, на самом деле, заявление об уходе. Известно только, что его отставку все равно бы не приняли, ведь тогда Путину пришлось бы расписаться в том, что он допустил ошибку, назначив Миллера руководить крупнейшей компанией страны. Миллер был непотопляем, причем не потому, что не мог наделать ошибок, а потому, что Путин не готов был эти ошибки признать. Как-то в узком кругу Вяхирев в сердцах бросил, что «Миллер через месяц повесится». Но вот прошел месяц, а Миллер все не вешался. Хотя бы потому, что вешаться ему не разрешалось.

31 июля 2001 года Вячеслав Шеремет праздновал 60-летие. На праздник приехали не только старые друзья юбиляра, но и Миллер. «Все произносили тосты, – рассказывает один из участников пирушки. – Шеремета поздравил Вяхирев, другие газпромовцы. Потом начал говорить Миллер, но очень нервничал и путался. Гости смотрели на него сочувственно. В конце Миллер не нашел ничего лучше, как зачитать поздравительную телеграмму от тогдашнего министра энергетики Игоря Юсуфова. После этого Миллер вконец стушевался и быстро уехал...»

А через месяц Миллер отобрал у юбиляра право финансовой подписи и кураторство над финансово-экономическим блоком в Газпроме. А еще через месяц именитым гостям, сидевшим рядом с Миллером на дне рождения Шеремета и потешавшимся над тем, как неловко Миллер зачитывает поздравительную телеграмму министра, пришлось уступить места в руководстве Газпрома новым назначенцам. В начале сентября 2001 года Миллер провел в Газпроме масштабную кадровую чистку. Отодвинули от дел верных сподвижников Рема Вяхирева – Александра Пушкина, курировавшего газовый бизнес в СНГ и Балтии, и завхоза Николая Гуслистого. Правой рукой Миллера на короткий период стал петербуржец Петр Родионов, который при Вяхиреве слыл «оппозиционером». Правда, права финансовой подписи Родионов так и не получил и уволился через несколько месяцев.

Формируя свою команду в Газпроме, глава компании Алексей Миллер, как и Путин, явно отдавал предпочтение землякам и знакомым. Например, главным бухгалтером Миллер назначил свою питерскую знакомую Елену Васильеву. До того момента самой крупной компанией, в которой работала эта дама, был “Морской порт Санкт-Петербург”, с выручкой 19,5 миллионов долларов. Теперь Васильевой предстояло отвечать за отчетность концерна с экспортной выручкой в десятки миллиардов долларов и обеспечивать четверть налоговых сборов России. Похоже, главную роль и в этом случае сыграли не профессиональные качества кандидатки, а ее лояльность руководству. Просто Миллер служил в тех же компаниях, что и Васильева, и уже бывал ее начальником.

Новые назначенцы не слишком церемонились с газпромовскими ветеранами. Бывший глава совета директоров Газпрома Александр Казаков вспоминает появление Васильевой так:

– Прихожу я как-то на работу, а в моем кабинете – дама. Ей понравился мой кабинет, и она приказала вынести мои вещи. Что я мог поделать? Не выгонять же.

Через пару месяцев Казаков написал заявление об уходе.

За короткий срок карьеру в Газпроме смогли сделать многие питерские знакомые Миллера, которым посчастливилось работать с ним в “Морском порту Санкт-Петербург” или “Балтийской трубопроводной системе”.

– Я понимал, что мне придется уйти и уступить свою должность человеку из круга Миллера, – вспоминает бывший главный финансист Газпрома Семеняка. – Газпром всегда был кастовой структурой, а новая команда четко делила людей на своих и чужих. Я все равно у них ассоциировался со старой командой.

В апреле 2002 года Семеняка ушел из Газпрома, чтобы передать один из ключевых департаментов – финансовый – 32-летнему питерскому приятелю Миллера Андрею Круглову. Всего за два года Круглов сделал фантастическую карьеру и стал финансовым директором Газпрома.

Смена кадрового состава в Газпроме происходила стремительно. Как вспоминает Семеняка, у одного менеджера неожиданно переставала работать магнитная карточка на вход, другого срочно вызывали из отпуска, чтобы сказать: «Вы уволены».

Бывший подчиненный Миллера по “Морскому порту Санкт-Петербург” Кирилл Селезнев менее чем за два года вырос из помощника главы Газпрома в гендиректора “Межрегионгаза”, курировавшего весь сбыт газа на российском рынке. Аппарат правления Газпрома возглавил тоже сослуживец Миллера по “Балтийской трубопроводной системе” Михаил Серeda.

Еще один ключевой департамент – имущественный – возглавил другой питерский знакомый Миллера – Александр Красненков, гендиректор гостиницы “Астория”. “Астория” была акционирована в октябре 1995 года, когда Владимир Путин работал в мэрии Санкт-Петербурга. Правда, менее чем через год Миллеру пришлось уволить Красненкова из-за скандала с расходами на рекламу и спонсорство, которые курировал имущественный департамент. Впрочем, покинув компанию, Красненков по-прежнему активно участвует во всех ее имущественных сделках, входит в советы директоров “Газпромбанка”, Сибура, “Стройтрансгаза” и “Нортгаза”, получая там ежегодное вознаграждение в несколько миллионов долларов.

Негазпромовскому человеку кадровые перестановки в компании казались тогда случайными. Газпромовские говорят, что перестановки очевидно осуществлялись по толковому и заранее разработанному плану, основанному на хорошем знании компании. Миллер с максимально возможной быстротой расставлял доверенных людей на ключевые позиции. Доверенные люди должны были с максимально возможной быстротой взять под контроль основные финансовые потоки Газпрома и отобрать у вяхиревцев активы, выведенные ими из компании. Тогдaшнй глава газпромовской службы безопасности Сергей Лукаш утверждает, что все ключевые кадровые назначения в Газпроме согласовывались непосредственно с президентом.

«Где деньги-то?»

20 ноября 2001 года в Новом Уренгое собрался весь энергетический бомонд. Путин посетил гигантское Заполярное месторождение, где тремя неделями раньше начали добывать газ. Впервые за десять лет Газпром, наконец, запустил новое месторождение. И Путин вручал Вяхиреву орден «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени. Но Вяхирев все равно ворчал: всю тяжелую подготовительную работу проделал он, а сливки снимал его сменщик.

Сразу после награждения бывшего главу Газпрома ждал неприятный сюрприз – Путин начал инструктировать Миллера, как бороться с наследием Вяхирева: главное – следить, чтобы ничего не украли. Путин заговорил о разнице между ценами, по которым Газпром продает газ на экспорт своим западным контрагентам, и ценами на внешних рынках, которые в два-три раза выше.

– А почему мы отдаем так дешево? – спросил президент, глядя на Миллера. – Где эта разница? Где деньги-то? Не надо махать шашкой, но разобраться необходимо.

По мнению Путина, деньги следовало искать на счетах компаний-посредников, именно там, считал президент, оседала большая часть экспортной выручки Газпрома. Удар был рассчитан на Вяхирева, – “Газэкспортом” руководил его сын Юрий. А Путин уже переключился на другую тему:

– Надо внимательно подходить к вопросам собственности, а то разинете рот, и у вас не будет не только Сибура.

Сибур был чуть ли не самым любимым детищем газпромовских менеджеров. В его совет директоров входили Шеремет и Пушкин. Их поддержка и финансирование со стороны Газпрома позволили президенту Сибура Якову Голдовскому за три года скупить и консолидировать нефтехимические компании, занимавшиеся переработкой попутного газа, и превратить Сибур в интегрированный нефтехимический холдинг – крупнейший в стране. Контрольный пакет акций Сибура принадлежал Газпрому, но Голдовский говорил, что компании необходимо развиваться, для развития необходимо провести дополнительную эмиссию. Газпром вынужден был потратить на приобретение дополнительных сибуровских акций 800 миллионов долларов, но на самом деле эта дополнительная эмиссия была только первым ходом придуманной Голдовским многоходовой комбинации. Деньги, полученные от Газпрома во время первой допэмиссии, были нужны Голдовскому для того, чтобы проводить все новые и новые допэмиссии до тех пор, пока пакет Газпрома в Сибуре перестанет быть контрольным. Решающий этап этой игры Голдовский предусмотрительно начал за месяц до отставки Вяхирева.

Вероятнее всего, Миллер ко времени допэмиссии сибуровских акций, не разобравшись еще во внутригазпромовских хитростях, не сообразил бы, что допэмиссия вовсе не предполагала, чтобы Газпром сохранил контроль над Сибуром, что 800 миллионов Голдовский планировал потратить на еще одну допэмиссию, но уже без участия Газпрома. Говорят, будто это Родионов разъяснил Миллеру план Голдовского. Родионов показал Миллеру, что после второй допэмиссии доля Газпрома в Сибуре размывается до 38 %, а контроль переходит к структурам Голдовского. И Родионов указал Миллеру на огромные долги Сибура, гарантом которых выступал Газпром.

В ноябре из Газпрома уволился Пушкин, а на его место Миллер пригласил депутата Госдумы Александра Рязанова, которого с Голдовским связывали непростые отношения. За четыре года до этого Голдовский, скупавший для Сибура газоперерабатывающие заводы, буквально выжил Рязанова с поста директора Сургутского газоперерабатывающего завода, после того как тот отказался продать ему 28 % акций ГПЗ. Несговорчивость Рязанова привела к тому, что ему пришлось провести ночь в тюремной камере. По рассказам самого Рязанова, РУБОП задержал его в аэропорту по обвинению в вывозе чужих денег, а затем в камеру к Рязанову пришел сам Голдовский и предлагал отдать акции в обмен на сохранение должности гендиректора.

Голдовский же объяснял, что якобы Рязанов взял у его компании деньги на покупку 34 % акций завода, но вместо акций вернул деньги. Тогда Голдовскому удалось добиться увольнения Рязанова. Уже будучи депутатом, Рязанов часто защищал интересы нефтяных компаний в их конфликтах с Сибуром.

Сейчас Рязанов утверждает, что, став заместителем председателя правления Газпрома, принципиально старался не вмешиваться в историю с Голдовским. Голдовский же говорит, что «не хочет снова ворошить эту неприятную историю».

«Неприятная история» развивалась примерно так: Миллер и Голдовский договорились, что Газпром участвует в выкупе уже размещаемой эмиссии, реструктурирует долги Сибура, но под залог сибуровских активов. Это восстанавливало бы контроль Газпрома над Сибуром. Но Голдовский нарушил неформальную договоренность и в канун Нового года попытался втайне сделать еще одну допэмиссию, четвертую по счету, и размывать контрольный пакет Газпрома в Сибуре. За эту свою хитрость Голдовский жестоко поплатился. После новогодних праздников, 8 января главу Сибура арестовали.

В тот день у Голдовского была назначена встреча с Миллером. Голдовский приехал в Газпром к тому подъезду справа от главного входа, где расположены лифты, предназначенные только для руководства. Охрана Голдовского осталась внизу, вооруженных людей в начальственный лифт не пускали. Голдовский вошел в лифт, нажал кнопку пятого этажа, но до кабинета Миллера так и не добрался. Голдовского арестовали в приемной, там, где лежит на полу более подходящий для спальни огромных размеров шелковый ковер. А Миллер даже не вышел из своего кабинета. Неизвестно, участвовал ли

Миллер в установке капкана для Голдовского, но глава Газпрома всегда утверждал, что и сам был удивлен его арестом.

В тот же день был арестован и Шеремет, которого через три дня выпустили под подписку о невыезде. За Шеремета заступился Рем Вяхирев. Голдовскому пришлось задержаться в тюрьме на несколько месяцев, его держали в общей камере и не разрешали видеться с женой. В итоге Голдовский написал расписку, что передаст структурам Газпрома акции десятка нефтехимических предприятий. Эта расписка стала для него пропуском на волю.

Позже Голдовский рассказывал, что даже не предполагал быть арестованным в приемной Миллера. «Думал, в итоге договоримся о том, кто кого выкупит в Сибуре, – рассказывал он. – Хотя накануне меня предупреждали, что арест возможен. Но какая была альтернатива? Бежать из страны?»

Голдовский, который сейчас живет в Вене и в России не появляется, объяснял, что никого не пытался обмануть, просто с приходом нового менеджмента Газпрома концепция по Сибуре стала меняться. Причем Газпрому не надо было платить деньги – следовало лишь конвертировать займы Сибуре в его новые акции. «Я предложил Миллеру: давайте или мою долю в Сибуре выкупите, или я вашу, или распродадим все, разделим прибыль и закончим с этой нефтехимией, – вспоминал Голдовский, – Но Газпром никакого решения не принимал».

В то время, пока Голдовский сидел в тюрьме, ревизоры контрольно-ревизионного управления Газпрома принялись за “Газэкспорт”, который Путин заподозрил в слишком дешевых продажах газа на экспорт. «Нам повезло, хорошего чекиста прислали, – вспоминает один из бывших сотрудников “Газэкспорта”, – он тихонько сидел, изучал документы. Правда, любил очень выпить, и однажды так и заснул над проверкой».

Руководитель “Газэкспорта” сын Рема Вяхирева Юрий не стал изучать результатов этой проверки, а написал заявление об уходе по собственному желанию.

«Мое заявление об уходе было связано с тем, что я был не согласен с переменами, которые происходили в Газпроме и в “Газэкспорте”, – говорит он. – Но главной причиной было то, что я хотел показать пример своему отцу. Я считал, что чем раньше он уйдет из Газпрома, тем будет лучше для него. Ведь его там держали только для того, чтобы им же прикрывать ошибки, возникавшие из-за неспособности нового менеджмента управлять компанией».

Когда спустя несколько лет Голдовского спросили, почему он, в отличие от Юрия Вяхирева, с самого начала не согласился на предложение «уйти по-хорошему», он ответил: «Я сказал тогда, что я независимый бизнесмен. Я эту компанию создал, создал не для Газпрома, а для себя, для своих детей, почему я должен уходить?»

Не воруй в Газпроме

Голдовский – не единственный, кто создавал при поддержке Газпрома компанию для себя и своих детей. Так же поступал сам Рем Вяхирев и его ближайшие соратники.

Самым страшным преступлением Вяхирев считал воровство в самом Газпроме. «Не воруй в Газпроме», – наставлял он молодых сотрудников. И давал еще один наказ: «Сначала воруй для Газпрома, а потом – для себя». При этом он не считал воровством вовлечение родственников в «окологазпромский» бизнес.

Схема была традиционной в начале 1990-х: учреждались дочерние компании Газпрома, а места среди учредителей постепенно занимали родственники и друзья Рема Вяхирева и его окружения. «Все вяхиревцы искренне верили, что честно заработали себе эти компании, – вспоминает один из бывших руководителей. – Только делали это как-то по-сермяжному. Оформляли акции на детей, жен, братьев и сестер».

Вяхирев не считал зазорным, что его родной брат Виктор возглавлял подразделение, объединяющее буровые компании Газпрома – “Бургаз”, сын Юрий – экспортную «дочку»

“Газэкспорт”, дочь Татьяна была крупным акционером главного подрядчика Газпрома – “Стройтрансгаз”, строительной компании с миллиардными оборотами, процветавшей на заказах Газпрома. Крупными совладельцами “Стройтрансгаз” были и двое сыновей Виктора Черномырдина.

“Стройтрансгаз” за 10 лет своего существования стал почти монополистом на российском рынке подрядно-строительных услуг для газовой промышленности. На его счету участие в таких крупных проектах, как “Голубой поток” и “Ямал – Европа”. Объем работ компании в 2000 году оценивался в 1,3–1,4 миллиарда долларов, из которых более 70 процентов приходилось на долю заказов от Газпрома. “Стройтрансгаз” также являлся крупным акционером Газпрома. В 1995 году он получил от концерна 4,83 % акций в счет оплаты подрядных работ на 2,5 миллиона долларов. Таким образом, отпрыски Вяхирева и Черномырдина являлись еще и совладельцами крупного пакета акций Газпрома.

«Акции Газпрома мне навязали, я хотел получить живые деньги», – уверял журналистов президент “Стройтрансгаз” Арнгольт Беккер и добавлял, что теперь-то он их ни за что не продаст, потому что берет под них кредиты. Беккера пришлось долго уговаривать. В итоге он согласился продать акции после «конструктивного разговора» с предпринимателем Алишером Усмановым.

«Человек, который решает проблемы», – такой имидж закрепился за Усмановым в Газпроме. Он проводил для Газпрома сделки, в которых монополия напрямую участвовать не желала или не могла в силу разных причин. Например, когда Усманов купил у Бориса Березовского и Бадри Патаркацишвили лучшую в стране газету “КоммерсантЪ”, аналитики предполагали, что газета (как и телеканал НТВ пятью годами ранее) куплена для Газпрома, то есть для Путина, но Газпром отмахивался от этих предположений, обоснованно утверждая, что компания здесь ни при чем, и покупка “Коммерсанта” – это личный проект предпринимателя Усманова.

Позже Усманов участвовал еще в скользкой сделке по покупке у Николая Богачева “Тамбейнефтегаз”, небольшой газовой компании, владеющей одним из крупнейших в мире – Южно-Тамбейским – месторождением с запасами 1,2 триллиона кубометров газа, которое Газпром не мог обойти своим вниманием.

Еще при Реме Вяхиреве Усманов возглавил газпромовскую «дочку» – “Газпроминвестхолдинг”, в задачу которой входила продажа металлургических активов Газпрома как непрофильных. Усманов справился с задачей блестяще – он продал заводы самому себе, покупателем выступила дружественная Усманову группа “Интерфин”.

Правда, Усманову пришлось за это отработать – выкупить акции у Беккера. Неизвестно, что Усманов Беккеру говорил, какие аргументы приводил или чем шантажировал, но за 4,83 % акций Газпрома, которые сегодня стоят около 13 миллиардов долларов, Беккер получил 190 миллионов. Некоторые сотрудники Газпрома считают, что Усманов оказался в этой сделке случайно: просто именно “Газпроминвестхолдинг” мог тогда обеспечить финансирование этой сделки. Но другие склонны думать, что именно благодаря предпринимательской хватке Усманова подконтрольный Путину менеджмент Газпрома сумел консолидировать достаточное количество акций, которое в сумме с госпакетом (38,4 %) дало государству контроль в Газпроме.

Еще одна компания, чей бизнес процветал при Реме Вяхиреве, была “Итера”. Сначала этой компании Газпром уступил право экспортировать туркменский газ в СНГ, а затем передал и ряд крупных добывающих активов. К 2000 году “Итера” продавала в России и странах СНГ 85 миллиардов кубометров газа, ее оборот составил свыше 3 миллиардов долларов. А в 2001 году она стала второй после Газпрома по величине газовой компанией, добывшей 23 миллиарда кубометров газа на месторождениях, доставшихся ей от Газпрома.

“Итеру” сподвижники Вяхирева рассматривали как запасной аэродром, куда могли бы приземлиться в случае своей отставки. По словам некоторых топ-менеджеров Газпрома и “Итеры”, у вяхиревцев с главой “Итеры” Игорем Макаровым даже была устная договоренность, что, покинув Газпром, они получают контрольный пакет “Итеры”. Сам

Макаров существование подобной договоренности всегда отрицал. Доподлинно неизвестно, знал ли об этой договоренности Миллер, но Миллер лишил “Итеру” операторства при поставках газа в СНГ и отобрал все добывающие активы, полученные от Газпрома – такие, например, как “Пургаз” и “Севернефтегазпром”, владеющий Южно-Русским месторождением, ставшим позже ресурсной базой для Nordstream (“Северного потока”).

Отбирать у “Итеры” активы было выгодно Газпрому еще и потому, что с приходом новой команды впервые за много лет у Газпрома начала падать добыча газа. И падение удавалось компенсировать за счет итеровских месторождений.

В начале 2003 года Газпром официально стал госкомпанией.

В феврале во время празднования десятилетия Газпрома Путин публично выразил Миллеру благодарность за обеспечение государственного контроля в Газпроме. Всего за несколько лет компания Газпром избавилась от посредников, на счетах которых, по справедливому замечанию президента, оседали значительные суммы. Всего за несколько лет остановлены были попытки газпромовских менеджеров вывести из-под контроля Газпрома значительные газпромовские активы. Всего за несколько лет в руках государства консолидирован был контрольный пакет акций, Газпром стал «прозрачной компанией», рынок его акций наконец-то был либерализован, и капитализация компании выросла вдесятеро. Оставалось только разобраться с соседями-транзитерами, то есть с Белоруссией и Украиной. И еще предстояло включить в свой газовый баланс среднеазиатский газ. Хотя бы для того, чтобы не заметно было, насколько работа, проведенная командой Миллера, снизила добычу газа на газпромовских месторождениях.

И только с “Межрегионгазом” у Миллера вышла осечка. Через “Межрегионгаз”, созданный Вяхиревым в 1997 году, шли все расчеты от продажи газа на внутреннем рынке. За несколько лет “Межрегионгаз” увеличил долю денежных расчетов за газ с 3 до 85 %. По мере того как решалась эта задача, газпромовской «дочке» удалось скупить и получить за долги контрольные пакеты в региональных газовых компаниях и газораспределительных организациях, занимающихся доставкой газа непосредственно потребителям. Но акции региональных газовых компаний недолго находилось в “Межрегионгазе” и были переданы специально созданному в 2000 году “Регионгазхолдингу”. “Межрегионгазу” (то есть Газпрому) в “Регионгазхолдинге” принадлежало всего 20 %, а остальные акции контролировали структуры, дружественные тогдашнему руководителю “Межрегионгаза” Валентину Никишину, его сыну Дмитрию, а также сыну Виктора Черномырдина Виталию.

В декабре 2001 года Миллер сместил Никишина, назначив на его место Николая Горновского, выпускника Ленинградского горного института, где защищал кандидатскую диссертацию и Владимир Путин. Правда, Горновский не сработался с Миллером и ушел через два года. Ушел он вместе с самым ценным активом “Межрегионгаза” – корпорацией “Азот”, в которую входят несколько крупных предприятий химической промышленности с общим оборотом свыше 300 миллионов долларов. За возвращение контроля над “Азотом” Газпром судится до сих пор.

Выпавшие из списка

И еще в результате работы команды Миллера в России стало двумя миллиардерами меньше. В 2001 году, как раз в тот момент, когда Вяхирева «уходили» с должности председателя правления, был опубликован очередной рейтинг миллиардеров журнала Forbes. Акции Газпрома были на подъеме. Forbes включил и Вяхирева, и Черномырдина в свой список. Состояние Вяхирева было оценено в 1,5 миллиарда долларов (336 место в мире), а Черномырдина – в 1,1 миллиарда (452 место). Но уже год спустя их фамилии из списка исчезли.

«Они, конечно, не бедные люди, но миллиардов не скопили, это сейчас уже очевидно», – говорят про Вяхирева и его команду бывшие подчиненные.

Из Газпрома Рем Вяхирев ушел в никуда. Он больше не живет в элитном доме, нарочно

построенном для высших руководителей Газпрома на улице Наметкина напротив главного офиса компании. Да и сам дом газпромowski фольклор называет теперь сиротским. Рассказывают, что некогда самый могущественный бизнесмен России безвылазно сидит на своей даче и развлекается рыбалкой. Говорят, что он никак не может поверить в новые реалии, в то, что от его бывшего могущества не осталось ничего.

Один из бывших топ-менеджеров Газпрома рассказывает, что однажды заехал к Вяхиреву, а тот встретил его вопросом про Общественную палату, бутафорскую общественную организацию, призванную завуалировать своим существованием отсутствие в стране реальных общественных организаций.

– А что такое Общественная палата? – спросил Вяхирев. – Как ты думаешь, важный орган?

– Да нет, так, фикция, – ответил бывший газпромowski топ-менеджер старику. – А почему вы спрашиваете, Рем Иваныч?

– Да мне тут предложили место. Вот и думаю, участвовать или нет. Но, правда, дороговато... – Вяхирев имел в виду, что за место в Общественной палате ему предлагалось заплатить взятку.

– Рем Иваныч, дорогой, не беспокойтесь, если надо будет, мы уж скинемся, соберем. Если это будет означать шаг к реабилитации, то, конечно, надо соглашаться!

Бывший топ-менеджер стал расспрашивать Вяхирева, от кого поступило предложение и к кому обращаться. Вяхирев что-то отвечал. «И тут, – говорит наш собеседник, – я понял, что это просто иллюзии. Никто всерьез Вяхиреву ничего не предлагал, и никогда уже не предложит. Он просто выдает желаемое за действительное. Его не реабилитируют».

Когда мы готовили эту книгу, Рем Вяхирев несколько раз соглашался встретиться с нами, но потом всякий раз отказывался. Мы предлагали ему опровергнуть любой из найденных нами фактов, поспорить с командой Миллера, поспорить с Немцовым про трастовый договор, поспорить с Путиным по поводу обвинения в попытке вывести газпромowski активы, рассказать свою версию событий, реабилитироваться если не в текущей политической и деловой жизни, то хотя бы в истории. Вяхирев колебался, но итогом его колебаний стал отказ. Без Газпрома в руках Вяхирев оказался растерянным, недоверчивым и, кажется, довольно несчастным пожилым человеком, который усматривает опасность даже просто в том, чтобы встретиться и поговорить с журналистами.

Глава 7

«Жыве Беларусь!»

Счастливая труба

В начале 1994 года депутат белорусского парламента Александр Лукашенко еще вносил в зал пленарных заседаний национальный красно-белый флаг «Погоня» (тот самый, который потом запретит), ратовал за народовластие, свободы и справедливость. В июле 1994-го Лукашенко был избран президентом и повел на свободы наступление. И так совпало, что в том же году российская компания Газпром приняла решение строить через территорию Белоруссии магистральный Газопровод “Ямал – Европа”. Это, вероятно, было чисто экономическое решение. Украина к тому времени задолжала Газпрому 900 миллионов долларов за газ. Компания просто хотела диверсифицировать свои газовые потоки и не зависеть от Украины, чтобы можно было хотя бы на время, не нарушая европейских контрактов, отключить неплатежеспособного соседа от газа за неуплату. Наверное, в Газпроме тогда никто и не подумал, что будет, если новоиспеченный белорусский президент получит вдруг магистральный газопровод как политический козырь. Никто и не думал, как долго придется России и Западной Европе закрывать глаза на белорусскую тиранию и молчать, исходя из экономической целесообразности. А молчать пришлось двенадцать лет.

Соседи молчали, когда в Белоруссии газетам запрещено было публиковать антикоррупционный доклад депутата Сергея Антончика, обвинявшего ближайших соратников президента в воровстве: газеты так и вышли тогда с белыми пятнами на страницах. Соседи молчали, когда запрещен был в Белоруссии национальный флаг и возвращена советская символика. Молчали, когда заменен был избранный парламент на марионеточный. А Виктор Черномырдин даже выступал посредником в переговорах между Лукашенко и парламентом, уговаривая депутатов разойтись и не сопротивляться натиску нового президента. И когда президент Лукашенко выгнал из Белоруссии международные благотворительные организации, соседи тоже молчали во многом потому, что строился газопровод, и Белоруссия должна была соединить богатые газом Ямальские месторождения с богатыми городами Европы.

Потом в Белоруссии стали арестовывать оппозиционеров. И все это – в режиме экономического благоприятствования: в Белоруссию Россия всегда поставляла газ в среднем вчетверо дешевле, чем в Западную Европу.

По разным оценкам, дешевый российский газ составлял приблизительно 20 процентов белорусского благосостояния. Кроме газа, Россия за бесценок поставляла Белоруссии нефть. А еще близкий к руководству Газпрома человек рассказывает (а пресс-секретарь Газпрома Сергей Куприянов отрицает), что на территории Белоруссии располагается одна из так называемых «дыр», то есть газовых хранилищ, из которых посредством манипуляций с давлением транспортировщики воруют в промышленных масштабах газ. Так или иначе, если белорусская экономика на четверть состояла из российского газа, то на четверть, стало быть, Газпромом оплачивались белорусские репрессии, пытки, исчезновение людей и фальсификация выборов.

12 февраля 1996 года строительство магистрального газопровода через Белоруссию началось фактически. 28 февраля 1996 года Газпром простил Белоруссии долги за газ в размере 700 миллионов долларов. В Белоруссии тем временем посадили в тюрьму главу Национального банка Тамару Винникову за то, что она препятствовала сделкам с алкоголем и табаком, которые заключали близкие к президенту бизнесмены из компании “Торгэкспо”. Потом посадили бывшего депутата Владимира Кудинова за то, что Кудинов подписал письмо, призывавшее парламентариев объявить президенту Лукашенко импичмент.

23 октября 1996 года неподалеку от белорусского города Слоним торжественно был сварен первый шов белорусского участка газопровода “Ямал – Европа”. На празднике присутствовали глава Газпрома Рем Вяхирев, министр топлива и энергетики РФ Петр Родионов и президент Белоруссии Александр Лукашенко. Накануне пресс-служба президента Лукашенко лишила все оппозиционные СМИ аккредитации на торжественное мероприятие. Площадку, на которой производилась торжественная сварка, окружили красными флажками, как делают охотники, загоняя волков. За флажками корреспонденты конкурирующих российских телеканалов – ОРТ (принадлежавшего тогда Березовскому), РТР (принадлежавшего государству) и НТВ (принадлежавшего тогда Гусинскому) записывали впервые в истории своей конкуренции совместный стендап: стояли втроем в кадре и говорили, что белорусский лидер ущемляет свободу слова. Инициатором такого тройного стендапа был корреспондент ОРТ Павел Шеремет. А внутри флажков Вяхирев молчал: вероятно, ему важнее был газопровод, чем свобода слова.

К 1997 году, еще и в связи с тем, что президент Ельцин был болен и не появлялся на публике, самоуверенность президента Лукашенко выросла до континентальных масштабов. Кажется, белорусский лидер всерьез решил, что если через его территорию проходит газовая труба, то он может претендовать не только на самовластие в Белоруссии, но и на самовластие в России.

20 февраля 1997 года президент Лукашенко прилюдно отчитал главу Газпрома Рема Вяхирева за то, что Вяхирев лично направил президенту Лукашенко письмо с просьбой погасить задолженность Белоруссии перед Газпромом (250 миллионов долларов). Лукашенко забыл, что власть его на четверть состоит из вяхиревской трубы, и кричал, что не

по рангу главе газовой компании писать личные письма президенту.

В марте, становясь вице-премьером российского правительства, Анатолий Чубайс случайно увидел готовившийся к подписанию договор об объединении России и Белоруссии. Этот договор не был в сфере ответственности Чубайса, но заставил Чубайса отложить другие дела и сделать все от него зависевшее, чтобы воспрепятствовать подписанию: по договору главой объединенных России и Белоруссии фактически должен был стать Лукашенко.

– Как сейчас помню, – говорит Чубайс, – я влез в документ и увидел, что высшим органом власти, согласно этому договору, должен был стать Госсовет. Госсовет принимал решения, обязательные для исполнения обоими государствами, и состоял из четырех человек: по двое от каждой страны – президент и председатель парламента. Значит, Россию представляли Ельцин и председатель парламента коммунист Селезнев, а Белоруссию – Лукашенко и Малофеев, как сейчас помню.

Мы разговариваем с Чубайсом в самолете. Теперь, когда Чубайс возглавляет РАО ЕЭС России, он летает на принадлежащем РАО старом и обшарпанном Ил-62, который был президентским самолетом Михаила Горбачева. Широкие мягкие кресла протерты почти до дыр. Пластиковые панели, которыми забраны стены, пузырятся от старости. Чубайс сидит в отдельном кабинетике, в котором стол и два кресла. Мы летим одним днем на Камчатку и обратно – двадцать часов туда и обратно. Кроме как в самолете, у Чубайса нет времени поговорить про те времена, когда Россией чуть было не стали управлять на троих спикер Госдумы коммунист Геннадий Селезнев, бывший секретарь белорусского обкома КПСС Анатолий Малофеев, которого Лукашенко назначил спикером в парламента, и, собственно, сам Лукашенко.

– Это было полное безумие, – продолжает Чубайс. – Совершенно понятно было, что все решения принимали бы Лукашенко, Селезнев и Малофеев. Это был конституционный переворот, смена власти, причем не в режиме политической драки, а просто потому, что мы проморгали. Проблема заключалась в том, что у Бориса Николаевича Ельцина было большое чувство вины за развал Союза, он всегда пытался как-то компенсировать это. Но я знал, что лучше сдохну, чем допущу этот договор до подписания. Потому что это предательство всех, кто голосовал за Ельцина. Это предательство всего, что было сделано с 1991 года. Потому что это слепая сдача власти красной мрази. Потому что Лукашенко был в одном шаге от того, чтобы захватить власть в нашей стране.

Весной 1997-го Чубайс, работавший министром финансов и не имевший прямого отношения к союзному договору, многократно пытался убедить Ельцина, что в предлагаемой союзным договором конфигурации власти Ельцин как политик, принимающий решения, исчезает. Ельцин не верил.

Черномырдин тоже скорее был склонен поддержать Союзный договор. Сейчас, вспоминая это, Виктор Степанович машет рукой, как будто речь идет о незначительной мелочи.

– Очень полезно было воссоединить экономики России и Белоруссии, – говорит Черномырдин. – Но экономика Белоруссии по сравнению с экономикой России была капля в море, поэтому Лукашенко ничего не мог бы сделать. Ничего не было страшного.

И поскольку официально человеком, отвечавшим за подготовку Союзного договора с Белоруссией, считался Черномырдин (хотя фактически – Сергей Шахрай), то все политики, выступавшие тогда против Союзного договора и прихода Лукашенко к власти в России, автоматически выступали и против Черномырдина.

Неизвестно, кто именно из российских политиков инспирировал тогда публикацию во французской газете Le Monde, но 29 марта газета вышла с сенсационной статьей о личном состоянии Черномырдина и связях премьера с теневой экономикой. По сведениям газеты, за четыре года премьерства личное состояние Черномырдина выросло с 28 миллионов до 5 миллиардов долларов. Большинство журналистов посчитали тогда, что информацию о состоянии Черномырдина сообщил французским журналистам Чубайс, но Чубайс отказывается: говорит, что, по его мнению, Черномырдин не имел серьезного отношения к

Союзному договору и атаковать его было нечего.

2 апреля 1997 года Черномырдин раскрыл свои доходы. Его зарплата, как оказалось, составляла 4 миллиона тогдашних рублей в месяц (меньше тысячи долларов). Ни дворца, ни дачи, ни акций Газпрома у него не было. Несмотря на это, Черномырдин с тех пор попал в список журнала Forbes, был причислен к самым богатым людям страны и продержался в списке Forbes до начала президентства Владимира Путина. Когда Черномырдин отправится в почетную ссылку послом на Украину, выяснится, что у Черномырдина действительно нет ни миллиардов, ни дворцов, ни даже акций Газпрома.

Кроме Чубайса, разными способами и по разным причинам Союзному договору противостояли тогда многие, и многих, казалось бы, непримиримых врагов, борьба с этим договором заочно объединила.

В числе прочих, надо полагать, против Союзного договора и против Лукашенко работал тогда и олигарх Березовский. Работавший на принадлежавшем Березовскому телеканале ОРТ журналист Павел Шеремет получил тогда задание незаконно перейти белорусскую границу. Вероятнее всего, весной 1997 года Шеремет переходил границу Белоруссии и Литвы не для того, чтобы показать в репортаже, насколько граница плохо охраняется, а для того чтобы быть арестованным белорусскими властями и стать причиной международного скандала, долженствовавшего дискредитировать Лукашенко в глазах Ельцина.

Неизвестно, догадывался ли Шеремет о том, что служил фактически подсадной уткой, но как только вышел в эфир его репортаж, журналист был арестован и провел в тюрьме три месяца. И скандал действительно разразился. Россия заявляла, что Белоруссия не имеет права держать в тюрьме российских граждан. Белоруссия заявляла, что имеет право держать в тюрьме всякого, кто незаконно пересекает границу. Президент Ельцин негодовал: по его указанию Россия не предоставляла воздушных коридоров для президента Лукашенко, и тот не мог летать с визитами даже в те немногочисленные восточные страны, которые еще принимали его.

Однако, как выяснилось, непредоставление воздушных коридоров не очень волновало белорусского президента. Борис Немцов, работавший тогда министром топлива и энергетики, рассказывает, что Лукашенко велел своим спецслужбам отпустить Павла Шеремета только тогда, когда своей властью Немцов приказал Газпрому прекратить подачу газа в Белоруссию. Тут Лукашенко сдался, Шеремет был отпущен на свободу и уехал в Россию, а Союзный договор не был подписан. Выходит, Лукашенко не боялся оказаться в международной изоляции. Все, чего он боялся – это потерять газовую трубу.

Международная изоляция Белоруссии становилась все более жесткой. Белорусские чиновники, запрашивавшие визы в цивилизованные страны, все чаще получали отказы. Но, похоже, не боялись никогда в жизни не увидеть Парижа или Нью-Йорка, а боялись попасть в немилость к Лукашенко. Последней каплей стал референдум 2004 года. Тогда ни одна европейская страна не признала референдум легитимным. Но Лукашенко не обращал внимания: газовая труба все еще проходила через его территорию, Газпром все еще поставлял ему газ по 40 долларов за тысячу кубометров и все еще прощал каждый год многомиллионные долги за газ.

Президент навечно

К шести часам вечера 20 октября 2004 года вокруг Октябрьской площади в Минске все дворы и переулки были забиты милицией, ОМОНОм, «краповыми беретами» и сотрудниками спецслужб в одинаковых кожаных куртках. Силовых подразделений было столько, что их хватило бы, чтоб разогнать демонстрацию хоть в миллион человек. На тротуарах дежурили гаишники и запрещали проезжающим машинам даже притормаживать на Октябрьской площади. Запаркованные на площади машины эвакуировали.

Все эти меры безопасности были приняты против активистов организации «Молодая

Беларусь”, которые пришли на площадь выразить несогласие с результатами референдума, на котором президент Белоруссии Александр Лукашенко заручился поддержкой народа и получил право баллотироваться на пост президента сколько угодно раз, то есть оставаться президентом пожизненно.

Референдуму предшествовала комическая пропаганда. Каждое воскресенье по всем белорусским телеканалам шли аналитические программы, похожие как близнецы. Сначала, например, сюжет про военные учения “Щит отечества”: президент Лукашенко минут пятнадцать подряд рассказывает в камеру, будто его много раз просили ввести в какую-нибудь горячую точку планеты миротворческий контингент, а он, сберегая народ, отказывается.

Потом, предположим, сюжет про гневную отповедь: президент Лукашенко дает гневную отповедь (заочно) Совету Европы и ОБСЕ, обвинившим его начальника СОБРа Дмитрия Павличенко и министров Виктора Шеймана, Юрия Сивакова и Владимира Наумова в похищении людей. Президент говорит, что не сдаст лучших и вернейших своих товарищей.

Потом, обратите внимание, сюжет про газификацию Полесья. Президент зажигает на площади маленького городка Турова газовый факел, похожий на оцинкованное ведро. А счастливые бабушки радуются, что вот теперь в их городок вернется жизнь, хотя у бабушек нет денег развести газ по домам, а городок находится в зоне чернобыльского поражения, и жизнь туда возвращается не иначе как по директиве президента. Но все радуются. Особенно радуется счастливая молодая семья, в дом которой газ уже проведен показательно к приезду президента. Они еще не знают, что плата за газ будет раза в два превышать их месячный доход.

Потом, разумеется, сюжет про учителей. Президент награждает лучшего в стране учителя хрустальным аистом и говорит, что нет профессий важнее врача и учителя. Он не говорит при этом, что каждый месяц в Белоруссии врачей сажают в тюрьмы. И он не говорит, что закрыт и функционирует подпольно, по частным квартирам, белорусский лицей имени Якуба Коласа, что закрыт и переехал в Литву Европейский гуманитарный институт, что розданы учителям новые методички, акцентирующие роль президента в истории. Президент не говорит, что 1 сентября занятия в первом классе начинаются четырехчасовым чтением его сочинений.

Потом сюжет про огурцы. Президент нежно щупает огурцы на консервном заводе.

И так каждую неделю, каждый день. Несмотря на массивную пропаганду, накануне референдума, по данным социологического опроса, проведенного Аналитическим центром Юрия Левады, всего 47 % избирателей готовы были голосовать за продление полномочий Александра Лукашенко. 37 % – против. Явка избирателей ожидалась около 76 %. Это значило, что от всего состава зарегистрированных в стране избирателей за третий срок президента Лукашенко голосовать готовы были 35 %. А чтобы выиграть референдум и внести изменения в конституцию, президенту необходимо набрать 50 % плюс один голос от числа всех зарегистрированных в стране избирателей. Лукашенко не мог выиграть референдум. Не мог законно продлить свои полномочия. Социологи иногда ошибаются, конечно, но не на пятнадцать же процентов!

И вся Белоруссия это понимала. А власть понимала лучше всех. И поэтому толпились в проулках и дворах у Октябрьской площади бойцы ОМОН – ждали восстания.

В самый день референдума 17 октября 2004 года, в воскресенье, на каждом избирательном участке наблюдатели фиксировали грубейшие нарушения закона и констатировали, что сам избирательный закон нарочно придуман, чтобы удобно было фальсифицировать результаты. Наблюдателей выгоняли с избирательных участков. Их выгоняли после того, как они за руку ловили членов избирательной комиссии, выдававших избирателям по несколько бюллетеней в одни руки. В Барановичах оказалось, что урны для досрочного голосования вскрыты. Это было серьезно, потому что на некоторых участках досрочно проголосовало до 50 % избирателей. В Речице, придя в воскресенье на участки, наблюдатели не узнали урны, использовавшиеся накануне для досрочного голосования, – это

были другие урны. На многих участках урны не были опечатаны. В Минске проголосовавших избирателей оказалось значительно больше 100 %.

Результаты референдума стали известны уже в день референдума около полудня. “Белорусский республиканский союз молодежи” (БРСМ) опубликовал результаты проведенных его активистами exit polls – 82 процента за предоставление Александру Лукашенко возможности баллотироваться на третий срок. По государственным телеканалам сам президент просил иностранную прессу не беспокоиться за демократию, а приехавшие из России наблюдатели по госканалам уверяли, что выборы проходят без нарушений.

На следующий день 18 октября 2004 года белорусская Центральная избирательная комиссия сообщила, что на прошедшем в воскресенье референдуме за предоставление Лукашенко возможности баллотироваться в президенты неограниченное число раз проголосовало 77,4 процента белорусов.

Глава миссии наблюдателей СНГ Владимир Рушайло кивал головой, что выборы были «честные, чистые, легитимные и транспарентные». Глава миссии ОБСЕ по наблюдению за выборами в Белоруссии Одри Гловер говорила, наоборот, что на тех участках, куда их пускали, наблюдатели видели, как при подсчете голосов из избирательных урн вываливались на стол бюллетени, сложенные аккуратными стопками.

– Бюллетени не лежат в урнах стопками, – говорила Гловер, – если люди голосуют сами. Бюллетени могут лежать стопками, только если их вбросили.

В воскресенье вечером, когда выборы закончились, мы разговаривали с наблюдателями ОБСЕ в баре гостиницы “Беларусь” в Минске. Они сидели за столиками и заполняли свои анкеты. Они не могли давать официальных комментариев, поэтому мы просто сидели и смотрели, как они работают. За соседним столиком куратор наблюдателей ОБСЕ помогала наблюдателю из Польши заполнить анкету на английском языке. Куратор говорила:

– В этой графе вы должны написать, какое у вас сложилось впечатление о членах избирательных комиссий. Личное впечатление, понимаете?

– Понимаю, – отвечал наблюдатель по-английски с заметным акцентом. – У меня сложилось впечатление, что все они абсолютно коррумпированные суки («absolutely corrupted bitches»).

И поэтому толпились в проулках и дворах у Октябрьской площади бойцы ОМОН – ждали восстания. И восстание готовилось. Скрывавший свое имя лидер молодежного оппозиционного радикального объединения “Зубр” звал нас 20 октября в шесть вечера на Октябрьскую площадь и говорил: – Некоторых наших ребят заблаговременно арестовали. В школах на вечер понедельника назначили дискотеки. В институтах и техникумах в понедельник перенесли занятия на вечер. Кого-то из молодежи им удастся отвлечь. Но не всех.

В городе шли аресты. В ночь с воскресенья 17 октября на понедельник был арестован и журналист российского “Первого канала” Павел Шеремет. Мы искали его больше суток. По отделениям милиции. По тюрьмам. Примерно через сутки Павел нашелся в больнице. Он рассказал, что его арестовали на улице, избили и отвезли в СИЗО на Окрестина. В СИЗО отобрали шнурки, пояс, телефон и поместили в камеру. Шеремет сидел в камере до вечернего обхода, и у него очень болела голова. На вечернем обходе Шеремет пожаловался дежурному на головную боль и попросил врача.

– Можем только «скорую» вызвать, – сказал тюремный врач.

– Да не надо... – пожал плечами Шеремет.

– Можем! – с расстановкой сказал врач. – «Скорую»! Вызвать!

И тут только до Шеремета дошло, что доктор пытается спасти его, вырвать из тюрьмы и перевезти в больницу, где под дверьми палаты будут дежурить всю ночь журналисты и правозащитники.

Через день нам предстояло еще вывозить Шеремета из Белоруссии в Россию на нескольких автомобилях, пересаживаясь из одной машины в другую и запутывая следы. Но сначала нужно было сходить на несанкционированный митинг, которого так боялись

белорусские власти, собравшие во дворах вокруг Октябрьской площади толпы ОМОНа.

В восстании участвовали юноши и девушки – человек сто, не больше. Самым старшим было лет по двадцать пять. Мы спрашивал у одного из студентов, знает ли он, что будет арестован сегодня за участие в этой акции. Он сказал, что знает. Он сказал:

– Меня декан из университета обещал отчислить, если я пойду на митинг, и он еще смеялся, что я не настоящий оппозиционер, потому что настоящему оппозиционеру надо сначала посидеть в тюрьме. Ну и пожалуйста, сейчас посижу и стану настоящим оппозиционером.

В пять минут седьмого к кучке манифестантов на площади подъехала милицейская машина с громкоговорителем на крыше, и из громкоговорителя на русском и белорусском языках стали говорить: «Уважаемые граждане, устраивать сборища и акции на Октябрьской площади запрещено законом, убедительно просим вас разойтись. Если вы не удовлетворите наши требования в течение пяти минут, к вам будет применена физическая сила».

В ответ старшина минской ячейки “Молодой Беларуси” Павел Северинец достал мегафон из полиэтиленового пакета и стал кричать в мегафон лозунги: «Лукашенко проиграл!», «Жыве Беларусь!»

Минут десять милиционеры в машине и молодежь на площади пытались перекричать друг друга. Юноши и девушки на площади развернули транспарант «Долой диктатуру!» и кричали все же громче, чем милицейская машина. Время ультиматума прошло.

В четверть седьмого молодые люди, развернув транспаранты и запрещенные Лукашенко бело-красно-белые белорусские национальные флаги «Погоня», пошли по проспекту Франциска Скорины вверх. Они шли по тротуару. Впереди бежали репортеры, позади бежали люди в одинаковых кожаных куртках и отдавали кому-то приказы защитить здание КГБ, к которому, похоже, направлялись манифестанты. Когда манифестанты переходили улицы, автомобили гудели в такт их лозунгам. Они кричали: «Лукашенко, бойся!»

Дойдя до здания КГБ, они стали кричать: «КГБ, верни людей». Видя, что никто с ними не разговаривает, но никто и не арестовывает, демонстранты повернули по проспекту Франциска Скорины назад. Мы спрашивали:

– Куда вы идете?

Они отвечали:

– Мы будем ходить, пока нас не арестуют.

И вот они почти вернулись на Октябрьскую площадь. Но не пошли к концертному залу, а свернули направо, на улицу Энгельса – в сторону резиденции президента Лукашенко.

– Всем группам приготовиться! – кричали одинаковые люди в штатском.

Молодые люди шли и скандировали: «Лукашенко проиграл!»

Омоновские автобусы свернули следом за ними на улицу Энгельса, подъехали вплотную к тротуару и сомкнулись. Автобусы ударились бамперами друг о друга и скрежетали. Они сомкнулись так плотно, что образовали сплошную стену, отделявшую демонстрантов от мостовой. Позади автобусов, пересекая тротуар, развернулась цепь омоновцев. Впереди – еще одна цепь. Демонстранты были окружены.

Повисла пауза. Несколько минут ОМОН никого не арестовывал, а демонстранты стояли молча.

– Жыве Беларусь! – крикнул в мегафон Павел Северинец.

– Жыве Беларусь! – подхватили юноши и девушки.

Этот крик был как будто сигналом для ОМОНа. Бойцы врезались в маленькую толпу, двери автобусов отворились, и омоновцы принялись бросать молодых людей в автобусы, как дрова. Особенно легко удавалось омоновцам забрасывать девушек. Каждую девушку четверо бойцов брали за руки и за ноги, раскачивали и с расстояния метра в четыре бросали головой вперед в открытую дверь автобуса. Девушки ударялись лицом об обитые железом автобусные ступени. Выбивали зубы, рассекали лбы, рвали губы в лоскутья.

Вечность заканчивается

Спустя два года, пользуясь полученным на фальшивом референдуме правом баллотироваться на третий срок, Лукашенко провел очередные президентские выборы в Белоруссии и выиграл их с таким результатом, какой бывает в случае фальсификации, а не в случае свободного голосования. Лукашенко, согласно официальным подсчетам центральной избирательной комиссии, получил 82,6 % голосов. Ближайший его соперник Александр Милинкевич получил 6 %. Явка составила 93,3 %.

Эти выборы мало чем отличались от референдума. Все та же пропаганда по телевизору, аресты оппозиционных активистов, угрозы, репрессии, запрет социологических опросов, кроме тех официально разрешенных, в которых каждый респондент должен был писать в анкете имя, фамилию и адрес. Однако подпольные социологические опросы все же проводились. Из них следовало, что Лукашенко не мог выиграть в первом туре. И тогда лидер оппозиции Александр Милинкевич призвал своих сторонников выйти на площадь, чтобы противники Лукашенко хотя бы увидели, что они действительно существуют.

Октябрьская площадь, разумеется, опять была окружена ОМОНОм, бойцы ОМОНа базировались во всех городских театрах и в здании цирка. Все представления в Минске были в тот вечер отменены. Толпа концентрировалась на площади возле большого телеэкрана. На экране показывали президента Лукашенко, и толпа возмущенно свистела. Рядом с экраном желтой ленточкой был огорожен загон для журналистов. В этом загоне власть обещала журналистам безопасность. Вне загона – не обещала. Журналисты в загон не шли.

– Сколько здесь человек, по-вашему? – спрашивали мы милицейских офицеров, кивая на толпу.

– По-нашему, здесь никого нет, – отвечали офицеры. – Площадь пуста.

На самом деле на площади собралось 20 тысяч народа.

Александр Милинкевич стоял на ступенях Дворца профсоюзов с женой и соратниками. Поднялся ветер. Милинкевичу принесли мегафон, но ветер выл и относил слова. Даже стоя в двух метрах, удавалось разобрать только отдельные фразы. Толпа, кажется, вообще ничего не слышала и кричала невпопад: «Милинкевич», «Свобода», «Жыве Беларусь».

Милинкевич говорил:

– Мы победили. Мы сегодня народ. Мы белорусы!

Еще он говорил, что состоявшиеся в Белоруссии выборы дважды нелегитимны. Во-первых, потому, что Александр Лукашенко не имел права становиться президентом на третий срок, и годичной давности референдум, предоставивший ему такое право, тоже нелегитимен. Во-вторых, потому, что результаты выборов подтасованы, оппозиционные активисты арестованы, государственные СМИ – это пропагандистская машина Лукашенко, а оппозиционные СМИ закрыты.

Он говорил, но его почти не было слышно. Началась страшная метель. Настоящий буран. Ветер срывал флаги, и трудно было даже просто устоять на ногах. Снега на площади было столько, что митингующие у ступеней Дворца профсоюзов не различали своего лидера во мгле. Метель мгновенно началась, через пять минут прекратилась. В толпе стали говорить, что это было секретное метеорологическое оружие Александра Лукашенко. За время метели толпа поредела почти вдвое. А особо упорные демонстранты, оставшиеся на площади и даже установившие на площади дежурство и палаточный городок, через двое суток были арестованы.

Лукашенко праздновал победу. Он сказал на своей пресс-конференции, что вирусом «цветных революций» заражаются только ослабленные страны, а у Белоруссии крепкий иммунитет. Иммунитет этот летел под давлением по газопроводу “Ямал – Европа” от одной компрессорной станции к другой. А год спустя, когда мы будем писать эту книгу, заместитель главы правления Газпрома Александр Медведев скажет нам, что много раз бывал в Белоруссии и не видел там диктатуры и нарушений прав человека. Жаль, Медведева не было с нами на площади, жаль, он не видел победную пресс-конференцию Лукашенко.

На вопрос о том, почему кандидатам от оппозиции не был предоставлен равный с президентом доступ к средствам массовой информации, президент ответил:

– Я вообще не понимаю такого термина, как «равный доступ». Вы видели нашу оппозицию, она ничего не стоит.

На вопрос о том, зачем надо было сажать оппозиционных активистов в тюрьмы, президент отвечал, что оппозиционные политики сами, дескать, просили посадить их в тюрьмы накануне выборов, чтобы не позориться перед западными своими спонсорами.

На вопрос о том, почему же, если 86 процентов белорусов за президента, десятки тысяч вышли на площадь протестовать, президент ответил, что на площадь вышло меньше народу, чем проголосовало за оппозицию. Кто голосовал за оппозицию, те и вышли. И эта демонстрация наглядно свидетельствует о демократичности Республики Беларусь.

На следующий день официальная пресса и власть усиленно стали готовиться к торжественной инаугурации президента. Но неожиданно инаугурация была перенесена. Неожиданно президент Лукашенко вообще пропал, исчез. Это было особенно заметно потому, что обычно Лукашенко мелькает по телевизору каждый день в разных новостных сюжетах, а тут его не было видно целую неделю.

Говорят, что вечером после триумфальной пресс-конференции президенту Лукашенко позвонил то ли президент Путин, то ли даже кто-нибудь из российского руководства рангом пониже и потребовал, чтобы за политическую поддержку, которую никто, кроме России, белорусским властям не оказывал, Лукашенко отдал Газпрому свою газотранспортную компанию “Белтрансгаз”.

Фактически, компания Газпром, которую никакие моральные соображения много лет не могли отвратить от помощи диктаторскому режиму, теперь вырвала из рук Лукашенко один из главных его политических козырей просто по соображениям корысти. Это было логично: если власть в Белоруссии опирается не на свободный выбор народа, а на российские нефть и газ, то логично, чтобы и принадлежала власть не самозванному президенту, а российскому газу и нефти. Говорят, осознав, что целиком от российских энергоносителей зависит и рано или поздно будет российскими энергоносителями свергнут, Лукашенко запил. На целую неделю запил горькую. Впрочем, разумеется, это только слухи. Еще говорят, что Лукашенко не запил даже, а поговорив с Путиным, получил инфаркт и неделю пролежал с инфарктом. Это тоже слухи.

Факты состоят в том, что “Белтрансгаз” был отдан Газпрому только частично. Бог уж ведает, какие иезуитские аргументы приводил Лукашенко на переговорах, но половину своей газотранспортной компании ему удалось сохранить.

В ответ на это всего через одиннадцать дней после президентских выборов в Белоруссии глава Газпрома Алексей Миллер объявил, что с 2007 года цена на газ для Белоруссии будет повышена. 46 долларов за тысячу кубометров не будет больше никогда, цена будет стремиться к общеевропейской, а вот сильно ли она будет стремиться, зависит от того, насколько выгодной для Газпрома окажется покупка “Белтрансгаза”. В Газпроме тогда намекали, что цена газа для Белоруссии будет повышена примерно вдвое.

Лукашенко не верил. Как игрок не может поверить, что ему изменило карточное счастье. Как ни один в мире тиран не может поверить в собственную смертность или хотя бы собственную неспособность сохранить власть вечно. Может быть, Лукашенко надеялся на личные переговоры с российским президентом Путиным. Но декабрьские переговоры в Москве завершились неудачей, Лукашенко так и уехал из Москвы, не получив скидок и поблажек, и Газпром всерьез готовился отключить Белоруссии газ с 1 января 2007 года, если Белоруссия к тому времени не подпишет новый контракт с новыми ценами.

Пресс-секретарь Газпрома Сергей Куприянов рассказывает, что в Газпроме в новогоднюю ночь даже какие-то дополнительные люди были вызваны на работу на тот случай, если придется перекрывать газ и перенаправлять газовые потоки.

Переговоры шли буквально до самого Нового года. Время от времени Куприянов выходил к журналистам и объявлял, что договоренность все еще не достигнута. Куприянов

давал свои комментарии по поводу российско-белорусского газового кризиса на фоне Газпромовского здания в Москве на улице Наметкина. Одет он был в пиджак и галстук, а на ноги, чтобы не выскакивать на мороз в легких офисных туфлях, Куприянов надевал валенки, которые с тех пор хранит на память. Валенки не попадали в кадр.

Куприянов рассказывает, что в конце концов белорусские переговорщики стали приводить аргументы типа: «Ну, ты представь, ну, у тебя есть дети? А ты детям газ по сто долларов?» Главным обездоленным ребенком предстал в сознании белорусских переговорщиков, вероятнее всего, сам белорусский президент Александр Григорьевич Лукашенко.

За пару минут до полуночи контракт был подписан. Теперь Белоруссия должна была платить за газ хоть и не европейскую цену, но 100 долларов за тысячу кубометров – почти втрое больше, чем прежде. Хотя на самом деле Лукашенко все еще рассчитывал платить не 100 долларов, а 55. Разницу белорусское руководство надеялось погасить за счет стабилизационного кредита в размере 1,5 миллиарда долларов (сумма, равная золотовалютным запасам Белоруссии), который обещала предоставить Россия. Но кредита Россия не предоставила, и белорусская экономика, стабильностью которой так любил хвастать Лукашенко в предвыборных своих выступлениях, начала сползать к кризису.

Чтобы избежать кризиса, Белоруссия прекратила платить за газ. И тогда к августу 2007 года Газпром снизил давление в газопроводах так, чтобы в Белоруссию поступало столько газа, за сколько она платит. Начался очередной муторный газовый российско-белорусский конфликт, закончившийся тем, что Лукашенко за газ платить согласился, но в одностороннем порядке повысил пошлины на российскую нефть, транспортируемую по Белорусской территории.

Надо отдать ему должное: он борется, он цепляется за каждый баррель нефти и каждый кубометр газа. И возможности Газпрома не безграничны. Перекрывать газ без ущерба для западных контрактов компания может на несколько недель, может быть, на месяц.

И все же неизвестно, скоро ли, но платить Александру Лукашенко придется. Сначала за газ. Потом за нефть. Потом за арестованных, убитых и пропавших без вести. Потом – за разбитые в кровь губы девушек, которых с размаха швыряли в автобусы ОМОНовцы на Октябрьской площади 20 октября 2004 года.

Глава 8 Оружие Газпром

Газовая революция

Всю ночь с 26 на 27 декабря 2004 года на главной площади Киева – Майдане Незалежности – пели песни. Пели не со сцены, а всей площадью – стоило кому-то затянуть, и вот уже сто тысяч человек подхватывали. Люди размахивали флагами: и каких только флагов не было – Азербайджана, Киево-Могилянской академии, Канады, Белоруссии, “Киевского дома игрушек”, Польши, ЕС и еще нескольких сотен стран и организаций. Были оранжевые флаги с надписью «Так! Ющенко!». Российского флага не было.

Стояли с иконами, с фотоаппаратами, с пакетами из “Макдональдса”, с портретами Тараса Шевченко. Это уже не было похоже на революцию – это больше напоминало карнавал. В тот день на Украине прошел третий тур президентских выборов.

В 11 вечера на большом экране на Майдане Незалежности высветились первые предварительные результаты. Согласно тем первым подсчетам, Виктор Ющенко, кандидат от оппозиции, набирал 60 процентов голосов, а преемник президента Леонида Кучмы, поддержанный Россией Виктор Янукович – 35 процентов. Все машины, которые ехали или стояли в центре Киева, разом загудели. Сотни тысяч человек на Крещатике закричали. Каждый кричал свое: «Ющенко!», «Перемога!», «Мама родная!», «Схід і захід разом!»

(«Восток и запад вместе»), – а кто-то и нецензурно. Но тоже от счастья.

К тому времени уже ровно месяц шла на Майдане революция. 21 ноября был второй тур президентских выборов. Уже в ночь на 22-е президент России Владимир Путин, основываясь на данных неких exit polls, позвонил кандидату Виктору Януковичу и поздравил его с победой. Через пару дней Центризбирком Украины подтвердил победу кандидата Януковича и Владимир Путин поздравил его во второй раз.

Но уже 22-го на Майдан вышли сотни тысяч сторонников кандидата Виктора Ющенко, уверенных в том, что результаты выборов сфальсифицированы. И месяц стояли на площади. На месяц Киев окрасился в оранжевое – это был цвет оппозиционного кандидата Ющенко.

В первое время митингующие боялись, ибо нет ничего ужаснее, чем стоять на одном месте и ждать. Одни жутко хотели убежать – потому что ждали ОМОНа, водометов или провокаторов. Другие рвались идти брать штурмом администрацию президента, Верховную раду, Центризбирком. Но, сжав зубы, они месяц стояли на декабрьском морозе.

По утрам киевляне заходили в метро, втискивались в переполненные вагоны, как делали это десятки лет до этого. И как только состав трогался, начинали полусшепотом скандировать «Ющенко! Ющенко!». Поезд ехал, и в каждом его вагоне негромко, но хором твердили одно и то же. В итоге все доезжали до работы, отпрашивались – и снова на метро ехали на Майдан. Стоять. Ждать. И бояться.

А потом на сторону Майдана перешло государственное телевидение. А затем Верховный суд аннулировал итоги второго тура 21 ноября и назначил третий на 26 декабря.

О том, что происходило в Киеве, в Москве знали далеко не все. В репортажах центральных телеканалов говорили, будто народ Украины проголосовал за Виктора Януковича, но шайка хулиганов-националистов захватила главную площадь Киева и мешает государственной власти нормально работать. Пропаганда не жалела для «оранжевых» самых страшных эпитетов – их называли фашистами, американскими наймитами, шпионами, бандеровцами, предателями, русофобами и наркоманами.

Иначе и быть не могло, потому что на кандидата Януковича в Москве поставили очень серьезные деньги. И речь даже не о тех российских политтехнологах, которые были командированы в Киев за пару месяцев до выборов. Серьезную ставку на Виктора Януковича сделал Газпром.

За три месяца до выборов глава Газпрома Алексей Миллер и глава “Нафтогаза Украины” Юрий Бойко подписали в Москве пакет документов, полностью пересматривавших условия поставок газа на Украину. Внешне договоренность выглядела так, будто бы это полная капитуляция Украины. Все годы после распада Советского Союза поставками газа на Украину занимались в основном независимые посредники. Но по договоренности лета 2004 года выходило, что Киев готов отказаться от их услуг и полностью довериться Газпрому, вручив право поставлять газ на Украину зависимой от Газпрома структуре, получившей название RosUkrEnergo. Политически это выглядело как серьезная уступка президента Леонида Кучмы и премьер-министра Януковича Газпрому – в обмен на которую Россия должна была всеми силами поддержать Януковича на выборах.

Сотрудники Газпрома, как бывшие, так и нынешние, говорят об отношениях с Украиной не слишком охотно. А те, кто соглашается побеседовать, ставят обязательное условие – не называть их имен. Слишком щекотливая тема. Но и в этом случае рассказывают далеко не все.

Один из руководителей Газпрома того времени рассказывает, что менеджеры газовой корпорации осознавали, что сделка лета 2004 года была довольно рискованной.

– В то время у всех в Москве был настрой, что Янукович непременно выиграет, – вспоминает бывший топ-менеджер Газпрома. – Он регулярно прилетал в Москву, гулял, приезжал в Ново-Огарево на день рождения президента Путина, а Путин в ответ ездил поддерживать его в Киев. Мы же изучая ситуацию на Украине, постоянно писали руководству бумаги про то, что Янукович никогда не выиграет. Во-первых, он ставленник Кучмы, а Кучма страшно непопулярен. А во-вторых, сам Янукович реально непростой

товарищ. Сидел в тюрьме, конкретный такой парень. Пока он молчал, было еще ничего – но когда начинал говорить, все – конец. Украинского он толком тогда еще не знал. Мы все понимали, что шансов у него нет, и говорили об этом.

О невысоких шансах нового партнера Газпрома Виктора Януковича стать украинским президентом неоднократно докладывали и Алексею Миллеру. Но Миллер не рискнул говорить об этом с президентом страны. Путину хотелось как можно скорее заключить соглашение с Украиной, и никто не смел возразить ему, сказав, что Янукович – не идеальный партнер. А те советники, которых президент Путин спрашивал, в один голос говорили ему то, что он хотел слышать, – все складывается отлично, Янукович гарантированно победит, газовые соглашения в надежных руках.

Это самовнушение продолжалось едва ли не до 26 декабря. Чиновники из администрации президента до последнего момента рапортовали, что ситуация под контролем, топ-менеджеры Газпрома уверяли, будто газовым договоренностям ничего не угрожает, и даже государственные телеканалы изо дня в день повторяли, что у «оранжевой революции» нет никаких шансов: Майдан Незалежности не показывали, зато постоянно давали картинку из Донецка, с митингов в поддержку Виктора Януковича. Акции в поддержку преемника Леонида Кучмы называли многотысячными, а если нужно было показать «оранжевых», то демонстрировали каких-то пьяных молодых людей едва ли не с нацистской символикой.

– Нет сомнений в том, что нашего президента крупно подставили, – уверен бывший топ-менеджер Газпрома.

Когда революция победила, Кремль и Газпром были в полной растерянности. Прямо в Новый год Туркмения, основной поставщик газа на Украину, – газ идет транзитом по территории России, через трубы Газпрома, – вдруг неожиданно, в нарушение всех прежних контрактов, прекратила подачу газа, мотивируя это ремонтом газопровода. А Газпром заявил, что не будет из собственных запасов компенсировать Украине дефицит. Украинские «оранжевые» моментально заявили, что этот шаг – политическая месть Газпрома за победу Виктора Ющенко на президентских выборах.

Но то были просто эмоции. За несколько дней проблема была решена, Украина согласилась на повышение цены газа, и поставки возобновились. Просто в тот момент ни Газпром, ни Кремль еще не могли просчитать, чем обернется смена украинской власти. А этот вопрос был принципиальным, потому что все 15 лет независимости Украина была самым мутным и неясным полем деятельности Газпрома. Поставки газа на Украину всегда были окружены завесой тайн, чередой скандалов и массой подозрений в чудовищной коррупции. Для Украины «оранжевая революция» была лишь чередой странных выборов, прошедших не в два, а в три тура и закончившихся с неожиданным результатом. Для Газпрома же она могла обернуться настоящей революцией, поскольку грозила разрушить давнюю и очень сложную систему запутанных газовых отношений.

Загадочные посредники

В середине 1990 годов Газпром едва ли не оказался на краю гибели из-за неплатежей. «Мы стояли на двух льдинах, – описывает то время один из близких соратников Рема Вяхирева. – Российские потребители были должны Газпрому 15 миллиардов долларов, а страны бывшего СССР – 7 миллиардов. Ни у тех, ни у других не было денег, чтобы расплачиваться. Я помню, мы как-то приезжали в Вильнюс, а там почти 300 км дороги – и ни одного фонаря. В темноте нам попало всего полтора десятка машин. Мы спрашиваем, в чем дело, а они говорят: „Денег нет за газ платить, поэтому фонари и не горят“.

Газпрому приходилось задерживать зарплаты собственным рабочим – уже начались забастовки строителей на Севере. «Если бы осталась прежняя схема, мы бы не выжили, надо было что-то придумывать», – признается один из бывших руководителей Газпрома. Добиться денег от российских потребителей Газпром не мог – единственным выходом было

каким-то образом добиться оплаты из стран СНГ.

Один из ближайших соратников Вяхирева рассказывает, что новая схема родилась в кабинете главы газовой монополии, когда к нему на прием пробился бывший чемпион мира по велоспорту Игорь Макаров.

Его компания “Омрания” была одной из многих, занимавшихся тогда поставками продовольствия в Туркмению. Макаров сам родился в Ашхабаде; его “Омрания” поставляла туда сахар и, когда туркменским чиновникам оказалось нечем платить, они предложили Макарову газ. Однако сбыть этот газ, не договорившись с Газпромом, было нереально, поэтому молодой предприниматель пришел к Вяхиреву.

В Газпроме к тому моменту знали, что Туркмения и Украина давно уже ведут между собой бартерный обмен, меняя газ на продукты питания. Поэтому Вяхирев предложил Макарову встроиться в существующую схему, продать туркменский газ Украине, а уж деньги выбить с украинцев самостоятельно. В итоге появилась схема «газ в обмен на продовольствие» – Газпром начал получать в оплату своего газа товары с Украины.

Газовый трейдер Дмитрий Фирташ рассказывает, что менять среднеазиатский газ на продукты питания еще в 1994 году придумал Игорь Бакай, чья фирма под названием “Республика” поставляла продовольствие в Туркмению. Президенты Украины Леонид Кравчук и Туркмении Сапармурат Ниязов подписали соглашение, по которому “Республика” должна была выплатить Ашхабаду украинские газовые долги за 1993 год продуктами.

– Игорь Бакай первый придумал эту схему, – говорит Фирташ. – По сути, он стал первым крупным газовым трейдером. До этого никто по-настоящему не понимал этот бизнес. Газпрому украинский рынок был тогда совсем не интересен. Украина ведь не хотела и не могла платить за газ деньги. А вариант «газ в обмен на продовольствие» всем был выгоден и всех устраивал.

По словам Фирташа, у Бакая была квота на поставку газа на Украину, которую ему выдал тогдашний президент Украины Леонид Кравчук. Но уже через несколько месяцев после начала работы схемы Бакай, Кравчук проиграл президентские выборы своему бывшему премьер-министру Леониду Кучме. И у “Республики” начались проблемы. Была создана правительственная комиссия, которая пришла к выводу, что Бакай так и не выполнил свою основную цель – выплатить государственный долг Украины за 1993 год.

Именно к президенту Кучме и решил подобрать ключи Газпром. Виктора Черномырдина с Леонидом Кучмой связывала давняя дружба, ничуть не хуже Кучма был знаком и с Ремом Вяхиревым. Еще в ходе своей предвыборной президентской кампании Кучма считался пророссийским кандидатом: перед выборами его рекламные ролики показывали даже на российских телеканалах. А возглавив Украину, он нашел полное взаимопонимание с Газпромом. Так что место “Республики” заняла компания Игоря Макарова.

Вяхирев быстро ощутил всю привлекательность украинского рынка – самого большого в СНГ. И решил, что компания Макарова должна вытеснить из украино-туркменской торговли всех существовавших на тот момент посредников и стать монопольным поставщиком газа на Украину. Сначала Газпром работал через “Омранию”, а затем “Омранию” перерегистрировали в США и переименовали в “Итеру”, чтобы представить общественности в виде уважаемой международной корпорации – партнера Газпрома.

Захватить украинский рынок “Итере”, конечно, самостоятельно не удалось бы, если бы не покровительство Газпрома. Тем более что к тому времени на Украине была уже довольно развитая система торговли газом. Для Киева было важно и то, что Газпром стал закрывать глаза на растущий госдолг Украины.

– Украина не платила, безусловно, с одобрения Газпрома. У них была какая-то своя схема работы, не без участия “Итеры”, – говорит один из бывших руководителей Газпрома.

Позиции “Итеры” становились все прочнее из-за того, что ей удалось наладить близкие деловые отношения не только с Ремом Вяхиревым, но и с украинским премьер-министром Павлом Лазаренко, и его соратницей, вице-премьером по ТЭК Юлией Тимошенко.

Все украинские газовые деньги шли через “Итеру” до тех пор, пока во главе Газпрома оставался Рем Вяхирев. В 2001 году его эпоха завершилась, и уже в 2002-м право доставлять туркменский газ на Украину получила другая компания, еще более загадочная.

Фирма Eural Trans Gas была зарегистрирована в венгерской деревне тремя румынскими безработными и израильским адвокатом, но Газпром легко согласился с тем, чтобы она получала на Украине миллиардные прибыли. Поначалу и в Газпроме, и в украинской государственной газовой компании НАК “Нафтогаз Украины” говорили, что подобное сомнительное происхождение Eural Trans Gas – дело временное, и впоследствии она будет выкуплена Газпромом и “Нафтогазом Украины”, которые приобретут по 50 % акций. Но эта покупка так и не состоялась. “Нафтогаз Украины” заявлял, будто от сделки отказался Газпром, а Газпром, в свою очередь, пенял на “Нафтогаз Украины”.

Eural Trans Gas довольно быстро заработала себе крайне негативную репутацию – СМИ стали обвинять ее в связях с бизнесменом Семеном Могилевичем. К тому моменту гражданин четырех стран – России, Украины, Израиля, Венгрии – Могилевич уже много лет разыскивался в США по обвинению в мошенничестве, рэкрете и отмывании денег. По версии ФБР, он входит в десятку самых разыскиваемых преступников в мире. Правда, никаких доказательств связи Eural Trans Gas с Могилевичем украинские газеты не нашли, а директор компании Андраш Кнопп даже выиграл иск о защите чести и достоинства, обязав несколько украинских изданий напечатать опровержения опубликованных ими статей о связи Могилевича с венгерским газовым трейдером.

Впрочем, министр топлива и энергетики Украины Юрий Бойко сейчас утверждает, что никакого отношения к Могилевичу ни Eural Trans Gas, ни RosUkrEnergo никогда не имели, а все эти слухи нарочно распространялись обиженной и вытесненной с рынка “Итерой”.

Тем не менее, непрозрачность венгерского трейдера вынудила Газпром отказаться от его услуг, и вместо Eural Trans Gas появилось RosUkrEnergo. Как рассказывает сейчас бывший глава НАК “Нафтогаз Украины” Алексей Ивченко, назначенный руководителем газовой системы Украины после «оранжевой революции», решение создать эту структуру было принято в Крыму, во время переговоров президентов Леонида Кучмы и Владимира Путина, с участием тогдашнего главы “Нафтогаза” Юрия Бойко.

А все необходимые документы были подписаны Алексеем Миллером и Юрием Бойко за три месяца до «оранжевой революции». RosUkrEnergo была зарегистрирована в Швейцарии, 50 % акций контролировались Газпромом, а другие 50 % находились в управлении у Raiffeisen Investment.

Сначала Газпром уступил RosUkrEnergo право поставлять весь туркменский газ на Украину, а в 2006 году RosUkrEnergo получил контракты на поставку на Украину всего среднеазиатского газа, идущего через территорию России, и еще до 17 миллиардов кубометров газа для Европы. Ни один из прежних посредников о праве экспортировать газ в Европу не мог даже мечтать. Оборот компании исчислялся миллиардами долларов.

Мало кто обратил внимание на то, что RosUkrEnergo унаследовала не только контракты Eural Trans Gas, но и ее менеджмент. Бывший руководитель московского офиса венгерского трейдера Олег Пальчиков стал содиректором нового трейдера, швейцарского.

Однако вскоре после «оранжевой революции» вокруг RosUkrEnergo начались скандалы. Правительство Украины возглавила Юлия Тимошенко, также начинавшая свою карьеру именно с торговли газом. И летом 2005 года ее «правая рука», тогдашний руководитель Службы безопасности Украины Александр Турчинов заявил, что RosUkrEnergo может контролировать Семен Могилевич. «Фамилия Могилевич не упоминается в документах компаний-учредителей RosUkrEnergo, но существует много косвенных указаний на то, что ряд людей, подконтрольных Могилевичу, могут участвовать в деятельности компании», – рассказывал Турчинов в интервью Financial Times.

Представители Газпрома и “Нафтогаза Украины” опровергали какую-либо связь RosUkrEnergo с Могилевичем или его людьми.

После этого журналисты и правоохранительные органы двух стран, России и Украины,

активно занялись поисками настоящего владельца второй половины RosUkrEnergo. Однако найти настоящего хозяина тех 50 %, которые находились в управлении Raiffeisen Investment, никому не удавалось почти год.

В феврале 2006 года Владимир Путин заявил журналистам, что не осведомлен, кто бенефициары RosUkrEnergo – более того, это его даже не интересует. Главное, по мнению Путина, что 50 % этой фирмы принадлежат Газпрому.

– Кого они завели на эти 50 процентов под вывеской “Райффайзенбанка”, я не знаю так же, как и вы, – говорил президент. – И Газпрому это неизвестно. Это украинская часть. У них и спрашивайте.

Путин признал, что RosUkrEnergo непрозрачна, и неожиданно добавил:

– Со своей непрозрачной пятидесятипроцентной украинской частью RosUkrEnergo отдыхает по сравнению с тем, какое жульничество творилось все эти пятнадцать лет у нас в газовой сфере.

Однако если Путин и Газпром уверяли, что 50 % RosUkrEnergo принадлежат кому-то с украинской стороны, то в Киеве заявляли, что о принадлежности этой части компании ничего не знают и истинные хозяева известны только Газпрому.

– Из Киева тяжело комментировать действия российской монополии, это суверенная политика России! – горячился в разговоре с нами президент Украины Виктор Ющенко. – Я никогда не знал, кто стоит за “Итерой” и кто ее создавал, обращайтесь к российской власти. Я не хочу этого знать. То же самое и с Eural Trans Gas. И с RosUkrEnergo, которая возникла в 2004 году, за несколько месяцев до президентских выборов на Украине. Мы знаем, что у приставки «укр» нет никакого содержания. Ни одной акции нет украинской. Я попросил премьер-министра обратиться к Газпрому, к “Райффайзенбанку” и выяснить историю деятельности этой структуры. Узнать, кто за ней стоит, как распределяются акции. Если бы речь шла о структуре, которая зарегистрирована в Украине или зарегистрирована с участием украинской стороны, я бы, наверное, знал. Вы меня спрашиваете, почему эта структура занимается поставкой российского газа. Газ – российский? Значит, задавайте этот вопрос по адресу – в Газпроме.

– А разве украинская сторона не имеет право знать, с кем она ведет переговоры, у кого покупает газ? – спрашивали мы.

– Мы ведем переговоры с Газпромом. Или с агентами, которых он уполномочил. И если он уполномочил RosUkrEnergo на поставку газа и на транзит, то мы с ними работаем. Я прошу, вы скажите мне, куда мне еще обратиться, чтобы мне сказали, кому принадлежит RosUkrEnergo? – кричал Виктор Ющенко в марте 2006 года. – Предоставьте мне факты! Я не могу комментировать легенды какие-то!

Сейчас тогдашний глава “Нафтогаза Украины” Алексей Ивченко утверждает, что в тот момент Raiffeisen Bank так и не сообщил правительству Украины, кто является собственником половины RosUkrEnergo. А когда Украина предложила выкупить 50 процентов компании, ей была предложена неприемлемая цена – 2 миллиарда долларов. Уже через месяц наступила ясность. В апреле 2006 года деятельностью и собственниками RosUkrEnergo заинтересовалось министерство юстиции США и ФБР. Владелец «австрийских» 50 процентов неожиданно объявился. Им оказался газовый трейдер Дмитрий Фирташ, бывший партнер корпорации “Республика” Игоря Бакая. Кроме того, он признался, что был владельцем и Eural Trans Gas.

Офис Дмитрия Фирташа находится в Лондоне. В 2006 году, уже являясь миллиардером, он впервые согласился встретиться с журналистами – и сравнил свое первое интервью с потерей девственности.

На вопрос, как ему удалось стать посредником между Украиной, Туркменией и Газпромом, Дмитрий Фирташ отвечал уклончиво:

– Просто я оказался в нужное время в нужном месте.

Дмитрий Фирташ уверял, что виделся с Семеном Могилевичем только несколько раз, но партнером его никогда не был. Фирташ намекал на то, что на самом деле Могилевич был

партнером “Итеры”. Ходят слухи, что именно Могилевич придумал схему «газ в обмен на продовольствие», авторство которой приписывают то Бакаю, то Макарову – впрочем, никто этих слухов не подтверждает.

Довольно скоро выяснилось, что в принадлежащей Фирташу кипрской фирме Highrock Holdings, которая занималась программой «газ в обмен на продовольствие», работала жена Семена Могилевича. А финансовым директором израильской Highrock Properties (тоже оформленной на Фирташа) был Игорь Фишерман, которого ФБР объявило в розыск вместе с Семеном Могилевичем. Однако сам Фирташ рассказывал, что стал одним из собственников этих фирм намного позже, когда они уже не имели отношения к Могилевичу. Он якобы сам «случайно выяснил, что в списках учредителей этих компаний числятся жены Могилевича и Фишермана – просто не перепроверил по наивности». Но узнав об этом факте, он «тут же поехал на Кипр и все переписал».

Создатели RosUkrEnergo уверяют, что так долго скрывать Дмитрия Фирташа вынудили обстоятельства.

– Долгая пиар-кампания против Eural Trans Gas, обвинения в связи с Могилевичем так убедили всех в невозможности оправдаться, что было принято решение просто ни о чем не говорить. Сказалась психологическая усталость, – говорит Константин Бородин, пресс-секретарь Юрия Бойко, бывшего главы “Нафтогаза Украины” и экс-министра топлива и энергетики.

Алексей Ивченко, уже не работающий в “Нафтогазе Украины”, но возглавляющий сейчас Конгресс украинских националистов, предполагает, что Дмитрий Фирташ не является реальным владельцем половины RosUkrEnergo, однако добавляет, что ему неизвестно, кто за ним стоит.

– Я думаю, что за ним стоят высокопоставленные фигуры с российской стороны. А если это не так – значит, высокопоставленные фигуры и с российской, и с украинской стороны.

Один из бывших топ-менеджеров Газпрома, с которым нам удалось поговорить, считает, что Фирташ не может быть самостоятельной фигурой и в RosUkrEnergo он держит акции, которые по негласной договоренности принадлежат другим людям.

– Кто за ним стоит? – спрашиваем мы.

– За ним стоит, видимо, Кучма. Сам Фирташ, конечно, известный человек. Но, очевидно, схема RosUkrEnergo, также как и Eural Trans Gas, наверняка была согласована с Кучмой. Скорее всего, с этой идеей пришел Фирташ к Кучме. А как уже они поделили акции, я не знаю. А потом Фирташ, видимо, наладил отношения и с нынешним премьером (в момент интервью премьер-министром Украины являлся Виктор Янукович).

– А от бывших покровителей Фирташ отказался?

– Это вы кого имеете в виду?

– Могилевича.

– Про это я ничего не знаю: был он там или нет, – быстро сворачивает разговор наш собеседник, почти переходя на шепот.

Война

Виктора Ющенко в Газпроме называют «художником». Это не то чтобы положительная характеристика – считается, что он импульсивен, непоследователен и не слишком прагматичен, а поэтому с ним невозможно иметь дело.

– Да он к жизни вообще никакого отношения не имеет. Все время где-то в облаках, – так говорят о президенте Украины в Кремле.

В кабинете у Ющенко действительно творческий беспорядок. Огромная комната сплошь заставлена разнообразными подарками, статуэтками, сувенирами, глобусами, бюстами; стены завешаны коврами, портретами, картами. Те картины, что не поместились на стенах, просто стоят на полу.

Так же как и Путин, Ющенко признается, что в 90-е годы в газовых отношениях между Россией и Украиной был полный хаос. Придя к власти, он заявил, что странам пора отказаться от бартерных сделок и схемы «газ в обмен на продовольствие», потому что она криминализует отношения, а вместо этого – перейти на рыночные цены.

– Те люди, которые занимались газом, в том числе ведущие политики Украины, начиная с 1995 года, на этих вопросах имели серьезные откаты и формировали свои богатства. Кто поработал один год в украинском “Нафтогазе”, так же как и в российском Газпроме, через триста шестьдесят пять дней становился миллиардером. Это традиция такая. А ведомственные долги через год-два переносили на государственные долги. Это технология такая. Мы предложили отказаться от этого, перейти на денежные расчеты и рассчитывать цену на газ по европейской формуле.

Предложение Ющенко перейти с бартерных отношений на рыночные в Москве восприняли как подарок. Эту идею Виктор Ющенко высказал лично Владимиру Путину, когда тот приехал с первым после «оранжевой революции» официальным визитом в Киев, в апреле 2005 года. Российские чиновники, сопровождавшие Путина, вспоминают, что многие соратники Ющенко едва не упали в обморок, услышав предложение своего президента. А в Газпроме этого, наоборот, только и ждали. Все отношения с Украиной после «оранжевой революции» были заморожены – даже уже готовому проекту газопровода “Богородчаны – Ужгород” не давали хода, потому что было принято решение «давить Киев по цене».

В Газпроме все чаще стали заявлять, что до 2005 года Россия постоянно дотировала украинскую экономику, поставляя туда дешевый газ, а теперь эту невыгодную России политику пора прекращать.

Виктор Ющенко, правда, уверяет, что Газпром украинскую экономику вовсе не дотировал:

– Начиная со середины 90-х годов Украину никто не субсидировал при помощи низкой цены на газ, как это говорят российские политики. В современном мире никто никого не субсидирует и не продает товар за полцены. Украина получала газ по 50 долларов – такова была рыночная цена того времени. Я подчеркиваю – рыночная. Когда в середине 90-х годов Украина начала получать газ по 50 долларов, цена газа в Германии была 75 долларов. То есть те же 50 долларов плюс транспортировка до Германии. А что касается тарифа за транзит, который Украина предоставляла Газпрому, то он был в несколько раз меньше европейского. Согласно некоторым экспертным оценкам, потери Украины составили порядка 10 миллиардов долларов от такой политики.

Свою линию в газовых отношениях между Газпромом и Украиной начала и Юлия Тимошенко, бывший газовый трейдер, ставшая после «оранжевой революции» премьер-министром Украины. По ее признанию, возглавив правительство, она стала прилагать все усилия, чтобы избавиться от RosUkrEnergo в качестве посредника.

– RosUkrEnergo создавалось под патронатом Кучмы и Януковича, при непосредственном участии главы НАК “Нафтогаз Украины” Бойко и его первого заместителя Воронина. Вот эти двое последних и были уполномочены там представлять частные интересы, – рассказывала нам Юлия Тимошенко. – Когда я пришла на пост премьер-министра, Воронина уволили. RosUkrEnergo начали достаточно глубоко и системно проверять, мы хирургически убрали эту структуру. Я не вижу, зачем нам, государствам, связанным одной трубой, доводить все это дело до абсурда. Для трубы нам посредник не нужен. Газ движется беспрепятственно, его подталкивать руками по трубе не надо.

В прежние времена Юлии Тимошенко удавалось наладить отношения с Газпромом. Она могла приехать в Москву на переговоры к Рему Вяхиреву в мини-юбке и ботфортах – и у ее московских собеседников сразу пропадали все аргументы. Газпром заявлял, что Украина ворует у него газ, а Юлия Тимошенко серьезным тоном соглашалась. Более того – называла даже точную стоимость украденного газа. По ее подсчетам оказывалось, что Украина украла намного больше, чем заявлял Газпром. И Вяхирев моментально отступал, соглашаясь на все ее предложения.

Сейчас в Газпроме считают, что усилия Тимошенко в качестве премьер-министра были направлены на то, чтобы вернуть в качестве посредника “Итеру”. Тимошенко якобы тесно сработалась с этой компанией еще при Кучме, будучи вице-премьером по ТЭК. Летом 2005 года в офис Газпрома на улице Наметкина зачастили менеджеры “Итеры”, предлагавшие свои услуги по ведению переговоров с Украиной. Они говорили, что у них есть выходы на Юлию Тимошенко, они могут с ней обо всем договориться. Но газпромовские менеджеры разводили руками:

– Да нет, спасибо, у нас генеральная линия – все только через RosUkrEnergo.

Тогдашний подчиненный Тимошенко, глава “Нафтогаза Украины” Алексей Ивченко, вспоминает даже, что в кабинете министров было подготовлено межправительственное украино-туркменское соглашение, в котором предусматривалось, что стороны отказываются от посредничества RosUkrEnergo, а за доставку среднеазиатского газа на Украину вновь будет отвечать “Итера”.

Борьбу против RosUkrEnergo Тимошенко довести до конца не удалось. Сначала президент Ющенко отстранил ее от ведения газовых переговоров, а в сентябре 2005 года – отправил в отставку.

– Тимошенко все время наезжала на RosUkrEnergo и пыталась «отжать» ее под себя, – говорит наш высокопоставленный газпромовский собеседник. – Или, может быть, получить долю. Но у нее не получилось. Ее сняли – а то бы она, конечно, давила.

После отставки Тимошенко давить стал Газпром. Руководство “Нафтогаза Украины” обвинили в том, что оно украло уже поставленный на Украину газ, находившийся в подземных хранилищах. Потом Газпром, в рамках перехода на рыночные цены, потребовал, чтобы с 2006 года Украина платила 90—110 долларов за тысячу кубометров газа. В ходе переговоров газпромовские менеджеры объясняли, что цена будет расти постепенно, в соответствии с мировым ростом цен и за два-три года достигнет 230 долларов. Однако договориться долго не получалось.

В октябре в Москву прилетели глава НАК “Нафтогаз Украины” Алексей Ивченко и министр топлива и энергетики Иван Плачков. Их принял лично Владимир Путин и с легкостью на бумажке набросал им формулу цены газа.

– Это, в общем, не сложные вещи, но все равно поразительно было, как Путин погружен в газовую тему и как легко ею играет, как политическим оружием. Причем он делал вовсе не то, что ему советовал Миллер, – рассказывают украинские переговорщики.

Впрочем, никакой договоренности тогда не было достигнуто.

– Мы все понимали, что вопрос на самом деле не в газе, это чистая политика, очень жесткая, продуманная российская политика, – вспоминает Юлия Тимошенко. – Те люди, которые вели переговоры с Россией, думают, что это переговоры о газе, хотя на самом деле это очень сложный политический пасьянс.

Очень многие на Украине говорили в тот момент, что Ивченко и Плачков – крайне неудачные переговорщики. Глава “Нафтогаза Украины” одновременно возглавлял Конгресс украинских националистов. В Киеве с ужасом рассказывали даже, что он якобы отказывается общаться с представителями Газпрома по-русски, требуя переводчика. В Газпроме, впрочем, таких проблем не припоминают. По словам российских переговорщиков, с Ивченко было трудно иметь дело, потому что он мало понимал в газовой теме, однако говорить по-русски никогда не отказывался.

По мере приближения Нового года Газпром продолжал повышать цену. Он требовал 130 долларов за кубометр, потом 160. Во время очередных переговоров в Кремле Путин произнес пафосную речь о том, что не допустит, чтобы российский народ страдал из-за газовых неплатежей украинских «оранжевых революционеров». И поставил условие: или “Нафтогаз Украины” соглашается на предлагаемую цену сегодня, или завтра речь пойдет уже о другой цене.

На следующий день он позвонил в Газпром и спросил у Алексея Миллера, какой может быть максимальная цена. Алексей Миллер срочно опросил заместителей. Один из них, не

думая, ответил, что можно и 230 долларов – если взять уровень Германии. Эту цифру Алексей Миллер и передал президенту. Спустя несколько минут Путин назвал ее по телевизору.

И в Газпроме, и в “Нафтогазе” схватились за головы.

– Эта цена была сумасшедшая, конечно, – говорит один из бывших сотрудников Газпрома. – Если бы нам 160 долларов стали платить, мы и то бы до потолка подпрыгивали. Если бы президент сказал это по телефону Ющенко – еще можно было что-нибудь поменять. А он сказал это по телевизору. И все рухнуло.

Близился Новый год, никакого решения так и не было найдено. По российским государственным телеканалам стали показывать странные сюжеты о том, как в Газпроме репетируют отключение газа Украине. На месторождения передали распоряжение – выйти в Новый год усиленными бригадами и быть готовыми резко снижать добычу. Европейским партнерам Газпрома были отправлены письма-предупреждения, в которых говорилось о возможных перебоях в газоснабжении – в том случае, если Украина начнет несанкционированный отбор газа, предназначенного европейским потребителям.

Так и вышло. В 10.00 утра 1 января поставки газа на Украину были снижены на 120 миллионов кубометров в сутки. К середине дня 2 января в Австрии поставки упали на треть, в Венгрии – на 40 %, в Польше – на 14 %, в Словакии – на 40 %.

3 января в Москву приехали глава “Нафтогаза” Алексей Ивченко и министр энергетики Украины Иван Плачков. Переговоры продолжались до полуночи в московской гостинице “Украина”, причем об их участниках ходят самые невероятные слухи. Якобы переговоры вели все заинтересованные стороны, включая истинных основателей RosUkrEnergo. Газета “Коммерсантъ” сообщала, что участником ночных переговоров мог быть и бизнесмен Семен Могилевич.

Сейчас Алексей Ивченко рассказывает, что менеджеры Газпрома заявляли им, что настаивают на цене 230 долларов. И есть только один способ получать газ дешевле.

– У нас есть такое предприятие – RosUkrEnergo! Газпром в нем учредитель на 50 процентов. Нас эта схема поставки полностью устраивает, – так сейчас Ивченко пересказывает слова Алексея Миллера.

Плачков и Ивченко долго не соглашались подписывать соглашение, а Фирташ их уговаривал. Потом они выходили, чтобы позвонить президенту Ющенко.

– Президент вел себя как-то странно, – вспоминает один из топ-менеджеров Газпрома, – он взял и уехал на Новый год в Карпаты. Мы спрашивали Фирташа: «Как же он мог улететь в такой ситуации?» – «А ему все равно – он спокойно к этому относится».

Наконец, в 2.30 в офисе Газпрома Алексей Миллер и Алексей Ивченко подписали соглашение, а завизировали его содиректора RosUkrEnergo Константин Чуйченко и Олег Пальчиков. Согласно новой договоренности, RosUkrEnergo должна была покупать газ у Газпрома по цене 230 долларов за тысячу кубометров, а продавать его Украине по 95 долларов. Чтобы компенсировать затраты, швейцарский трейдер получал право экспортировать российский и среднеазиатский газ в Европу по рыночной цене.

Газпромом эти соглашения были восприняты как триумф. Менеджеры газовой корпорации получили за победу над Украиной целую россыпь государственных наград. Тележурналисты, не стесняясь в выражениях, говорили про то, что Газпром нагнул Украину.

Газовый конфликт с Украиной был первым ярким показателем того, что именно Газпром стал основным политическим орудием Кремля. Еще в ноябре 2005 года, наблюдая за ходом переговоров, “Коммерсантъ” констатировал, что отныне органом в российской власти, которое отвечает за внешнюю политику, является больше не министерство иностранных дел, а Газпром. Спустя пару месяцев эту идею подхватили и в самом МИДе – уже весной 2006 года на посольских приемах в Москве дипломаты, завидев человека из Газпрома, шепотом говорили:

– Ну конечно, теперь ведь у нас Газпром вместо МИДа, по всем ключевым направлениям внешняя политика проводится через него: и в Европе, и на Украине, и в

Белоруссии, и в Средней Азии...

– Конечно, Путин использует Газпром как политический рычаг, – говорит один из бывших сотрудников корпорации. – Как дубину. И делает он с ним то, что ему самому хочется, а вовсе не то, что ему советуют люди из Газпрома, в том числе и Миллер.

Зато на Украине подписанные газовые соглашения стали предметом всеобщей критики: против них ополчились и бывшие премьер-министры Виктор Янукович и Юлия Тимошенко. На первом же посленоевгоднем заседании Верховной рады договоренность критиковали все, включая сторонников президента. Особенное возмущение у депутатов вызывало участие в сделке мистической RosUkrEnergo.

– Никто не называет хозяина этой фирмы-прокладки. Почему-то все боятся назвать фамилию Путин, – восклицал депутат Юрий Оробец.

А спустя три месяца на парламентских выборах «оранжевые» проиграли и Виктор Янукович вновь сформировал правительство. Министерство топлива и энергетики вновь возглавил один из творцов RosUkrEnergo Юрий Бойко.

Основной причиной поражения «оранжевых» была, конечно, их разобщенность: сторонники Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко шли на выборы разными колоннами, яростно критиковали друг друга и так и не смогли договориться о создании правительственной коалиции. Однако в Москве возвращение во власть Януковича вызвало настоящую эйфорию – его расценили как победу Газпрома и результат грамотной политики.

Газовая война против Украины была принята как образец умело проведенной внешнеполитической кампании. И по этому же шаблону было решено действовать и в дальнейшем.

В очередной раз Газпром решил припугнуть Украину уже осенью 2007-го. В республике прошли внеочередные парламентские выборы, на которых заметного успеха добился Блок Юлии Тимошенко. В киевском отеле Nayatt всю ночь пили шампанское и ели свежую клубнику. Бывшая премьер-министр улыбалась в камеры и обещала в скором времени сформировать новое правительство. Когда мы у нее спросили о первых шагах ее будущего кабинета, она, не колеблясь, сказала, что постарается избавиться от RosUkrEnergo в качестве посредника в российско-украинских газовых отношениях. Эти слова потонули в криках «браво», в воздушных поцелуях и звоне бокалов.

Наутро Газпром объявил о наличии у Украины огромной неурегулированной задолженности по газу. Никто уже не сомневался в том, что, делая это заявление, газовый гигант выступает в качестве официального рупора позиции российских властей. Неясно только, какую цель преследовал этот рупор: повлиять на политическую ситуацию на Украине или оградить от посягательств загадочную компанию RosUkrEnergo, зарегистрированную в швейцарском кантоне Цуг.

Глава 9

Газпром на пороге ада

Газовая смерть

21 декабря 2006 года в офисе Газпрома на улице Наметкина была паника. И в Кремле тоже было беспокойно. Чиновники и менеджеры внимательно смотрели новости. Но в новостях повторяли одно и то же: в 1.10 по ашхабадскому времени умер пожизненный президент Туркмении Сапармурат Ниязов.

Никаких подробностей в новостях не было и быть не могло. Вот уже 15 лет Туркмения остается самой закрытой страной постсоветского пространства. Оттуда не бывало новостей – из Туркмении шел только газ, и всем этого было достаточно. Почти никто из работающих в России журналистов никогда не был в Туркмении. Об этой стране ходили странные слухи, сводившиеся, в общем, к тому, что там – ад.

Менеджеры Газпрома, в отличие от остальных россиян, в Туркмении бывали регулярно. Правда, они давно перестали запоминать труднопроизносимые имена своих непосредственных партнеров по переговорам. Партнеры то и дело менялись, переезжая из министерских кабинетов в тюремные камеры, и все равно понятно было, что решения в Туркмении принимает только один человек – президент Ниязов.

Газпромовские менеджеры всякий раз возвращались из Туркмении с дорогими подарками и смешными историями. Они рассказывали, что на главной площади туркменской столицы Ашхабада стоит золотая статуя Ниязова и она поворачивается вслед за солнцем. Они, смеясь, вспоминали новые названия месяцев, придуманные Ниязовым: январь в свою честь он назвал «Туркменбаши», а апрель – в честь своей матери «Курбансолтан-эдже». Менеджеры с улыбкой цитировали туркменскую прессу, изо дня в день писавшую, что «можно отказаться от марксизма-ленинизма, однако те, кто не поддерживают идеологию Туркменбаши, не имеют права называться людьми и вообще являются нелюдью».

Газпромовцы старались не вспоминать о нечаянных встречах с простыми гражданами Туркмении, которые шепотом умоляли помочь им выбраться из этой страны, говорили, что их сажают и расстреливают целыми семьями. И если работников Газпрома спрашивали, правда ли, что в Туркмении – ад, они сразу говорили: «Да нет, конечно». Потом задумывались. А потом начинали говорить о том, что там газ.

Что будет с Туркменией, кто заменит Ниязова, как реагировать на его смерть, не знали и в Кремле. В первый момент выяснить обстановку поручили спичрайтеру президента Джахан Поллыевой. Но не потому, что она могла быть в курсе, а просто потому, что она – туркменка.

Посольство Туркмении в Москве в тот день прекратило выдачу виз. Авиакомпания “Туркменские авиалинии” перестала продавать билеты на самолеты в Ашхабад. Страна, занимающая второе место на постсоветском пространстве и пятое место в мире по запасам газа, оказалась на несколько дней наглухо заперта.

Туркменские газеты в тот день специально задержали свой выход, чтобы опубликовать сообщение о смерти пожизненного президента. Они также написали, что спикер парламента Овезгельды Атаев, который по конституции должен был заменить президента на его посту, отправлен в отставку (про то, что Атаев уже арестован, газеты не сообщали). А по телевидению сказали, что председателем комиссии по организации похорон Ниязова назначен министр здравоохранения и вице-премьер Гурбангулы Бердымухаммедов. Еще в Советском Союзе существовала давняя традиция – похоронами почившего генерального секретаря всегда руководил следующий генеральный секретарь.

Смерть Ниязова стала переломным моментом в истории не только его страны, но и в истории Газпрома и всего мирового газового рынка. Ниязов всегда был важнейшим партнером Газпрома – вне зависимости от того, враждовал он с ним или сотрудничал. И за годы своего правления Туркменбаши выстроил идеальную газовую империю. Его власть поддерживал газ. И именно этот газ, покупаемый у Туркмении Газпромом, накачал некогда скромного советского партийного функционера огромной властью, превратив его в безумного диктатора.

К моменту распада Советского Союза в Туркмении добывалась примерно треть всего советского газа, так что потеря туркменских месторождений была для Газпрома ощутимым ударом. Однако осознавая, что удержать Туркмению не удастся, Виктор Черномырдин придумал, как минимизировать потери. Единственным источником живых денег для Газпрома был экспорт на Запад. Поэтому Черномырдин придумал экспортировать только свой газ, ничего не платя Туркмении. Закупку туркменского газа Россия резко снизила.

Руководивший советской газовой отраслью еще с 1985 года Черномырдин знал, с кем имел дело. Ниязов, как и остальные новоявленные хозяева постсоветских республик, был когда-то первым секретарем республиканской компартии. Но на фоне прочих советских партийных деятелей, будь то президенты Казахстана Нурсултан Назарбаев и Узбекистана Ислам Каримов, или те же руководители Газпрома, Ниязов выглядел легковесно.

Те в советские годы прошли все необходимые ступени: руководили обкомами (или заводами), работали в ЦК партии в Москве и дослужились до кресел первых секретарей республиканских компартий (или руководителей советских министерств), будучи уже матерыми аппаратчиками. Ниязов же занял пост первого секретаря едва ли не случайно – его как молодого и перспективного инструктора ЦК выделил Михаил Горбачев, и Ниязов перемахнул сразу через несколько номенклатурных ступеней.

В начале 90-х Сапармурат Ниязов был, наверное, самым слабым из руководителей пятнадцати советских республик. Рассказывают, что в конце перестройки на редколлегии газеты “Известия” нередко делали внушения собкорам, убеждая их не бояться партийных боссов:

– Не стесняйтесь, товарищи, критикуйте!

Единственным, кому делали внушения иного рода, был собкор в Ашхабаде. Его убеждали, что грубить первому секретарю неприлично и не стоит обходиться с молодым главой ТССР Ниязовым слишком строго.

Очутившись в кресле президента независимой Туркмении, Ниязов долго не мог поверить в то, что ему не надо советоваться с начальниками из Москвы. В то время, пока в России и в соседних республиках происходили революции и принимались декларации о суверенитете, Ниязов старался не высовываться. Он даже не стал вступать в СНГ – но не из принципиальных соображений, а испугавшись, что коммунисты вернуться и накажут. Только в 1992-м Ниязов рискнул провести президентские выборы. Одновременно он попросил Газпром поделиться валютной выручкой от продаваемого на Запад туркменского газа. В Газпроме его подняли на смех.

– Валютной выручкой? Какой такой выручкой? А мы туркменский газ на Запад не продаем, – отвечали в Газпроме.

Ниязов к этому разговору долго готовился, но все равно смутился. Он стал дрожащим голосом повторять, что в общем балансе советского газа туркменский составляет примерно 30 %, поэтому Ашхабаду причитается 30 % от валюты, которую Газпром получает за экспорт газа в Европу.

– Да не продаем мы ваш газ в Европу. В Европу мы продаем российский газ. А туркменский идет на Украину, в Грузию, Армению. Вот с ними и разбирайся. Пусть они тебе и платят.

– А как вы различаете газ-то? Он же в трубе смешивается... – совсем уже смутился Ниязов.

– Мы – различаем, – отрезал Рем Вяхирев.

Ниязову было нечего ответить, ведь единственным путем экспорта туркменского газа был советский трубопровод “Средняя Азия – Центр”. Свою обиду на Газпром Ниязов выместил на Украине, пригрозив прекратить поставки, если Киев не будет вовремя рассчитываться за полученный газ. И тут случилось то, чего никто не ожидал, в том числе и сам Ниязов. В Советском Союзе все привыкли к тому, что Украина является одной из богатейших республик, а Туркмения – одной из отстающих. В газетах на полном серьезе писали, что Украина задавит Туркмению своей мощью, оставит ее без продовольствия. А Украина вдруг сдалась.

История отравления

Ниязов вдруг осознал, какая сила находится в его руках. Он сам поехал в Киев, где его принимали как благодетеля. У Украины денег не было, поэтому президент Украины Леонид Кравчук пообещал, что Киев будет платить Туркмении украинскими товарами.

Их взаиморасчеты Газпром поначалу не волновали. Газпрому Украина тоже в тот момент платила товарами, которые поставлялись в Ямало-Ненецкий автономный округ. Единственное, что было важно для Газпрома – это чтобы Туркмения не конкурировала с ним на Западе. В тот момент Газпром не стремился к экспансии – он старался заработать денег и

изолировать конкурентов. Но политической изоляцией Ниязов вовсе не тяготился, а экономической изоляции в первое время он не чувствовал – потому что на хозяина несметных газовых богатств быстро обратили внимание за границей.

Турция, а затем и страны Западной Европы стали посылать в Ашхабад своих эмиссаров с дорогими дарами. В расчете получить доступ к туркменским недрам Ниязову давали самые щедрые кредиты.

Внимание из-за рубежа успокоило Ниязова, убедив его, что опасаться нечего, и власть его – всерьез и надолго. Газ вскружил ему голову. На кредитные деньги он стал строить себе роскошные дворцы. Присвоил себе почетное звание Туркменбаши (отец всех туркмен). Напечатал национальную валюту с собственным портретом. Начал потихоньку устанавливать себе памятники: сначала простые, потом золотые. Зарубежным лидерам запросто дарил ахалтекинских скакунов. Британский премьер Джон Мейджор от подобного подарка стоимостью в три миллиона долларов был в шоке.

Однако если западные партнеры старались скрыть свое недоумение, вызванное экстравагантными выходками Туркменбаши, то бывших коллег по КПСС произошедшая в нем перемена откровенно раздражала. Назарбаев и Каримов относились к более молодому Ниязову как к выскочке и никогда не упускали возможности над ним поиздеваться. В самом начале 90-х годов, на одном из региональных саммитов Каримов вдруг через весь стол обратился к Назарбаеву:

– Нурсултан Абишевич, знаете, чем наши с вами деньги хуже туркменских? На них нет портрета Сапармурата Ниязова!

Все прыснули со смеху, а Туркменбаши только густо покраснел. Он всегда очень обижался на любые шутки, но никогда не находил, что ответить. Он возвращался домой и вымещал злость на подчиненных. Еще в начале 90-х у него появилась привычка устраивать регулярные чистки среди своих приближенных, а неблагонадежных – сажать в тюрьму. Это помогало ему сносить обиды Газпрома и коллег.

Стараясь избежать издевательств, Ниязов вскоре перестал ездить на региональные саммиты и вообще объявил свою страну нейтральной – чтобы как можно реже видеться с обижавшими его соседями.

Соседей, между тем, раздражал в поведении Ниязова не аресты, а только чванство. Ислам Каримов – из чуть менее богатого газом Узбекистана – был намного скромнее. Он не печатал своего портрета на деньгах и не ставил себе золотых памятников. Но не отказывал себе в скромном удовольствии распределить по тюрьмам оппозиционеров и нелояльных чиновников. И вместо того, чтобы объявлять себя пожизненным президентом, просто исправно проводил референдумы о продлении полномочий. Его, видимо, сдерживал недостаток газа.

К 1994 году Сапармурату Ниязову денег стало не хватать, и он впервые бросил вызов Газпрому: поддавшись на уговоры западных гостей, он решил строить газопроводы в обход России. У Туркменбаши было три пути экспортировать свой газ в обход труб Газпрома. Первый вариант предусматривал строительство газопровода через Иран в Турцию и Европу. Второй – по дну Каспия в Азербайджан и Турцию. Третий – через Афганистан в Пакистан.

Наиболее простым казался первый: 23 августа 1994 года Туркменбаши приехал в Тегеран подписать с иранским президентом Али Акбаром Хашеми-Рафсанджани соглашение о прокладке трубы через Иран и Турцию в Западную Европу. Строительство должно было занять 6–8 лет и стоить 7 миллиардов долларов. Этот вариант Газпром никак не устраивал, поскольку компания сама собиралась поставлять газ в Турцию – на начальной стадии находилось планирование газопровода “Голубой поток”. Туркменский газ мог стать ненужным конкурентом российскому.

Своими опасения Виктор Черномырдин поделился с американскими партнерами, в первую очередь с вице-президентом Альбертом Гором. Черномырдин и Гор сошлись на том, что поставки газа из Туркмении только усилят Тегеран, поэтому проект этого трубопровода надо затормозить.

Вместо иранского варианта американцы советовали Туркменбаши другой путь экспорта газа: проложить трубу по дну Каспия в Азербайджан, а оттуда – в Турцию и Европу. Но Азербайджана Ниязов очень боялся – потому что президент Гейдар Алиев вызывал у него священный трепет. Бывший член политбюро ЦК КПСС на фоне скромного инструктора ЦК выглядел гигантом. Не особенно считаясь с Ниязовым, Алиев приказал начать разработку нефтяного месторождения Капяз в Каспийском море, которое туркмены считали своим (оно находится ближе к туркменскому берегу, чем к азербайджанскому) и даже назвали в честь Туркменбаши «Сердар» (вождь). Поэтому Туркменбаши категорически не хотел иметь дел с Азербайджаном.

Только в 1998 американцам удалось уговорить Туркменбаши подписать соглашение о создании консорциума, который должен был начать строительство газопровода по дну Каспия. Однако в последний момент Гейдар Алиев потребовал, чтобы из 30 миллиардов кубометров, прокачиваемых через газопровод, 14 миллиардов кубометров были азербайджанскими и 16 миллиардов – туркменскими. Ниязов скрежетал зубами и говорил, что уступит только 3 миллиарда кубов. На что Алиев соглашался, говоря, что братские народы всегда договорятся, но потом возвращался к своим требованиям.

Оставался третий вариант – афганский. В марте 1995 года в Исламабаде Сапармурат Ниязов и пакистанский премьер Беназир Бхутто подписали меморандум о строительстве газопровода из Туркменистана в Пакистан. Американская компания Unocal была готова профинансировать этот проект. Туркменбаши пригласил участвовать в этом проекте и Газпром. Газпром согласился, – своего газа компании вполне хватало для выполнения европейских контрактов, и Вяхирев, вероятно, полагал, что выгоднее участвовать в афганском газопроводе, чем пытаться сохранить монополию на транспортировку туркменского газа, который все равно, по большому счету, некому продать.

Южнее Туркмении шла активная подготовка к началу строительства. Реализация проекта трубы Туркмения – Афганистан – Пакистан зависела от уровня безопасности в Афганистане. И как раз в этот момент в стране появилось движение Талибан. Спонсируемые Пакистаном формирования начали методично брать под свой контроль как раз те территории, по которым должен был пройти туркменский газопровод. В течение нескольких лет талибы смогли взять власть почти во всей стране. Больше всего это событие радовало компанию Unocal, которая открыто заявляла, что приход талибов к власти является позитивным событием. Приход к власти талибов горячо приветствовал и Сапармурат Ниязов, он даже принимал их лидеров у себя в Ашхабаде. Талибам полагалось выполнять сложную миссию: охранять газопровод, по которому туркменский газ должен был пойти на экспорт в обход трубы Газпрома. Фактически талибы оказались самыми эффективными борцами с контролем Газпрома над энергоресурсами Центральной Азии.

Газпром эта ситуация устраивала. На официальном уровне Россия осуждала режима талибов и призывала с ним бороться, всячески поддерживая афганского президента в изгнании Бурхануддина Раббани и “Северный альянс”. Однако Газпром эти внешнеполитические принципы не волновали – он участвовал в проекте «талибского газопровода», вовсе не собираясь бороться за монопольный контроль над энергетикой Центральной Азии. Имперские амбиции Вяхиреву были совершенно чужды.

Если бы тот проект был реализован, то Газпром навсегда лишился бы контроля над Центральной Азией. Возможно, это привело бы к большей открытости тамошних режимов, в том числе и туркменского. И наверняка это спасло бы Афганистан от далекого тогда еще военного вторжения 2001 года. Правда, укрепленный газопроводом, режим талибов еще долго оставался бы у власти.

Однако незадолго до начала строительства Иран и Россия поставили афганскому “Северному Альянсу” крупную партию оружия. Тот пошел в контрнаступление и отвоевал у талибов значительные территории. Проект трансафганского газопровода был заморожен.

Как раз в этот момент идея трансафганского газопровода разонравилась и Газпрому. Причем Рем Вяхирев беспокоился вовсе не об ослаблении позиций России в Центральной

Азии. Он понял, что туркменскому газу, который вот-вот сможет потечь на юг, в сторону Афганистана, можно найти лучшее применение. Рем Вяхирев придумал, как на туркменском газе можно заработать.

Газовые деньги

В июне 1996 года Туркменбаши приехал в Москву на инаугурацию Бориса Ельцина – наряду со всеми остальными лидерами стран СНГ. Они уже давно не виделись, но в этот раз Ниязов решил, что вполне может позволить себе появиться среди них, потому что чувствовал себя триумфатором. Туркменбаши гордо расхаживал среди давних знакомых – лидеров СНГ, сияя гигантскими золотыми перстнями, усыпанными бриллиантами.

Он собирался подписать с Борисом Ельциным сразу два очень важных соглашения. Во-первых, Газпром неожиданно решил пустить туркменский газ в Европу, пообещав, начиная с 1997 года, поставлять на Запад 20 миллиардов кубометров туркменского газа в год. Однако за это Газпром хотел получить доступ к добыче газа в Туркмении. Так было создано акционерное общество “Туркменросгаз”, 51 % акций которого принадлежал Туркмении, 44 % – Газпрому и еще 5 % – никому тогда еще не известной компании Itera International. Газпром и Ниязов условились, что “Туркменросгаз” будет контролировать всю добычу и продажу туркменского газа. А “Итеру” они решили сделать посредником: она получала право закупать газ на туркмено-узбекской границе и продавать его Украине на российско-украинской. Газпром уступил “Итере” место в своей трубе. Для того чтобы подобрать все нужные ключи к сердцу Туркменбаши, в “Итеру” был привлечен Валерий Отчерцов, бывший вице-премьер правительства Туркмении.

Однако работа с “Итерой” не приносила Туркменбаши желаемых денег – она вынуждала Ашхабад продавать газ по мизерной цене. В 1997 году Туркменбаши потребовал, чтобы “Итера” платила ему больше. Он гневался, кричал, что разница цен, по которым россияне покупают туркменский газ на границе и перепродают его конечным потребителям достигает 600 процентов. Более того, он был взбешен тем, что, вопреки обещаниям, Газпром так и не начал платить Туркмении за газ, поставляемый в Европу. Туркменбаши утверждал, что из добытых в его стране в 1996 году 35 миллиардов кубометров примерно 20 миллиардов было экспортировано в Западную Европу.

В марте 1997 года Туркменбаши объявил, что не будет больше сотрудничать с “Итерой”. Газпром не стал его уговаривать. Из Москвы просто позвонили и сказали, что газопровод крайне загружен, поэтому маршрут транспортировки туркменского газа на Украину придется изменить. Отныне протяженность маршрута будет не 580 км, а 1050. Это значило, что платить за транзит пришлось бы в два раза больше. Украина покупать подорожавший вдвое туркменский газ отказалась.

Сапармурат Ниязов был в ярости. Он порвал соглашение о создании совместного с Газпромом АО “Туркменросгаз”. Он приказал залить водой и бетоном газовые скважины. Он ждал, что к нему прибегут просить прощения. Но телефоны молчали.

По туркменскому телевидению снова и снова говорили о прозорливости и гениальности великого вождя. В Ашхабаде активно готовились к очередному национальному празднику: Дню туркменского скакуна, а может, ко Дню туркменской дыни. Канцелярия президента каждый день была завалена письмами трудящихся, которые просили разрешить им назвать именем Туркменбаши улицу или школу или завод или новый сорт помидоров. В Ашхабаде достраивался новый отель и новый конгресс-центр, хотя три других уже были готовы и пустовали.

Туркменбаши вызывал секретаря и приказывал уволить диктора. И запретить выращивать новый сорт помидоров. Ему казалось, что все эти люди издеваются над ним в тяжелый час, когда Газпром отказался транспортировать, а Украина отказалась покупать туркменский газ.

В августе 1997 года Ниязов полетел в Москву договариваться. Его приняли вдвоем

Виктор Черномырдин и Рем Вяхирев.

– Россия прекрасно обойдется без туркменского газа, – с порога заявил туркменскому президенту российский премьер. А Вяхирев сказал, что может сократить маршрут доставки газа на Украину, но в полтора раза повысит плату за транзит, ориентируясь на украинские тарифы – 1,75 доллара за прокачку 1000 кубометров.

– У Черномырдина старосоветские амбиции, – выпалил Туркменбаши, выйдя из премьерского кабинета. Он пошел жаловаться к Ельцину, но тот сказал, что поддерживает политику Газпрома. Ельцин говорил, что ничего страшного в требованиях Газпрома нет – это бизнес.

Нет, это оскорбление, твердил Ниязов. И вообще, разве газ – бизнес?

Но он решил отступить. Он согласился почти на все условия, он стал продавать газ “Итере”. И ждать момента, когда можно будет отомстить Вяхиреву и Газпрому.

За довольно короткий срок малоизвестная компания, возглавляемая бывшим велосипедистом, уроженцем Ашхабада Игорем Макаровым, стала второй по величине газовой компанией в России. И единственной, закупавшей газ у Туркмении. У Вяхирева подобные успехи “Итеры” никаких нареканий не вызывали – наоборот, он даже был очень рад. Но в конце 90-х спрос на газ вырос, а у Газпрома начала стремительно падать добыча, поэтому его топ-менеджеры все чаще говорили о надвигающемся энергетическом кризисе.

Ниязов дождался. 17 декабря 1999 года Рем Вяхирев прилетел в Ашхабад – после долгого перерыва. Все эти годы Сапармурат Ниязов коллекционировал интервью Вяхирева, в которых тот говорил о Туркмении, и встретил Вяхирева с кипой газетных вырезок.

– Рем Иванович, мы с вами старые друзья. Но честно скажу вам: в Туркменистане на вас в обиде. Вам надо извиниться перед нашим народом. Вы такие слова говорили на пресс-конференциях: туркменам пески кушать надо, качество туркменского газа не то, запасы не те. Много в горячности вы нам обвинений сделали. Мы молчали. Где-нибудь Ниязов сказал в адрес Газпрома что-нибудь дурное? Скажите. В адрес России? Скажите. Мы терпели. Поэтому очень будет хорошо, если вы разьясните, в чем дело. Мы не должны камень за пазухой держать.

Встреча транслировалась по туркменскому телевидению. Туркменбаши было мало унижить давнего обидчика. Ему нужно было сделать это на виду у всех. Но Вяхирев, именно к такому приему и готовился и, не моргнув глазом, ответил:

– Спасибо большое. Я не мальчик, уже вроде повзрослее всех. Поэтому я не собираюсь искать оправданий, если что-то было сделано, сказано не так. Я сам приехал. Сам приехал! Я говорю официально, что я извиняюсь за глупость.

Ниязову было мало, он продолжал приводить обидные для него цитаты.

– Вот ваше интервью “Независимой газете”. Может быть, это была ошибка? «Никуда не денутся – сами приползут», «наверное, клиент пока не созрел»... Я вам из ваших высказываний только три зачитал, но у меня еще две страницы полностью. Извиниться перед нашими людьми – это не унижение, а достоинство.

– Если бы я чувствовал слабость, – терпеливо отвечал Вяхирев, – я бы не приехал, конечно, спрятался. Я не могу вас просто взять и оставить с судьбой на двоих. Скоро же пора отдыхать мне. Будет грех большой, если я уйду, поругавшись. Я не усну просто. Поэтому я приехал в первую очередь для того, чтобы попросить прощения за те глупости, которые были. Я официально прошу.

– Опыт восьми лет независимости показывает, что мы немножко друг друга ущемляли, – не унимался Ниязов, продолжая вспоминать причиненные ему Газпромом обиды. – Ущемляли, когда речь шла о ценообразовании, о соотношении валютной части и товарной части. Сегодня Туркменистан уже имеет определенный рынок. Мы сегодня примерно в сутки продаем по 12–15 миллионов кубометров в Иран по 42 доллара за тысячу кубов. Идет нормально. Из-за того, что не по нашей вине на длительное время были прекращены отношения с Россией, мы действительно начали переговоры с международными компаниями по выведению туркменского газа на мировые рынки. Мы над этим долго

работали. Сначала с вами вместе работали. Но Черномырдин хитрый фокус выкинул, когда мы газопровод хотели через Иран, Турцию в Европу провести. На корню все зарубил. Потом мы начали работать над газопроводом через Афганистан – Пакистан. Мы бились, приглашали и вас участвовать. Вы там 30 процентов объемов зарезервировали. Мы согласились. Потом тянули-тянули – и опять на полпути вы вышли, решили не участвовать. Мы и с Украиной вели переговоры. Долго тяжба шла. Вы цену транзитную не устанавливали, плечо давали нам в обход Москвы. В итоге и этот вариант у нас не получился. Украина оказалась неплатежеспособной. Сегодня она товарную часть платит кое-как, а валютную не платит...

Вяхирев был готов унизиться, потому что знал, что через пару месяцев Ниязов собирается возобновить переговоры о судьбе Транскаспийского трубопровода. В январе 2000 года в Ашхабад должны были слететься представители Азербайджана, Грузии, Турции и компаний PSG и Shell. Но и в Газпроме все изменилось. Теперь ситуация подсказывала Вяхиреву, что нужно закупить у Ниязова весь газ подчистую. Желательно руками “Итеры”. Туркменбаши соглашался продать только 20 миллиардов кубометров газа из 60 миллиардов, добываемых в год.

– Вы волк. Самый хищный волк... – шипел Туркменбаши в конце переговоров.

– Чисто из человеческих побуждений я к вам прилетел. Я вам клянусь. Мамой, папой клянусь, – хлопал глазами Вяхирев.

И не напрасно. Унижение соперника опьянило Ниязова. Он вновь отказался от проекта трубы на дне Каспия. После десяти лет унижений он вдруг понял, что нужен всем.

19 февраля 2000 года Туркменбаши праздновал свое 60-летие. Этот день уже несколько лет являлся в Туркмении национальным праздником. И, конечно, Ниязов пригласил своего старого друга, «самого хищного волка» Рема Вяхирева. Прямо с трапа самолета главу Газпрома повезли на открытие нового текстильного комбината. Там Вяхирева встретил Ниязов, который вместо приветствия сказал:

– Извинись еще раз всенародно за то, что год назад ты съерничал и сказал про нашу страну: «Клиент должен дозреть».

Телекамеры, естественно, работали. Такого дежавю Вяхирев уже, видимо, не ожидал. Прищурившись, он прижал руку к груди и сказал прямо в камеру:

– Прости, народ!

Ниязов был доволен и повез Вяхирева праздновать свой день рождения. Еще за неделю до юбилея он предупредил членов правительства, что это должен быть скромный праздник. Поэтому его портреты в центре Ашхабада спешно задрапировали коврами с народными орнаментами. Золотые статуи президента убирать не стали.

Начался парад. По площади промчались несколько сотен всадников на ахалтекинских скакунах – каждый стоимостью в несколько миллионов долларов. Ниязов стоял и внимательно смотрел на реакцию Вяхирева. Он знал, что у главы Газпрома проблемы и скоро ему, председателю правления, придется уйти. А духовный светоч всех туркмен, первый и пожизненный президент, Верховный главнокомандующий вооруженными силами Туркменистана, генерал армии, навеки Великий Сапармурат Туркменбаши останется навсегда. И он сказал Вяхиреву, что в ближайшие 30 лет будет поставлять Газпрому по 50 миллиардов кубометров газа ежегодно.

Это и правда был последний визит Вяхирева в Туркмению в качестве полномочного хозяина Газпрома. Всего несколько недель спустя после 60-летия Ниязова президентом России был избран Владимир Путин.

Люди в обмен на газ

В свой первый зарубежный визит в качестве главы государства Путин поехал именно в экспортирующие газ страны СНГ: Узбекистан и Туркмению. В Ташкенте у Путина все прошло гладко. Но Туркменбаши встретил нового, не нюхавшего газа президента России по-

своему. Для начала Ниязов всячески старался подчеркнуть молодость и неопытность Путина.

– Вы не обращайте внимания, что он так выступал. Он просто пока переживает... – так комментировал Ниязов речь Путина, перед которой тот извинился за то, что не подготовил выступление. Под конец Туркменбаши начал объяснять Путину, что Россия должна Туркмении намного больше, чем Туркмения России.

В тот момент Путин уже разрабатывал план очистки Газпрома от его прежних руководителей, поэтому он и хотел познакомиться с Ниязовым как можно скорее. Для будущей работы с Газпромом ему нужно было четко знать, на кого опирается и на чем зарабатывает менеджмент газовой монополии.

Однако первая личная встреча с Ниязовым Путина ужаснула. Он не очень понимал, как можно иметь дело с таким человеком и не желал повторять трюки Вяхирева. Однако вскоре президенты России и Туркмении снова встретились на одном из больших саммитов СНГ. На той встрече он впервые увидел Ниязова рядом с президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым, и она показала Путину, как надо себя вести.

Заметив на руке туркменского президента массивные золотые часы, усыпанные, наверное, сотнями бриллиантов, Алиев неожиданно сказал ему:

– Сапар Атаевич, какие у тебя часы красивые! Может, поменяемся, не глядя?

Рукава длинного пиджака Алиева, конечно, закрывали его часы. Ниязов инстинктивно схватился за часы, будто стараясь защитить их от посягательств Алиева, и нелепо улыбнулся. Потом он, конечно, сообразил, что президент Азербайджана пошутил, и стал кричать, что согласен меняться. Но было поздно – Алиев, брезгливо поморщившись, развел руками, а остальные президенты широко улыбались.

Путину этот эпизод очень понравился. Алиев как ветеран КГБ и живая легенда органов вызывал у него неподдельное восхищение. Понаблюдав за тем, как Алиев расправляется с коллегами, Путин понял, что и с Ниязовым вполне можно иметь дело. Более того, он решил, что ему не составит большого труда управлять этим закомплексованным диктатором.

Ниязов был нужен для вытеснения “Итеры” из российско-туркмено-украинской торговли.

То, что Россия уделяет все больше внимания Ашхабаду и пытается купить у него все больше газа, заметили и в Киеве. И попытались не отставать. Через пару месяцев после визита Путина в Ашхабад по его следам отправилась вице-премьер украинского правительства Юлия Тимошенко, отвечающая за ТЭК. Первым делом из аэропорта она отправилась не к Ниязову, а в украинское посольство. По официальной версии – получить последние указания из Киева. На самом деле ей нужно было переодеться и наложить макияж. Расчет оправдался.

– Такая хрупкая женщина, а руководит таким тяжелым комплексом, – расплылся в улыбке Туркменбаши, завидев украинскую гостью.

Тимошенкохватило двух часов, чтобы не только убедить Ниязова согласиться с ее схемой реструктуризации долга, но и договориться о новых поставках. Он сразу пообещал поставить Украине очередные 20 миллиардов кубометров газа, невзирая на колоссальную задолженность.

Всеобщее внимание одурманило Туркменбаши. За право поболтать с ним конкурировали президенты и премьеры. Его принимали в Европе и в Америке, ему улыбались Билл Клинтон и Жак Ширак. И он, конечно, отгонял от себя мысли о том, что им нравится вовсе не он, не его крашенные иссиня-черные волосы, не громадные золотые перстни, не длинные нравоучительные речи – они смотрят сквозь него и видят в нем только газ. Его «Рухнама», моральный кодекс туркменского народа, был переведен на многие языки мира, включая язык зулу, чтобы повсюду смогли узнать, что туркмены изобрели колесо, Аллах сотворил туркменское государство зрелым и что отец Ниязова Атамурат, словно Христос, был предан коммунистами. И книгу издавали по всему миру, даже там, куда не доходил газ Туркменбаши.

Газовые деньги наконец позволили Туркменбаши уже ни от кого не зависеть: в том

числе от собственного окружения. В Туркмении началась кампания по тотальной проверке госчиновников на патриотизм. Критериев было три: моральный облик, знание туркменского языка и преданность туркменскому государству всех членов семьи, включая уже умерших. Одной из первых жертв стал не знающий туркменского языка министр иностранных дел Туркмении Борис Шихмурадов, создатель концепции туркменского нейтралитета. Он потерял свой пост, но в тюрьму не попал, поскольку довольно быстро уехал в Россию.

Само собой, никакой оппозиции в Туркмении за годы правления Ниязова уже не осталось. Все, кто смогли, покинули страну. Те, кто не успели, сидели в тюрьме. Однако даже не все остающиеся на свободе лояльные чиновники вызывали у Ниязова доверие.

25 ноября 2002 года туркменское телевидение объявило, что группа террористов совершила покушение на Туркменбаши: КАМАЗ перекрыл трассу, по которой ехал кортеж президента, и несколько террористов пытались из автоматов расстрелять его бронированную машину. Событие было вполне в духе времени: незадолго до «покушения» произошел теракт 11 сентября, и началась американская кампания против талибов в Афганистане. Неподалеку от туркменских границ еще продолжались бои.

Однако террористами Туркменбаши объявил вовсе не исламистов, а своих бывших подчиненных – бывшего главу МИД Бориса Шихмурадова и еще нескольких чиновников-невозвращенцев. Чтобы вызвать понимание в России, туркменские власти объявили, будто четверо из покушавшихся был чеченцами. Их Ашхабад предложил выдать России, настаивая на том, что Шихмурадов должен быть осужден в Туркмении.

Выдать бывшего туркменского министра Москва не могла, так как у него был российский паспорт. Но туркменские власти зашли с другой стороны. Всех родственников Шихмурадова, находившихся в Туркмении, арестовали и начали пытать. 25 декабря 2002 Шихмурадов добровольно вернулся в Ашхабад, назвав покушение на Ниязова «инсценировкой, организованной властями для расправы над оппозицией» и пообещав «превратить суд над демократической оппозицией в суд над антинародным режимом Ниязова». Перед поездкой на родину бывший министр, правда, предположил, что против него могут быть применены спецсредства, и призвал своих соратников не верить тому, что он будет говорить после допросов.

Через пару дней после ареста Бориса Шихмурадова по национальному телевидению Туркмении была показана запись его чистосердечного признания. Выглядевший заторможенным и больным экс-министр говорил: «Оппозиция – это преступная группировка, мафия, среди нас нет ни одного нормального человека, все мы ничтожества. Я слишком поздно понял, что президент Сапармурат Туркменбаши – это дар народу Туркменистана свыше. Мы – преступная шайка негодяев и предателей Родины, за деньги готовых пойти на любое преступление, грязные злодеи, придумавшие для своей преступной деятельности политическое оправдание, называющие себя борцами за демократию и справедливость. Мы, проживая в России, занимались употреблением наркотиков и в состоянии опьянения вербовали наемников для совершения теракта. Наша задача была дестабилизировать обстановку в Туркмении, подорвать конституционный строй и совершить покушение на президента».

Соратники президента требовали смертной казни для террористов, но он отказал им: «Этим людям мало смерти, пусть всю жизнь сидят в заточении и мучаются, глядя, как процветает Туркмения. А отменять запрет на смертную казнь Туркменистан не может, потому что мы – цивилизованное государство».

Еще один вывод, о котором объявил Туркменбаши: его стране срочно нужно бороться с угрозой извне, поскольку все обвиняемые в организации покушения «имеют двойное, туркмено-российское гражданство», а среди непосредственных участников обстрела президентского кортежа оказалось 16 иностранцев.

Республика к тому моменту и без того находилась в изоляции. Еще в 1999 году Ниязов вышел из договора о безвизовом режиме, объединяющий все страны СНГ. Для собственных граждан он ввел выездные визы – покинуть Туркмению без его согласия подданным не

позволялось. Единственным неудобством оставалось соглашение о двойном гражданстве, подписанное им и Борисом Ельциным еще в 1993 году. Все его бывшие чиновники, попавшие в опалу, всякий раз убегали в Россию, пользуясь своим вторым российским паспортом. И Ниязов потребовал от России отмены соглашения. А взамен пообещал заключить с Газпромом революционное соглашение по газу.

Туркменбаши прилетел в Москву в апреле 2003 года, спустя полгода после пресловутого покушения. Он подписал с Владимиром Путиным контракт купли-продажи туркменского газа до 2028 года, соглашение о сотрудничестве в газовой отрасли на этот же период, а также о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Среди всех этих судьбоносных документов почти затерялась договоренность о прекращении действия соглашения о двойном гражданстве.

– А все, кто хотел, уже переехали из Туркмении в Россию, – лаконично заявил российский президент.

Вернувшись в Ашхабад, Туркменбаши издал указ, по которому все 100 тысяч человек, имевшие и туркменский, и российский паспорт, должны были в течение двух месяцев выбрать гражданство одной из двух стран. Выбравшие российское должны были немедленно уехать. А те, кто не уложился в два месяца, автоматически становились туркменскими гражданами.

Только через несколько месяцев проблему заметила российская Госдума – там прошли слушания на тему «О соблюдении прав человека в Туркменистане». Депутаты осудили политику Туркменбаши и решение об отмене двойного гражданства. Но срок, отведенный обладателям двух паспортов президентом Ниязовым, к тому времени уже истек.

– Мы политически пошли ему навстречу. Он отменил двойное гражданство. И мы это съели, – признается бывший зампред Газпрома Александр Рязанов. – Он вообще практически отменил у себя в республике русский язык. Но нам нужно было заключить с ним долгосрочный контракт, и мы пошли на это.

Газовый котел

Под руководством Путина политика Газпрома в отношении Центральной Азии радикально поменялась. Вяхирев и Черномырдин могли спокойно говорить, что Россия обойдется без туркменского газа, и ждать, что «туркмены сами приползут». Для них Газпром был бизнесом, их собственным бизнесом, а Туркмения – конкурентом, которого нужно было прижать. Для Газпрома эпохи Путина Центральная Азия стала полигоном, который было необходимо взять под контроль.

Кроме Туркменбаши, Газпром стал активнее работать и с лидерами соседних государств. Вторыми по значимости газовыми месторождениями в регионе обладает Узбекистан. Соседний с Туркменией, не менее авторитарный, но чуть более открытый режим. Однако дела с ним долго не клеились. Взаимопонимание было обретено довольно неожиданно – летом 2005 года.

В тот год все СНГ было охвачено лихорадкой «цветных революций». Они, казалось бы, подобрались уже совсем близко к Центральной Азии. В марте 2005 года революция произошла в Киргизии. Она началась с народного восстания в Ферганской долине – в Ошской области на юге страны.

Вскоре после киргизской революции брожения начались и в той части Ферганской долины, которая находится на территории Узбекистана. Эта часть страны отделена от остальной ее территории горным перевалом, транспортное сообщение между Ташкентом и крупнейшими городами Ферганской долины – Ферганой, Наманганом и Андижаном – часто бывает затруднительным. Президент Ислам Каримов прекрасно понимал, что если в западных областях начнется восстание вроде киргизского, подавить его он будет не в силах, и Ферганская долина как минимум отколется от Узбекистана. Поэтому он решил сыграть на опережение.

В ночь на 13 августа некие вооруженные люди ворвались в тюрьму города Андижана, где, дожидаясь суда, сидели несколько местных бизнесменов. Городские власти пытались отобрать у них собственность, обвинив в создании тайного исламистского общества. Ворвавшиеся обезоружили охрану, открыли камеры и раздали арестованным оружие (как выяснится потом – с холостыми патронами), после чего скрылись. Растерянные бизнесмены вышли на площадь. К утру в городе начался стихийный митинг. Большая часть городских чиновников спряталась или сбежала, а некоторых восставшие взяли в заложники на случай, если власти начнут разгонять манифестацию. Целый день на главной площади продолжались выступления: жители поочередно залезали на постамент памятника народному герою Бабуру и произносили речи – проклинали президента Каримова и требовали революции наподобие киргизской.

За сутки информация о загадочном восстании в Андижане, начавшемся с захвата тюрьмы, облетела весь мир. А вечером Ислам Каримов отправил армию на подавление мятежа террористов. На площадь выехали БТРы, которые начали расстреливать толпу. Обезумевшие горожане бросились бежать – туда, где по их мнению, их ждала свобода – в соседнюю Киргизию. Но на шоссе, ведущем в сторону границы, были расставлены БТРы, которые расстреливали подбегавшую толпу. И андижанцы бежали дальше – прямо по трупам. За первой засадой была вторая, третья. Несколько сотен человек было убито в городе, еще несколько сотен по дороге. До спасительной Киргизии добежали 526 человек.

Весь следующий день мы ходили по Андижану пешком. Свезенные со всех окрестных областей военные каждые сто метров останавливали и проверяли машины. Все городские такси занимались транспортировкой убитых. У нас под ногами звенели гильзы крупного калибра. В придорожных канавах лежали трупы. Мы навещали знакомых, чтобы узнать, кто остался жив.

Президент Ислам Каримов выступал по телевизору с обращением к нации. Объяснив, что все расстрелянные были террористами, а все журналисты, сообщавшие о сотнях невинных жертв, – их сообщниками, президент Узбекистана философствовал:

– Если в котле все кипит, то нельзя наглухо закрывать крышку. Потому что скопившийся внутри газ разорвет котел. Газ нужно потихоньку выпускать.

В домах, куда мы заходили, люди смотрели на президента по телевизору. Они только что похоронили своих близких – похороны шли в городе весь день. Люди безучастно слушали президента. Лишь кто-то из них будто просыпался и вскрикивал: «Ложь! Ложь!» Но когда Каримов дошел до рассуждений про газовый котел, люди загудели.

– О чем он говорит? Что это значит? Если про Узбекистан, то у нас эта крышка не просто закрыта! Она заварена!

А потом сразу пошли проверять, плотно ли закрыта дверь.

После подавления андижанского мятежа о вероятности революции в Узбекистане никто уже не помышлял. А через месяц Ислам Каримов и Владимир Путин подписали договор о союзнических отношениях.

Эхо Андижана докатилось и до Туркмении. Летом 2005 года независимые центральноазиатские вебсайты сообщили о волнениях в Мары – крупнейшем городе на юге страны. Сообщения были крайне скудные. В отличие от Узбекистана, в Туркмении нет иностранных журналистов, поэтому рассказать о том, что произошло в Мары, было некому. Стало известно лишь то, что на несколько месяцев доступ в город был перекрыт, а телефонная связь с ним прекращена.

Странные события в Андижане и Мары только укрепили газовую дружбу России с Узбекистаном и Туркменией. Еще узбекский президент пообещал открыть Газпрому доступ к крупнейшим газовым месторождениям своей страны. Туркменбаши тоже вдруг стал ласков, как никогда прежде. Новые менеджеры Газпрома были убеждены, что в такой ситуации среднеазиатским диктаторам будет уже некуда деваться и они будут рады любым контрактам с российской газовой монополией.

– После Андижана с Каримовым, конечно, стало проще, – рассказывает бывший

зампред Газпрома Александр Рязанов. – Он понял, что ему больше некуда пойти и нужно соглашаться на все. И на словах он, конечно, со всем соглашался. А когда дошло до дела – начались бюрократические проволочки.

До разработки месторождений Газпром, кстати, так и не допустили. Газпром инвестировал около 300 миллиардов долларов, а соглашение о разделе продукции не подписано, сетует Рязанов, до сих пор.

Действительно, ни Ниязов, ни Каримов не чувствовали себя загнанными в угол. Они ощущали силу своего газа, который, вырываясь из-под земли, шептал им, что они могущественны. То же самое изо дня в день вслух повторяли дикторы на их государственных телеканалах. И если Газпром считал, что центральноазиатские диктаторы находятся в полной зависимости от него, то они, наоборот, были глубоко убеждены, что это Газпром целиком и полностью зависит от них. Опытные аппаратчики не могли не заметить того интереса, который вызывал их газ у Владимира Путина и газпромовских менеджеров. Ниязова мог запутать Вяхирев, равнодушно говоривший, что ему не нужен туркменский газ. Но его не мог обмануть Алексей Миллер. И Ниязов, и Каримов понимали, что Газпром отныне выполняет четко поставленную задачу Путина: забрать весь среднеазиатский газ, чтобы он, не дай Бог, не попал обходными путями в Европу или хотя бы на Украину. Причем забрать его именно руками нового посредника RosUkrEnergo.

Газпром действительно хотел получить весь газ, без остатка. А Туркменбаши хотел новых дворцов, новых статуй, а значит – все больше и больше денег. И обе стороны были уверены, что смогут друг друга перехитрить.

– В личном общении он был очень душевным человеком. Он же был поэт! – вспоминает переговоры с Туркменбаши бывший зампред Газпрома Александр Рязанов. – На праздники мы привозили ему подарки. Однажды мы купили ему древнюю книгу с упоминанием о Туркмении. Он очень сильно радовался. В другой раз – красивое изделие из золота. Но он действительно все понимал в газе. Знал вопрос досконально. Я всегда замечал, что у него в кабинете было жарковато. Мы-то всегда сидели в костюмах, а он – в рубашке с короткими рукавами. Может быть, специально, чтобы нам было неуютно.

По словам Рязанова, отговорить Туркменбаши от идеи прокладки газопровода в Европу по дну Каспия было нетрудно – газпромовцы пугали его большими затратами, а тратить деньги Ниязов не хотел. Он просто хотел больше получать. Поэтому жаловался:

– Вот вы в Европе продает газ по 250 долларов за тысячу кубов. А поделиться не хотите, нам платите копейки.

– Но, Сапар Атаевич, вы представляете какой у нас транзит! Потом, опять же, Украина воруется сколько. У нас большие издержки.

– Ну ладно, мы, туркмены, гордые. Мы денег в чужом кармане не считаем. И в Европу не лезем. Мы продаем свой газ на границе. Сколько хотите, столько и будет газа.

Газпром хотел весь и подписал с Туркменбаши 25-летнее соглашение о покупке газа, в котором, правда, лишь в общих чертах оговорены были объемы поставок. Ниязов обещал, что в 2007 году продаст 60–70 миллиардов кубометров газа, в 2008-м – 63–73 миллиарда, с 2009-го – 70–80 миллиардов кубометров. В Газпроме понимали, что газопровод “Средняя Азия – Центр” в плохом состоянии и не может пропустить более 50 миллиардов кубометров по территории Узбекистана. Специалисты говорили, что в Туркмении падает добыча и у Ниязова не будет тех объемов, которые он обещает. Но Газпром все равно подписывал. У него самого падала добыча, а Путин велел, чтобы газа было много.

Еще одна проблема заключалась в том, что Ниязов не хотел заранее оговаривать цену газа.

– Какая формула цены? Мы, туркмены, не любим формул. Мы там по ходу договоримся.

Газовая война между Газпромом и Украиной развязала ему руки. Сначала он продавал газ по 44 доллара. Потом потребовал 65 долларов. Потом 80 долларов. Потом 100 долларов. Чтобы лишить Газпром аргументов, он начал продавать свой газ всем одновременно: одни и

те же объемы газа Туркменбаши продавал и Газпрому, и Украине, и Китаю, и при этом обещал увеличивать поставки в Иран.

Глядя на Ниязова, его вечные недруги Ислам Каримов и Нурсултан Назарбаев тоже решили не отставать. Узбекистан и Казахстан также подняли цену с 44–50 до 100 долларов за тысячу кубометров.

Александр Рязанов вспоминает, что газпромовские переговорщики говорили Ниязову:

– Сапар Атаевич, вы же мудрый, вы же понимаете, что, чтобы закупать у вас те объемы газа, о которых мы договорились, нам надо реконструировать газопровод, надо вложить в него миллиарда полтора. Или новую трубу проложить, или старую отремонтировать. Но мы же не можем тратить полтора миллиарда, пока не знаем, какие у вас запасы. Может, проведем независимый аудит ваших месторождений?

Туркменбаши долго сопротивлялся.

– У нас газа хватит на всех, – говорил он.

Потом, чтобы Газпром от него отвязался, он нанял компании DeGolyer & MacNaughton и Gaffney, Cline & Associates, которые оценили газовые запасы Туркмении. Но результаты исследования засекретил. По словам Рязанова, лишь однажды во время переговоров с Алексеем Миллером с глазу на глаз, Туркменбаши показал итоги аудита. Показал и все – даже в руках не дал подержать.

Выйдя из кабинета Туркменбаши, Миллер признался, что газа, по данным независимого аудита, у Туркменбаши недостаточно. Выполнить одновременно все обещания, устные и письменные, он не сможет. Но Газпром не стал уличать Ниязова во лжи. На всякий случай.

А Ниязов вскоре объявил, что в Туркмении открыто новое месторождение – Южный Иолотань. И в нем газа, по его, Ниязова, оценкам – 7 триллионов кубометров. В Газпроме ему, конечно, не поверили. Но никаких контрактов разрывать не стали. Потому что очень хотели купить весь газ. Сколько бы его ни было.

– В первую очередь мы будем обеспечивать газом Россию, – увещевал Туркменбаши. – Не думайте, что Туркмения хочет куда-то уйти со своим газом. Мы не готовы рассматривать проект Транскаспийского газопровода.

И эти слова для Газпрома были слаще газа.

А потом все вдруг лопнуло.

Туркменбаши умер. Оказалось, что он был человеком, и его сердце не выдержало. Оно разорвалось, конечно, от напора газа, который он наобещал продать Газпрому. Или от потока денег, которые он предвкушал получить. Или от великолепия дворцов, которые хотел построить. Или от блеска золотых статуй, которые собирался воздвигнуть. В крайнем случае, от обилия врагов, которых мечтал расстрелять.

Преемником Ниязова стал Гурбангулы Бердымухаммедов, его бывший врач, бывший министр здравоохранения и бывший глава комиссии по организации похорон. Именно он констатировал, что смерть Туркменбаши наступила от разрыва сердца. Первым его заявлением в качестве и.о. президента было обещание выполнить все газовые контракты, подписанные предшественником.

Летом 2007 года в городе Красноводске, переименованном в город Туркменбаши, новый президент Туркмении принимал гостей: Владимира Путина и Нурсултана Назарбаева. Ислама Каримова тоже звали, но он почему-то не приехал. Три президента подписали соглашение о строительстве нового газопровода, который пойдет из Туркмении вдоль берега Каспийского моря, через Казахстан в Россию.

После подписания к новому президенту Туркмении подпустили журналистов. И они спросили, откажется ли Бердымухаммедов от проекта транскаспийского газопровода – через Азербайджан и Турцию в Европу. Того самого, которого Туркменбаши (не город, а человек) не хотел строить, потому что боялся Гейдара Алиева, потому что дорого и потому что его всячески отговаривал Газпром.

– Во всем мире идет диверсификация. И у нас еще, может быть, будут на рассмотрении

эти проекты.

– То есть не стоит списывать его со счетов? – ужаснулся кто-то из российских журналистов.

– Не стоит, – повторил президент Туркмении.

Стоявший рядом Владимир Путин вдруг стал смеяться. Выходило, что купить весь среднеазиатский газ Газпрому не удастся.

– И запасов газа хватит? – добивали его журналисты.

– Хватит, – улыбнулся Бердымухаммедов.

Вероятно, будучи врачом и, в отличие от Ниязова, осознавая свою смертность, Бердымухаммедов имел в виду, что газа хватит на личный его век. Что он, президент Бердымухаммедов, умрет прежде, чем многочисленные партнеры – Иран, Турция, Азербайджан, Россия, Украина, Германия – почувствуют себя обманутыми.

Глава 10 Поход на Запад

Газовые гусары

9 декабря 2005 года в поселке Бабаево Вологодской области был праздник. Вернее, для местных жителей это был ужас – праздник был только для приехавших в Бабаево высоких гостей. В этот день здесь сваривали первый участок газопровода “Грязовец – Выборг”, который впоследствии должен стать началом трубопровода “Северный поток”, по которому газ пойдет из России в Германию, минуя все транзитные страны.

Корреспонденты государственных каналов российского телевидения приехали в Бабаево за неделю до торжества, уже успели снять все необходимые стендапы на фоне трубы и проговорить в камеру взволнованно-торжественные тексты. В назначенный день к участку трубопровода привезли главу Газпрома Алексея Миллера, премьер-министра РФ Михаила Фрадкова, министра экономики ФРГ Михаэля Глосса, руководителей компаний E.ON и BASF. Чтобы не отморозить уши при тридцатиградусном морозе, высоким гостям пришлось надеть громадные меховые шапки. Началась показательная сварка. Все выстроились в ряд, Алексей Миллер поднял руку и скомандовал: «Давай!»

– Сварочный аппарат заработал и тотчас заглох, – вспоминает Сергей Белов, замдиректора “Сварочно-монтажного треста”, который проводил показательную сварку. – Он не работал тридцать семь секунд, пока не запустили по новой. Все эти тридцать семь секунд у меня не билось сердце. Потом трубу все-таки заварили.

Михаил Фрадков, Алексей Миллер и остальные гости оставили на трубе свои автографы, а затем вместе со строителями прошли в прогретый шатер, где были уже накрыты столы – выпивать за успех проекта.

Зато не до выпивки было журналистам. В тот же день специально привезенных журналистов подвели к Алексею Миллеру и он сделал им важное объявление: совет акционеров компании, которая будет строить газопровод в Германию, возглавит бывший канцлер ФРГ Герхард Шредер. Журналисты побежали перемонтировать свои заранее отснятые сюжеты.

Как рассказал нам один из руководителей Газпрома, для самого Миллера назначение Шредера было неожиданностью: эту новость ему сообщил Путин, позвонив за несколько минут до пресс-конференции.

На следующий день, когда гости разъехались, первый стык, сваренный накануне, убрали на склад – и продолжили настоящую работу. На счастье строителей, та зима была очень морозной. Вологодская и Ленинградская области, по которым должен пройти газопровод, – это сплошные болота. Тяжелая техника может подойти к месту строительства только тогда, когда болото замерзает.

– В теплое время года приходится делать лежневки – деревья укладывать в несколько слоев. А то шаг влево, шаг вправо – и все, в болоте, – показывает нам Сергей Белов. – Тридцать лет работаю, а такого сложного участка еще не было. Хотя, с другой стороны, сколько работаю, хорошего участка еще никогда не попадалось. У нас ведь везде: то болото, то опять болото, то вечная мерзлота, то снова болото.

Строительство трубы на его участке, между Грязовцом и Тихвином, уже завершено. Сейчас специалисты из немецкой фирмы TUF вместе с сотрудниками “Сварочно-монтажного треста” проводят гидроиспытания: в трубу закачивают воду и нагнетают давление, чтобы проверить трубу на прочность.

– Вообще-то по плану мы должны были строить два года. Но тут вдруг партия сказала – надо! Планы изменились, и трубу нужно закончить за год. Ну что ж, мы напряглись и построили за год.

– Партия – это Газпром?

– Он, конечно, кто же еще?

Мы едем вдоль газопровода. Вокруг – густой, непролазный лес – тонкие сосны растут так близко друг к другу, что, кажется, протиснуться между ними невозможно. На дорогу то и дело выбегают зайцы. С дороги лениво разбегаются жирные трясогузки.

Выезжаем на берег реки Колпи.

– Вот из этой реки мы берем воду для гидроиспытаний. И трубу мы проложили как раз под ней, – рассказывает Белов.

– А рыба в реке еще есть? – с печальной улыбкой интересуемся мы.

– Рыба? Да мужики постоянно ловят. Тут и хариус, и карп, и сом, и лещей ловят... – Белов становится заметно веселее, – у нас тут живности много. По ночам на стройку лоси заходят, сторожей мне пугают. На этой неделе заходила медведица с малышами. Так что они тут к нам привыкли. Мы тут своими делами занимаемся, к ним не лезем. Да и жители местные тоже к нам привыкли. Мы только за лето три свадьбы сыграли: наши люди знакомятся с местными девушками, семьи создают.

– Ну прямо гусары!

– Точно. Газовые.

Строители обычно живут неподалеку от газопровода – во временных городках, состоящих либо из вагончиков, либо из «бочек» – странных домов, имеющих форму огромных лежащих бочек. В таких городках живут вместе с семьями, по несколько лет. Детей отдают в ближайšie сельские школы. А когда стройка заканчивается, весь городок переезжает в другое место – вместе с бочками, строителями и их семьями. Детей забирают из их прежних школ и отдают в новые, тоже расположенные вдоль трассы строящегося газопровода, – но уже другого. Их называют «трассовые дети» – многие из них так и вырастают около газпромовской трубы и сами почти всегда идут в Газпром.

– А что, я сам такой. Отец работал в Надыме. Я до девятого класса прожил в «бочке». Некоторые мои школьные друзья по 10–15 школ меняли. А что поделать, такая работа, – рассказывает нам Леонтий Вареца. Сейчас он работает в “Лентрансгазе”. И тоже занимается строительством газопровода “Грязовец – Выборг”.

С Леонтием мы едем вдоль будущей трассы трубопровода. В Ленинградской области стройка еще далека от завершения. Он с ужасом вспоминает прошлую теплую зиму и говорит, что если в этот раз морозов не будет, проложить трубу по болоту в срок будет нелегко.

Еще одна проблема строителей в Ленинградской области – неразорвавшиеся снаряды. Их то и дело находят вдоль трассы. 60 лет назад здесь проходили ожесточенные бои.

С 1942 по 1944 продолжалась блокада Ленинграда – в городе был голод, а продовольствие подвозили с востока, по так называемой «Дороге жизни». Сейчас почти вдоль той легендарной дороги строится газопровод, по которому и будет поставляться газ в Германию.

По суше труба должна пройти до бухты Портовой, что недалеко от Выборга. Дорога от

Санкт-Петербурга туда занимает три часа – и вот уже появляются указатели на Хельсинки. Сразу за Выборгом – граница с Финляндией. Да и город до «зимней войны» 1940 года был финским.

Оставив Выборг позади, всего в паре километров от границы мы сворачиваем в лес. Где-то здесь вскоре должны построить мощнейшую в Европе компрессорную станцию, газ будет перетекать из наземного трубопровода «Грязовец – Выборг» в подводный «Северный поток». Но сейчас еще нет и намека на будущее строительство. Мы кружим по лесу, заезжая то и дело в аккуратные деревушки – никто из местных жителей не знает, где бухта Портовая и что в ней построят. В лесу, вдоль дороги, то и дело попадаются военные блиндажи и окопы – то ли русские, то ли финские, то ли немецкие. Через шестьдесят лет не различишь.

Наконец, выезжаем на берег Финского залива.

– Она. Точно. Бухта Портовая, – узнает Леонтий. – Вот здесь все и построят, отсюда газ пойдет в Европу. Фотографируйте, через пару лет этой красоты здесь уже не будет. Сначала придется взрывать – почва каменистая, иначе валуны вытащить не удастся. А потом начнется строительство.

Пока мы разговариваем, газпромский фотограф аккуратно выводит краской из баллончика слово «Газпром» сначала на окрестных валунах (которые придется взорвать), а потом и на песке пляжа – только после этого пейзаж ему кажется законченным и он начинает снимать.

Волны приходят и уходят и довольно быстро размывают этот «Газпром» на песке.

Герхард Шредер и трудности перевода

Идею строительства газопровода в Европу, который шел бы по дну Балтийского моря, в России обсуждали давно. Еще в 1998 году Рем Вяхирев ответственно заявлял, что этот проект экономически неоправдан и реализация его невозможна. Но почти десятилетие спустя все изменилось. Судьба «Северного потока» окончательно решилась в сентябре 2005 года.

На 18 сентября в Германии были назначены внеочередные выборы в бундестаг. Согласно всем соцопросам, СДПГ федерального канцлера Герхарда Шредера имела минимальные шансы на победу, а сам Шредер был почти обречен потерять свой пост. За десять дней до выборов в Берлин с официальным визитом прилетел президент России Владимир Путин. Ключевым событием этого визита стало подписание соглашения о строительстве «Северо-европейского газопровода» (несколько месяцев спустя его переименуют в «Северный поток»). Соглашение подписывали главы Газпрома, Е.ON и BASF, а Владимир Путин и Герхард Шредер осуществляли политическую поддержку. Несмотря на то, что подписание было согласовано заранее, все выглядело так, будто готовили его в большой спешке – чтобы успеть с подписанием, пока не закончился срок правления Герхарда Шредера. Но на это поначалу никто не обратил внимания. А Шредер и правда вскоре проиграл.

Соглашение о строительстве газопровода по дну Балтики произвело на европейскую общественность грандиозное впечатление. Никогда – ни до, ни после – Владимир Путин не был так популярен в Европе. Критика в адрес российских властей вдруг смолкла. В октябре, когда Путин летал на саммит Россия – ЕС в Лондон, его повсюду встречали овациями. Европейские лидеры благоговейно слушали, как российский президент говорил им об энергетической безопасности. И активно соглашались с его предложениями спасти Европу от скорого дефицита газа, который будет грозить континенту после истощения запасов в Северном море.

Даже придиричивые европейские журналисты на какой-то момент размякли. На пресс-конференции в Лондоне французский журналист спросил, не станет ли зависимость Европы от России избыточной.

– Да вам радоваться нужно! Я даже не понимаю, о чем мы говорим! – смеялся в ответ

российский президент.

Критиковали новый проект только власти прибалтийских республик и Польши – ведь по проекту трубопровод должен обойти стороной именно их. Президент Александр Квасьневский обозвал соглашение «пактом Путина – Шредера», намекая на его схожесть с «пактом Молотова – Риббентроппа»: два больших соседа вновь поделили Польшу без ее согласия. Но эту критику никто не воспринимал всерьез – она была естественна, с учетом того, что от реализации нового проекта все эти страны теряли ощутимые деньги.

Идиллия продолжалась вплоть до того самого дня, когда в поселке Бабаево состоялась торжественная сварка будущего газопровода. Вернее, до того момента, как Алексей Миллер объявил, что Герхард Шредер назначен председателем комитета акционеров компании-оператора строящегося газопровода North European Gas Pipeline Company (NEGPC). Компанию зарегистрировали в швейцарском городе Цуг, сообщив, что ее комитет акционеров должен будет выполнять функции совета директоров, а войдут в него четыре представителя Газпрома и по два человека от немецких совладельцев NEGPC. Одобренный всеми акционерами председатель комитета Герхард Шредер вошел в него именно как представитель Газпрома.

В Москве совершенно искренне считали, что назначение Шредера – это удачный пиар-ход. Что авторитетный европейский политик теперь сможет с легкостью лоббировать интересы Газпрома в Европе и будет создавать крупнейшей российской компании позитивный имидж. Но вышло почему-то все наоборот.

Почти трехмесячная европейская овация Газпрому моментально закончилась. Неожиданное трудоустройство бывшего канцлера в Газпром у одних вызвало шок, у других – серьезные подозрения. Европейская пресса писала о каких-то тайных связях и договоренностях между Путиным и Шредером. Одновременно все громче зазвучали голоса из Польши и стран Балтии.

В Москве возникла острая необходимость убедить европейцев в том, что транзитные страны, через которые проходит в Европу российский газ, – крайне ненадежные посредники, поэтому сделать ставку на “Северный поток” – в интересах самих же европейцев. И именно в это время разразилась так называемая газовая война между Россией и Украиной.

В Газпроме, вероятно, полагали, будто этот конфликт убедит европейскую публику, что “Северный поток” – вещь важная и нужная, и после его запуска Европа уже не будет зависеть от Украины. В Москве считали, что репутация Украины как благонадежного транзитера будет подорвана, а репутация России как принципиального поставщика станет еще лучше. Однако европейская общественность сделала прямо противоположные выводы.

Когда Газпром в новогоднюю ночь перекрыл газ Украине, первое, о чем подумали европейцы – что на месте Украины могли бы оказаться и они. Европейские потребители просто вспомнили, насколько сильно они зависят от поставок российского газа. В Германии объем импортируемого российского газа составлял 40 % от общего потребления, в Италии и Франции – по 25 %, в Австрии – 75 %, в Словакии и Болгарии – около 90 %, а в Финляндии и вовсе 100!

Европейская пресса взорвалась. «Методы бандитизма и шантажа, к которым прибегает Газпром, напоминают советские времена», – писала британская *The Daily Telegraph*. «Газпром стал объектом всеобщей критики за то, что грубо отключил газ и использовал голубое топливо в качестве оружия», – вторила немецкая *Handelsblatt*.

За несколько месяцев Газпром стал общеевропейским пугалом, а работающий на него Герхард Шредер приобрел имидж человека, продавшего душу дьяволу.

Причем чем дальше, тем хуже выглядела его сделка с Газпромом. В апреле 2006 года стало известно, что за месяц до ухода Герхарда Шредера с поста канцлера Германии его правительство предоставило Газпрому гарантии по кредитам KfW Bankengruppe и Deutsche Bank на сумму 900 миллионов евро для строительства “Северного потока”. Предоставленные госгарантии позволили бы Газпрому получить кредит под более низкие проценты, чем при обычном оформлении займа, а в случае неплатежеспособности NEGPC – переложить

ответственность на правительство Германии. Шредер, правда, уверял, что ничего не знал об этих гарантиях, а Газпром объявил, что не станет брать эти кредиты.

Немецкие парламентарии, в первую очередь свободные демократы и «зеленые», требовали от бывшего канцлера покинуть пост главы комитета акционеров NEGPC. Но Шредер не прислушался. Напротив, вместо этого он продолжил свою работу в качестве пиарщика и лоббиста Газпрома: во всех своих редких публичных выступлениях он старательно прославлял Газпром как надежного поставщика энергоресурсов. Публично подчеркивая, что за свою работу на Газпром получает всего лишь 250 тысяч евро в год, он призывал европейцев «не забывать о гордости русских людей и о русской душе». Он заступался за Газпром, за российские власти и за президента Путина тогда, когда их всюду критиковали. И в Кремле, и в Газпроме искренне считали, что это хороший пиар.

Если бы не появление Герхарда Шредера в числе немцев-менеджеров Газпрома, общественность в Германии, возможно и не стала бы интересоваться, кого еще российский газовый монополист привлекает для работы в своих европейских подразделениях. Однако в 2006 году всех сотрудников Газпрома начали разглядывать под лупой.

Еще одним лицом “Северного потока”, его управляющим директором, стал Маттиас Варниг, руководитель российского отделения Dresdner Bank. Американская газета Wall Street Journal утверждала, что Варниг познакомился с Путиным еще будучи офицером “Штази” – в то время, когда будущий российский президент являлся агентом КГБ в Дрездене. Правда, сам Варниг факт столь давнего знакомства с Путиным отрицает.

Затем выяснилось, что он вовсе не единственный человек из «органов» в германском представительстве Газпрома. Как выяснила Die Welt, Ханс-Уве Креер, директор по персоналу Gazprom-Germania являлся штатным осведомителем “Штази” под кодовыми именами «Роланд Шредер» или «Хартман». Сотрудничал со “Штази” также и финансовый директор Gazprom-Germania Феликс Штрехобер. Этих фактов хватило для того, чтобы имидж Газпрома стал еще более демоническим: выходило, что Москва, как и в советские времена, пытается взять Германию под свой контроль с помощью “Штази” – но уже не силой своего оружия, а силой своего газа.

Сейчас никаких интервью Герхард Шредер не дает. Он принимает участие лишь в тщательно спланированных мероприятиях, в которых исключен элемент случайной критики.

Через нашего литературного агента мы пытаемся пообщаться с ним в Берлине – он должен приехать на презентацию книги своего давнего друга, статс-секретаря немецкого министерства экологии по фамилии Миллер. Помощники предупреждают, что господин Шредер не готов отвечать ни на какие вопросы. Но после пресс-конференции мы все же начинаем общаться: он мило улыбается, жмет руки – его обаяние длится ровно столько, сколько требуется нам, чтобы сказать, что мы пишем книгу про Газпром. Улыбка тут же исчезает с его лица, он энергично машет руками и бежит к двери в окружении толпы рослых охранников. Бессменная секретарша Шредера, тоже убегая, бросает: «Он никогда этого не сделает».

Проходит неделя, и он снова перед нами. На этот раз в Москве, презентует свою книгу «Решения. Моя жизнь в политике». На пресс-конференции он сидит рядом с председателем совета директоров Газпрома Дмитрием Медведевым. Шредер заранее договорился с организаторами, чтобы к нему не подпускали журналистов. И предупреждая все возможные вопросы, сам заговаривает про “Северный поток”:

– Этот проект же служит интересам Европы и России! Мы строим газопровод, который будет снабжать российским газом всю Европу. Не знаю, что тут плохого!

Потом следует динамичное подписывание книг, и экс-канцлер скрывается за спинами сотрудников ФСО. Его помощники, слышав слова «интервью» и «Газпром», крутят пальцем у виска.

Наш литературный агент Галина Дурстхоф тем временем делает еще одну попытку. В своем письме Шредеру она пытается объяснить, что можно, конечно, воспользоваться и открытыми источниками информации, но нам хотелось бы получить информацию из первых

рук.

Спустя неделю она получает письмо за подписью Герхарда Шредера, в котором он категорически отказывается от каких-либо интервью на тему Газпрома.

– Не знаю, почему он так себя повел. Может быть, он решил, что вы собираетесь критиковать Газпром? – недоумевает Буркхард Бергман, глава компании E.ON Ruhrgas и член совета директоров Газпрома.

– Да нет, мы стараемся писать объективно. А как раз его нежелание общаться наводит на мысль, что ему есть что скрывать.

– Ну я даже не знаю. Может, у него есть свои причины?

Буркхард Бергман очень деликатен. Он уже много десятилетий является одним из руководителей Ruhrgas. И в последние десять лет – единственным иностранцем, входящим в совет директоров Газпрома.

История любви

Буркхард Бергман был одним из тех, кто стоял у истоков “Северного потока”, он входит и в комитет акционеров компании-оператора трубопровода, который возглавляет Шредер. Бергман – большой сторонник строительства “Северного потока”.

– Я считаю, что этот проект – очень разумный, и не только потому что E.ON тоже в нем участвует. Газпрому ведь нужно диверсифицировать маршруты транспортировки и не все ставить на одну карту – это один из основополагающих принципов любого предприятия. Проблемы, которые были у России с Украиной и Белоруссией, до сих пор не решены, и я не вижу решения этих вопросов в ближайшем будущем. Nordstream – это решение, которое само напрашивалось. Раньше было два маршрута и необходимо было создать третий, независимый от двух первых.

– Все говорят, что “Северный поток” хорош тем, что избавляет Газпром от транзитных издержек. Но ведь это не так, – возражаем мы. – Газпрому придется платить и компании-оператору, которая будет обслуживать газопровод, и Германии – потому что в этом случае именно она станет транзитером для остальных европейских стран, куда Газпром намерен поставлять газ.

– Вы правы, если говорить о транзите газа через Германию в Великобританию – за это придется платить дополнительные деньги, – отвечает Бергман. – Зато нет никакого риска срыва поставок. В Германии есть гарантия, что транспортировка будет выполнена. И в этом отличие от ситуации на Украине. Там на ситуацию влияют два фактора. Во-первых, Украина хочет получить газ для своего потребления по более низкой цене. Здесь, в Германии, такой проблемы не стоит. Вторая проблема в том, что, по мнению Газпрома, газотранспортная система на Украине не может обеспечить сохранность газа.

Бергман слишком деликатен, чтобы сказать прямо: по мнению Газпрома, Украина ворует газ.

– Прокладывать газопровод на дне – это, конечно, дороже, чем строить газопровод по суше. Но транспортировка через Балтийское море – всего 10 процентов от стоимости продажи в Западной Европе. А значит, он выгоден, – уверяет Бергман.

Даже в России не все так думают – включая бывших менеджеров Газпрома. Александр Рязанов, в недавнем прошлом зампред правления, курировавший “Северный поток”, считает, что экономическая целесообразность проекта сильно уступает политической.

– Довольно дорогой проект, политический. Но нужен он, конечно, только потому, что мы им давим и на Белоруссию, и на Украину. Если бы у нас была ясная ситуация с транзитом через Украину или Белоруссию, то никакой Nordstream был бы не нужен, – говорит Рязанов.

А Буркхард Бергман улыбается. Мы сидим в его кабинете, на шестом этаже офиса E.ON в Эссене. За огромными окнами его кабинета видны две старые кирхи и желтые деревья с облетающей листвой. Бергман улыбается, но совершенно спокойной и отстраненной улыбкой. У него тоже осень – через полгода он уходит на пенсию. В феврале

2008 года, в связи с достижением 65 лет, Бергман должен оставить свой пост. И главным связным между Европой и Газпромом вместо уважаемого ветерана Бергмана станет кто-то другой.

– И, кстати, – продолжает он, – никто не заставляет Газпром транспортировать газ в Великобританию. Если это окажется невыгодно, слишком дорого, то и не надо. На мой взгляд, большей проблемой является то, сколько газа нужно и можно поставлять в собственных интересах. Если на рынке будет избыток объемов поставляемого газа, это приведет к снижению цены. А в данный момент в Великобритании наблюдается именно такая ситуация – оптовая цена там ниже, чем в Германии. Поэтому многое зависит от того, является ли правильным собственное планирование экспортных объемов.

Именно с Великобританией было связано одно из первых европейских разочарований Газпрома. В Москве довольно долго не замечали ухудшения отношения европейцев к Газпрому. В январе 2006 года, когда газовая война с Украиной поутихла, а к продолжающейся критике в адрес «продавшегося Газпрому» Герхарда Шредера в Москве не прислушивались, Газпром начал свою первую мощную попытку расширения на Запад. Зампред правления Газпрома и гендиректор “Газэкспорта” Александр Медведев 22 января 2006 года в интервью Guardian заявил, что Газпром намерен довести свою долю на британском рынке до 20 % за счет Centrica – компании, контролирующей 63 % внутреннего газового и 23 % энергетического рынков Великобритании. Столь прозрачный намек топ-менеджера Газпрома вызвал в Британии ажиотаж. Котировки акций компании Centrica моментально подскочили на 8 %. Через две недели заместитель Медведева Александр Шкута вновь публично признал факт интереса Газпрома к покупке Centrica. Стоимость компании выросла еще на 8 %.

Переговоры Газпрома и Centrica находились только на начальной стадии, а сделкой уже обеспокоилось правительство Великобритании. За первые три месяца 2006 года британские министры провели восемь совещаний, посвященных угрозе предстоящего поглощения Газпромом крупнейшей газовой компании страны. Правительство пришло к выводу, что для блокирования потенциальной сделки нужно будет вносить изменения в законодательство Великобритании.

Летом премьер Тони Блэр заявил, что британские власти не должны препятствовать сделке между Газпромом и Centrica. Но это было уже не слишком важно. Переговоры к тому времени зачихали.

Газпром явно не собирался покупать компанию за деньги, особенно после того, как ее стоимость так выросла. В Москве были уверены, что в Европе все еще очарованы “Северным потоком” и за перспективу принять участие в проекте могут отдать многое. Газпром обещал включить в проект компанию из той страны, которая пустит его в свои газораспределительные сети. Поэтому менеджеры Газпрома считали, что Centrica должна быть счастлива отдать Газпрому свои акции, поменяв их на право поучаствовать в проекте Nordstream. Но ни британские СМИ, ни британские министры, ни деловой мир не были рады перспективе появления в Британии российского газового монополиста.

После неудачи в Британии доступ к конечному европейскому потребителю стал идеей фикс для Газпрома. Менеджеры компании признавались, что хотят быть поближе к газовым плитам рядовых европейцев. Но подобные амбиции европейские власти сразу сочли политическими: если Газпром возьмет под свой контроль поставку газа в каждый европейский дом, он сможет навязывать европейцам любую цену. В этом случае зависимость Европы от Газпрома, а значит и от Кремля, станет почти абсолютной. После перекрытия газа Украине европейцы перестали доверять Газпрому.

В апреле 2006 года немецкий концерн BASF, один из партнеров по “Северному потоку” согласился с условием Газпрома. На российско-германском саммите в Томске Газпром и BASF в присутствии канцлера Ангелы Меркель и президента Владимира Путина подписали рамочное соглашение, которое увеличивало долю российского газового монополиста в газораспределительных сетях BASF в обмен на доступ BASF к Южно-Русскому

месторождению. Изначально планировалось, что одновременно аналогичная сделка будет заключена и со вторым партнером Газпрома по Северному потоку, концерном E.ON. Но E.ON сначала затягивал, а потом отказался выполнять это условие.

Глава E.ON Ruhrgas Буркхард Бергман старается избегать резких выражений и, конечно же, отрицает то, что европейские компании не пускают Газпром в распределительные сети, опасаясь поставить правительства своих стран в зависимость от русского газового монополиста. Однако Бергман считает, что скупка распределительных сетей в Европе невыгодна самому Газпрому. По мнению члена совета директоров российского газового гиганта, Газпрому нужно заниматься своими проблемами, прилагать все усилия для того, чтобы разбираться с внутренними трудностями, а не пытаться одним махом покорить Европу.

– Газпром, конечно, должен иметь полную свободу и возможность продавать свой газ рядовым потребителям. Но пусть только они смотрят на это не с идеологической, а с экономической точки зрения. Мир изменился, и на конечного потребителя можно выйти и опосредованно: через систему распределения третьих фирм. Тарифы регулируются, в том числе и ЕС, так что сегодня нет опасности и риска не получить доступа к конечному потребителю. Надо задаться вопросом, почему сегодня другие крупные производители не пошли по этому пути. Statoil, Exxon, Shell сейчас не покупают, а продают свои транспортные системы. Для Газпрома было бы разумнее инвестировать в добычу газа, чем в продажу или выход на конечного потребителя. Как член совета директоров Газпрома, я считаю, что компании в первую очередь надо обеспечивать свою экономическую эффективность.

Бергман делает долгую паузу. Из готического собора, который виднеется в окне у него за спиной, слышится колокольный звон.

– Вопрос в том, что важное и что первостепенное. Я считаю, что для Газпрома – это добыча, реконструкция и санация сетей. Поэтому я большой сторонник вложения капиталов внутри России.

Мы спрашиваем, насколько рациональны те крупные инвестиции, которые делает Газпром внутри России. И Бергман, конечно, говорит, что они вполне разумны.

– Например, Сахалин. Приобретение долей в Сахалине, конечно, окупится. Это экономически целесообразно и разумно. Правда, надо отметить, что срок финансирования этих проектов очень долгий, доходы начнут поступать довольно поздно, и в связи с этим сильно возрастет задолженность Газпрома. Пока еще все это приемлемо, но в будущем это перерастет в ограничивающий фактор.

Бергман, как и положено члену совета директоров Газпрома, говорит о Сахалине осторожно. Между тем для европейцев то, что произошло на Сахалине в июне – сентябре 2006 года, стало важным символом их отношения к Газпрому.

Летом 2006 года Европа по-прежнему смотрела на Газпром с недоверием и подозрением. А в Москве как раз возникла обида на европейцев за их недоверчивость и подозрительность.

25 июля 2006 года Минприроды начало проверку деятельности оператора проекта “Сахалин – 2” компании Sakhalin Energy, 55 % акций которой принадлежит англо-голландскому концерну Royal Dutch Shell, остальные доли – японским Mitsui (25 %) и Mitsubishi (20 %). Российские власти говорили, что «проект опасен для окружающей среды», и 18 сентября глава Минприроды Юрий Трутнев подписал приказ, отменяющий положительное заключение экологической госэкспертизы проекта “Сахалин – 2”, принятое в 2003 году. Иностранцы СМИ обвинили Газпром в использовании административного ресурса с целью выдвинуть конкурентов из России. Доля Shell вскоре была выкуплена Газпромом.

Почти одновременно с Сахалином был решен и вопрос Штокмановского месторождения. В течение трех лет Газпром заманивал европейцев и американцев к участию в разработке этого проекта. Норвежские Statoil и Hydro, французская Total и американские Chevron и ConocoPhillips боролись за право стать партнерами Газпрома. Но жестокая осень

2006 года все повернула иначе. 9 октября глава Газпрома Алексей Миллер объявил, что Штокман не достанется никому. Из него будут осуществляться поставки газа по новому трубопроводу в Германию, а разрабатывать его будет сам Газпром. Это было похоже на пощечину.

Вскоре Владимир Путин еще раз пытался показать Европе, что несложившиеся отношения можно склеить.

В декабре 2006 года российский президент в ходе визита в Германию предложил Ангеле Меркель не только переориентацию почти всего (до 55 миллиардов кубометров из 70 возможных) газа Штокмана на Германию, но и «энергетический пакт». Фактически Германии предлагалось стать европейским центром дистрибуции газа: Газпром должен был поставлять газ, Германия – распределять и продавать. Ангела Меркель вежливо согласилась принять газ, но об «энергетическом пакте» не было сказано уже ни слова. Зато спустя месяц Ангела Меркель договорилась о создании энергоальянса с Францией – но без России.

Любовь между Европой и Газпромом закончилась. В качестве плодов этой недолгой и скандальной романа на руках у Газпрома остались едва начатый «Северный поток» да Герхард Шредер за 250 тысяч евро в год.

Проблема на дне

Все то время, пока Газпром и Западная Европа выясняли отношения, внимания на Восточную Европу почти никто не обращал. А тем не менее Польша и страны Балтии продолжали активно выступать против проекта «Северного потока», заявляя, что на дне Балтийского моря имеются захоронения химического оружия, оставшиеся там еще с Первой мировой войны. Их реплики, в общем-то, никого не пугали. Но потом неожиданная помощь противникам «Северного потока» пришла со стороны Москвы.

Один из самых ощутимых ударов по реализации проекта «Северный поток» удалось нанести самой маленькой из прибалтийских стран – Эстонии. Летом 2007 года эстонские власти не дали согласие на то, чтобы труба проходила в эстонских территориальных водах.

Другого ответа от эстонских властей было трудно ожидать – Россия сама едва ли не вынудила ее отказать. Как нарочно, буквально за месяц до принятия Таллином это важного для Газпрома решения, между Россией и Эстонией разразился грандиозный конфликт.

Еще в 2006 году в Таллине стали предлагать перенести памятник советскому воину-освободителю (так называемого Бронзового солдата) с одной из центральных площадей города на мемориальное кладбище. Проблема обсуждалась целый год, который оказался в Эстонии предвыборным – одни партии пошли на выборы под лозунгом переноса Бронзового солдата, другие (ориентирующиеся на русскоязычных) – выступали против.

Выборы прошли: те, кто хотели передвинуть памятник, победили. И вскоре они начали реализовывать свои планы.

Вот тут-то стали происходить странные вещи. В России перенос Бронзового солдата вдруг вызвал колоссальный резонанс – намного больший, чем в свое время снос Берлинской стены или памятника Феликсу Дзержинскому на Лубянской площади. Больше пятнадцати лет российская общественность совершенно не интересовалась событиями в сопредельных республиках – тем более в не входящей в СНГ Прибалтике. Но в апреле 2007 года российские телеканалы вдруг обратили все свое внимание на Эстонию, а подразделение администрации президента РФ, отвечающее за связи с соотечественниками, стало активно помогать русскоязычным организациям в Эстонии, в первую очередь радикальным.

26 апреля 2007 года, в тот день, когда памятник перенесли, начались события, которые напугали многих европейцев едва ли не больше, чем предыдущие газовые конфликты. Сначала митинг противников переноса памятника в Таллине перерос в грандиозный ночной погром. А потом в Москве молодежная группировка «Наши» взяла в осаду эстонские посольство и консульство, а вместе с ними и целый квартал в центре российской столицы. Молодые люди несколько раз нападали на машину посла Марины Кальюранд и сожгли флаг

на посольстве. Они взяли на себя контроль над всем кварталом: почти круглосуточно изводили громкой музыкой сотрудников посольства, а заодно и жителей близлежащих домов. Милиция равнодушно взирала на это со стороны.

Новости, передаваемые по российскому телевидению, напоминали военные сводки: создавалось впечатление, что переносом памятника из одного места в другое Эстония (самое маленькое из государств, граничащих с Россией как по площади, так и по численности населения) объявила России войну. Впервые Россия оказалась в состоянии прямого конфликта со страной, входящей в Евросоюз.

Страсти улеглись только к середине мая, уже после Дня Победы. С какой целью проводилась эта идеологическая кампания, так и осталось непонятным. Возможно, единственным ее последствием стал убыток в несколько миллиардов долларов, понесенный Газпромом. Поскольку вскоре после конфликта Эстония отказалась предоставить свое дно под “Северный поток”. Любопытно, что почти все специализированные ведомства, опрошенные эстонским правительством, стараясь воздержаться от политики, рекомендовали дать добро на прокладку трубопровода. Однако благодаря Бронзовому солдату и шумихе вокруг него, сделка сорвалась, и Газпрому пришлось начинать переговоры с Финляндией о прокладке трубы по ее территориальным водам. Финское дно имеет более сложный ландшафт, кроме того, отказ Эстонии означал годовую задержку в начале строительства – Газпрому пришлось дожидаться следующего лета.

Свою роль в российско-эстонском конфликте сыграл и Герхард Шредер. Он, видимо, по просьбе своих российских партнеров был едва ли не единственным европейским политиком, который выступил с яростной критикой действий Таллина, заявив, что перенос Бронзового солдата противоречит всем мыслимым законам. Подобное заявление он сделал как раз накануне намеченного визита в Таллин, где должен был обсудить с премьером Андрусом Ансипом предстоящую прокладку трубы. Ансип в ответ от встречи демонстративно отказался, и переговоры так и не состоялись.

– Отказ Эстонии приведет, скорее всего, к задержке, а не к невозможности строительства. Проект будет реализован, – уверяет нас Буркхард Бергман.

Дети Газпрома

В офисе E.ON, совсем неподалеку от кабинета Бергмана, слышна русская речь.

– Это люди из Газпрома. Они часто приезжают к нам в Эссен на стажировку. У нас развитые программы обмена, – объясняют нам.

Всего в восьми минутах езды от Эссена находится Гельзенкирхен. Там «людей Газпрома» еще больше. По улицам города расхаживают добропорядочные немцы в футболках с гордой надписью Gazprom.

Гельзенкирхен – одно из немногих мест в Европе, где Газпром, наверное, искренне любят. Газпром является главным спонсором местной футбольной команды “Шальке 04”.

– Ну, конечно, раньше мы тоже ничего не знали про Газпром. Думали, это русская мафия, – рассказывает директор отдела маркетинга футбольного клуба “Шальке 04” Андреас Штайнигер. – Но потом, когда они приехали сюда, мы поняли, что они нормальные бизнесмены, это прозрачная европейская компания, которая умеет работать.

– А почему Газпром из всех немецких футбольных клубов выбрал именно ваш?

Андреас смущенно улыбается и начинает пересказывать те слова, что говорят в таких случаях менеджеры Газпрома:

– Ну, Газпрому близки наши ценности, те традиции, которыми сильна наша команда. Мы больше всего ценим трудолюбие. Гельзенкирхен – это город шахтеров, и в начале века, когда клуб только создавался, в футбольной команде играли горняки. Мы с утра до вечера работаем, добываем уголь. Газпром – добывает газ. Именно поэтому они нас и выбрали.

На самом деле история сближения Газпрома и “Шальке 04” чуть более запутанная.

Штайнигер признает, что первым русским, который проявил интерес к “Шальке 04”,

был глава “Лентрансгаза” Сергей Фурсенко. В Германии о нем знают еще то, что он президент футбольного клуба “Зенит”, ставшего в 2007 году чемпионом России, а в России – что он брат министра образования и науки России Андрея Фурсенко и давний друг президента Путина. Фурсенко якобы обратил внимание на то, что у “Шальке 04” и “Зенита” одинаковые цвета.

Было это еще в начале 2006 года, в тот момент, когда имидж Газпрома в Европе стремительно ухудшался. В Газпроме этого не видели и не хотели в это верить. Но поверить пришлось, и возникла идея улучшить свои позиции за счет футбола. Топ-менеджеры Газпрома вспомнили Романа Абрамовича, который благодаря статусу владельца “Челси” стал британской знаменитостью, и захотели сделать Газпром коллективным Абрамовичем. Однако купить футбольный клуб по правилам УЕФА Газпром не мог, поскольку у него и так уже есть футбольный клуб “Зенит”. Одному владельцу, по правилам, не могут принадлежать две команды, имеющие возможность встретиться в одном турнире, например, в кубке УЕФА. Это значит, единственным выходом было взять клуб под свою спонсорскую опеку.

Доподлинно известно (по крайней мере, так уверяют в Гильзенкирхене), что решение Газпрома взять из всего множества европейских клубов под опеку именно “Шальке 04” было принято после телефонного разговора Сергея Фурсенко и Герхарда Шредера. Президент “Зенита” просил бывшего германского канцлера связать его с руководителями футбольных клубов бундеслиги, в том числе и “Шальке 04”. Но проблема в том, что Герхард Шредер – вовсе не болельщик команды из Гельзенкирхена. Причем это еще мягко сказано. Всем в Германии известно, что любимый клуб Шредера – дортмундская “Боруссия”. А “Боруссию” и “Шальке 04” связывает давняя лютая ненависть. Соперничество двух клубов – принципиальное, и их фаны обязаны друг друга ненавидеть.

И тем не менее Шредер дал Фурсенко именно телефон президента “Шальке 04” Клеменса Тенниса. И без того раскритикованный немецкими СМИ бывший канцлер понял, что если он сведет Газпром к своему любимому футбольному клубу, то от обвинений ему будет уже никогда не отмыться. И он предпочел пойти от противного, посоветовав Газпрому свой самый нелюбимый клуб – чтобы никто не упрекнул его в пристрастности.

Летом того 2006 года в Германии проходил Чемпионат мира по футболу. Среди прочих болельщиков, приехавших посмотреть на матчи, были и топ-менеджеры Газпрома во главе с Алексеем Миллером. Сборная России на тот чемпионат не попала, а болеть за Украину спустя полгода после «газовой войны» они, видимо, сочли слишком циничным.

Смотреть футбол болельщики из Газпрома пошли как раз в Дортмунде – городе, где играет любимая Герхардом Шредером “Боруссия”. Оттуда Алексей Миллер доехал до соседнего Гельзенкирхена, посмотреть на стадион и на команду. Вскоре все было решено.

Подписание договора между Газпромом и “Шальке 04” было решено отложить до осени – до тех пор, когда президент Путин приедет с визитом в Германию. Но к осени отношения Газпрома и Европы ухудшились.

10 октября 2006 года, через три дня после своего дня рождения и на следующий день после объявления о том, что Газпром будет разрабатывать Штокман самостоятельно, Владимир Путин приехал в Дрезден. В город, в котором когда-то служил. Переговоры с Ангелой Меркель прошли не слишком успешно, но все же Газпром объявил о намерении спонсировать “Шальке 04”. Владимир Путин предложил Ангеле Меркель совместно принять участие в подписании соглашения между Клеменсом Теннисом и Сергеем Фурсенко. Но Ангела Меркель отказалась, решив, что не будет делать Газпрому дополнительного пиара. Владимир Путин благословил Газпром и “Шальке 04” единолично, заявив, что «слухи о том, что Газпром может купить эту футбольную команду, должны рассеяться», потому что если бы Газпром и вздумал что-то покупать в Германии, так сразу всю бундеслигу.

Сейчас вокруг стадиона Veltins-Arena, на котором играет “Шальке 04”, развеваются флаги Газпрома. Одна из трибун называется «трибуной Газпрома», а среди частных лож, которые принадлежат спонсорам команды, есть и ложа Газпрома. Хотя она отнюдь не самая центральная и не самая большая – болельщики из Москвы и Санкт-Петербурга приезжают

поболеть за “Шальке 04” нечасто.

Но самое главное – слово Gazprom теперь красуется на груди всех футболистов команды, и в своей сине-белой форме футболисты действительно совершенно не отличаются от игроков “Зенита”. Если не всматриваться, то и Гельзенкирхен местами начинает напоминать российский город.

Мы обходим владения клуба “Шальке 04”. Здесь всего четыре футбольных поля, включая главную арену. На двух из них тренируются юношеские команды. Мимо нас с криками пробегают маленькие футболисты лет шести – на каждом из них красуется фирменная футболка «взрослого» “Шальке 04” с надписью Gazprom.

– Вы знаете, нас в действиях Газпрома очень подкупает то, что ему от нас ничего не надо, – радуется Андреас Штайнигер. – Мы точно знаем, что он не хочет купить клуб – ну хотя бы потому, что клуб невозможно купить. У него нет владельца. Он принадлежит тридцати тысячам членов клуба, нашим болельщикам. Газпром никак не хочет повлиять на политику клуба – не вмешивается в то, каких игроков мы покупаем, а каких продаем. Он даже не требовал для себя места в совете директоров. Это очень хорошо. Я надеюсь, наше партнерство продлится еще очень долго. Контракт заканчивается в 2010 году, но я думаю, что мы будем продлевать его и дальше.

Слово «Газпром» появилось на официальной символике клуба всего лишь полгода назад, а в сувенирном магазине “Шальке 04” уже полно плюшевых медвежат в сине-белой форме и надписью «Газпром».

– Почем медвеженок?

– Восемь с половиной евро. А вы из России? Покупайте, это же ваш, русский медведь. Оказывается, в Европе вполне могут любить русских медведей. Если они плюшевые.

Глава 11

Страна Газпром

Гражданское чувство

Девочка играет во дворе с обручем. Это телевизионная реклама. Неизвестно, зачем газовому монополисту рекламировать себя среди потребителей, которые отчаянно нуждаются в его газе и будут покупать этот газ по любой цене. Однако же Газпром рекламирует себя. Возможно, телевизионная реклама – это просто законный способ передать деньги Газпрома принадлежащим ему средствам массовой информации. Но, может быть, и больше. Кадр сменяется, девочка, игравшая с обручем во дворе, выступает уже с обручем на профессиональном гимнастическом помосте. И газ бежит по трубам, и синим цветком зажигается огонек в газовой горелке. И как-то в сознании телезрителя должно связаться то, что газ летит по трубам, с тем, чтобы никому не нужная одинокая девочка во дворе стала чемпионкой по гимнастике. «Все у нас получится», – говорит голос за кадром. Непонятно, у кого получится и что. Но голос такой уверенный, такой мягкий, такой спокойный, что хочется верить, будто получится все и у всех: у девочек – стать гимнастками, у Газпрома – повысить капитализацию до пятисот миллиардов, у акционеров Газпрома – получить хорошие дивиденды, у России – стать, наконец, счастливой страной благодаря Газпрому. У нас, у всех, получится. Сбудутся все мечты. Потому что газ летит по трубам. Потому что компания Газпром контролирует его. Просто поверьте. Надо полагать, в России людей, почитающих газ божеством, больше, чем верящих в Бога. Надо думать, к руководителям Газпрома подавляющее большинство людей относятся не просто как к менеджерам, управляющим огромными финансовыми потоками, а скорее как к жрецам, камлающим неведомому, невидимому, могущественному, но и человеколюбивому божеству. Потому что девочка... огонек горелки... все получится – чудо!

В девяностые годы люди, работавшие в Газпроме, любили говорить про свою

компанию: «единственное, что скрепляет страну». И не находили понимания. Подавляющему большинству населения казалось, будто страну скрепляет язык, общая культура, судьба, демократические ценности, телевизор, наконец. Большинство граждан России никогда не видели Центральной диспетчерской в главном здании Газпрома в Москве на улице Наметкина, и поэтому словно бы не приобщались к эзотерическому газпромовскому знанию. С тех пор цены на газ значительно выросли, акции Газпрома подорожали почти в двадцать раз, государство консолидировало в своих руках больше половины акций, Центральную диспетчерскую многожды показывали по телевизору – и символ веры сложился.

Главный диспетчер Александр Рузаев (особый газпромовский тип простодушного добряка: поднявшийся на руководящие должности с самых низов, видевший газ, нюхавший газ, промерзавший насквозь в тундре, кормивший собою мошку) включает на экране один газопровод за другим, рассказывает забавные байки и любителю тем впечатлением, которое неизменно производит на зрителя тот факт, что газопроводы сложатся в конце концов в кровеносную систему страны.

– Газовики все открыли, – говорит Рузаев. – Даже тайну Бермудского треугольника.

Дальше следует в духе Жюль Верна объяснение про какие-то водоросли, которые будто бы во глубине Бермудского треугольника вырабатывают газ, поглощающий корабли и самолеты, а газовики это открыли, так что теперь в Бермудском треугольнике не будут гибнуть корабли и самолеты, а будут добывать газ простодушные и жизнерадостные добряки вроде Рузаева.

Тем временем на экране загораются светящиеся нити. Нитями газопроводов связываются друг с другом сначала Москва и Саратов, столица и великая русская река Волга. Потом кровеносная система соединяет Москву с Западом. Потом и с Востока к Москве тянется нитка, а другая нитка ползет вверх по Уралу, обеспечивая энергией работающие там заводы. Потом густой прядью устремляются на Запад газопроводы с Ямала и из Сибири. И на Северном Урале пересекают друг друга, образуя Большой Крест, который, если смотреть с вертолета, выглядит как нарочно выстроенный знак небесам, а на экране диспетчерской выглядит как флаг крестоносцев. А другие газопроводы уходят через Украину и Белоруссию в Европу. И через Черное море – в Турцию. И через Балканы – в Италию. И через Северное море – в Германию.

– Вот! – говорит Рузаев с гордостью, как показывают Ниагарский водопад, или Большой Каньон, или Кельнский собор, или Эйфелеву башню. – Вот! Страна!

На экране его диспетчерского пульта действительно страна. Россия, хотя и без Дальнего Востока и без Кавказа. Приблизительно такая страна, какая и есть на самом деле. Там, где Газпрома нету – либо будущий Китай, либо будущие исламские государства. Тогда как Россия, которую мы знаем (любим, ненавидим, клянем, славим, реформируем, теряем), не может быть определена ни как православная земля, ни как славянская, ни как европейская – только как газовая. Странное чувство, которым, кажется, всерьез живут как минимум триста тысяч человек, работающих в Газпроме, плюс примкнувшая к ним телевизионная паства, уверовавшая в рекламный клип про девочку с обручем.

Газпром не платит огромных дивидендов. В 2006 году, когда прибыль компании составила 25 миллиардов долларов, на дивиденды было истрачено всего лишь 10 процентов прибыли. Зампред правления Газпрома Александр Медведев говорит, что такие выплаты нормальны, потому что нельзя же все заработанные деньги сразу разделить и разбежаться, надо думать о будущем, надо инвестировать, надо осваивать новые месторождения и прокладывать новые газопроводы.

Мы сидим на шестом этаже в кабинете Медведева в главном здании Газпрома. Мы знаем, что нормальная практика в западных компаниях предполагает выделять на дивиденды приблизительно половину прибыли. Кабинет украшен мечами и саблями. Медведев угощает нас бутербродами с семгой и говорит:

– Компании, которые пускают большую часть прибыли на дивиденды, это же

несерьезно. Это же компании-однодневки.

Акционеры Газпрома в последние годы зарабатывали вовсе не на том, что как-то всерьез участвовали в прибылях компании, а на том, что Газпром головокружительно дорожал. Почти в двадцать раз за десять лет. Сейчас, когда капитализация компании снизилась с 300 миллиардов долларов до 250 миллиардов, не время даже и продавать акции, фиксируя прибыль. Разумнее всего акции держать, ощущая себя частью чего-то великого, надеясь на то, что рано или поздно будут разработаны огромные запасы газа, и проведен газопровод в Китай, и новый газопровод в Европу, и выстроены терминалы, для того чтобы по морю в танкерах возить сжиженный газ в Америку. Разумно относиться к Газпрому не как к компании, акционером которой являешься, а как к стране, которой ты гражданин. Не будешь же, честное слово, эмигрировать из страны всякий раз, когда парламент сокращает социальные выплаты. Эти 10 % дивидендов, которые платит Газпром, удивительным образом похожи на 9 % государственного бюджета, которые в конце 90-х годов расходовало на социальные выплаты правительство Черномырдина. Газпром, таким образом, относится к акционерам как к социальным иждивенцам и платит дивидендов столько же, сколько правительство Черномырдина платило пенсий. Путинское правительство, к слову сказать, платит пенсионерам в два раза меньше. И в этом смысле Газпром – страна. Лучшая страна, чем та, на территории которой расположены его месторождения и его газопроводы.

Бывший министр топлива и энергетики Борис Немцов говорит, правда, что на самом деле прибыли Газпрома существенно занижены. По словам Немцова, Газпром в 2006 году заработал не 25 миллиардов долларов, а миллиардов тридцать, и неучтенные деньги осели в карманах газпромовских топ-менеджеров в полном соответствии с открытием Бориса Березовского, что в России надо не владеть компанией, а контролировать ее финансовые потоки. Возможно. У нас нет доказательств правоты Немцова, но даже если он прав, это значительно ниже уровня коррупции в целом по России.

Признаки страны

Когда идешь по зданию Газпрома на улице Наметкина, чувство, что компания устроена, как страна, и, не слишком афишируя это, считает себя более реальной страной, чем сама Россия, возникает постоянно. Здесь есть собственное здравоохранение: газпромовская поликлиника занимает целый этаж в левом крыле здания. Здесь есть собственная банковская система: “Газпромбанк”, отделения которого расположены не там, где живут по большей части люди, а там, где живет газ. Валюта, кстати, в стране Газпром – не рубль вовсе, а такая, которую в данный момент удобно использовать: евро, доллар, китайский юань. Подобная валютная система существует в странах (вроде Черногории), отделившихся от прежней своей метрополии и ожидающих, что их примут в Евросоюз, например. Здесь есть своя авиакомпания “Газпромавиа”, и маршруты ее проложены, опять же, не туда, куда надо лететь по своим делам людям, а туда, куда надо лететь по своим делам газу.

Глупо даже спрашивать у Александра Медведева, зачем Газпрому непрофильные активы, зачем ему телевидение, радио, газеты – затем, что в стране должны быть свои телевидение, радио и газеты, как вы не понимаете? Глупо спрашивать, зачем Газпрому энергетические компании, угольные... Глупо выяснять, зачем почти каждому подразделению Газпрома нужны свинофермы, кирпичные заводы и предприятия, занимающиеся разливом артезианской воды. Какие вы непонятливые: просто все это есть в любой нормальной стране, а Газпром – страна. Вы когда-нибудь видели, чтобы, даже если это выгодно, страна отдавала, например, свое сельское хозяйство на аутсорсинг? Не видели. Потому что это компания имеет цель приносить прибыль акционерам. А страна имеет цель – жить.

Глупо спрашивать, зачем Газпрому строить в Санкт-Петербурге огромный офис, пресловутую башню Газпрома, по поводу которой протестует вся питерская интеллигенция. Как зачем? Потому что в центре страны должна быть башня. В Британии – Биг Бэн, во Франции – Эйфелева, в Америке – башни-близнецы, вечная им память. А в стране Газпром

будет огромная башня на Охте.

Питерская интеллигенция отчаянно протестует против башни, дескать, небоскреб нарушает высотный регламент города, принятый еще при Александре I, согласно которому в центре нельзя строить никаких зданий выше 28 метров (высоты Зимнего дворца), а вокруг центра – выше 48. А исключения можно делать только для храмов. «Газпром возомнил себя выше Бога», – гневаются питерские интеллектуалы. Они сетуют и на то, что башню планируют построить на территории бывшей шведской крепости Ниеншанц, где строительство запрещено российским законодательством.

Против строительства башни выступают и всевозможные союзы архитекторов (и питерские, и московские, и российские), и могущественный директор Эрмитажа Михаил Пиотровский, и городские оппозиционеры, и даже ЮНЕСКО, грозящее исключить Санкт-Петербург из списка мирового архитектурного наследия. Но Газпрому, кажется, не страшно. Единственное изменение, на которое он решился под давлением общественного мнения, – переименовал стоящийся городок, в центре которого и будет стоять башня, из “Газпром-сити” в “Охта-центр”. И уже договорился с мобильными операторами, что на башне можно будет установить их антенны. И пообещал метеорологической службе, что та сможет разместить на шпиле свою технику – и даже, говорят, денег выделил.

А еще Газпром заказал мощную социальную рекламу: съемочная группа должна поехать, скажем, в Париж и проинтервьюировать французских интеллектуалов. А они вспомнят, как столетие назад парижская интеллигенция протестовала против Эйфелевой башни, а потом, когда башню построили, смирилась – и оказалась, что все эта башня всем по нраву.

Одна молодая журналистка, которой предложили брать интервью для этой рекламы, со слезами на глазах рассказывала нам, что уже было согласилась – а как же, тысяча долларов за съемочный день, да еще и бесплатная поездка в Париж. Ей просто не сказали, что именно предстоит рекламировать. А когда поняла, почему-то отказалась.

– И почему я отказалась? Это ведь не преступление, – говорила она нам, – с одной стороны, в том, чтобы рекламировать башню Газпрома, нет ничего страшного. Но все равно соглашаться было нельзя, правда ведь?

Но все ценители питерской архитектуры с ее незыблемой горизонталью, которые так неистово и принципиально борются с газпромовской эстетикой, все свои разговоры заканчивают признанием:

– А все равно эта башня, конечно, будет. Вырастет сама собой, чтобы мы ни делали.

Они, конечно, не понимают, что в стране Газпром свои законы и свои правила – даже не такие, как в стране Россия. Башня – это внутреннее дело страны Газпром, а любое вмешательство извне, со стороны граждан России, граждане страны Газпром резонно воспринимают как вмешательство в свои внутренние дела.

Чтобы положить конец разговорам газпромовское начальство тайно созвало главных питерских телевизионных и газетных редакторов и тайно сообщило им, что, дескать, башня неизбежна, потому что в ее шпиле должен быть установлен какой-то там военный локатор, око, обозревающее все, что творится у соседей. Главные редактора, попавшись на откровенную газпромовскую утку, притихли, не заметив даже, что секретное объяснение необходимости башни газпромовское начальство позаимствовало из фильма “Властелин Колец”, где злокозненный властелин мира Саурон жил в башне, с вершины которой взирало на мир всевидящее властелиново око. Пусть их! Пусть верят: страна, башня, око!

Летом 2007 года российский парламент принял закон, разрешающий Газпрому вооружать свои охранные подразделения настоящим боевым оружием. «Какой ужас! Газпром создает свою армию!» – кричали либеральные журналисты, включая и авторов этих строк. Газпром терпеливо объяснял, что вооруженные боевым оружием подразделения нужны компании для того, чтоб охранять газопроводы. И логика «ужаса» постепенно становилась понятна: если Газпром – страна, то даже у самой маленькой и самой миролюбивой страны должна быть армия, защищающая национальное достояние, например,

людей. А Газпром не маленькая страна, он – страна огромная, и поэтому ему нужна армия, чтобы защищать свое национальное достояние – газ.

Еще есть у Газпрома, как у любой нормальной страны, своя футбольная команда. Она называется “Зенит”. У великой страны команда должна быть сильная – и “Зенит” является чемпионом России. Когда Российский футбольный союз подыскивал для сборной страны именитого зарубежного тренера, его руководитель Виталий Мутко (бывший президент клуба “Зенит”), как известно, вел переговоры с двумя известными голландскими специалистами: Гусом Хиддинком и Диком Адвокатом. В итоге тренером сборной России стал Хиддинк. А Адвокат стал тренером “Зенита”. Хотя могло быть и наоборот. Ведь “Зенит” ничуть не менее важен для своей страны, чем сборная России – для своей.

Сейчас Газпром строит для “Зенита” стадион – на месте старого стадиона имени Кирова, памятника советской архитектуры. Когда на заседании питерского правительства обсуждался проект строительства нового стадиона и обустройства прилегающей территории, губернатор Валентина Матвиенко сказала, обращаясь к главе комитета по охране памятников Вере Дементьевой: «Надо посмотреть, нужен ли там памятник Кирову. Времена меняются, поэтому можно подыскать для него альтернативное место. Это же будет уже не стадион имени Кирова, а стадион “Зенита”. Может быть, там тогда уже лучше поставить памятник Алексею Борисовичу Миллеру или Сергею Александровичу Фурсенко».

Между страной Газпром и страной Россия – территории их отчасти совпадают – бывают и смешные примеры сходства. Как, например, руководители России не считают для себя возможным ездить вместе с простыми гражданами по улицам Москвы в плотном потоке машин, так и руководители Газпрома не считают для себя возможным ездить с простыми сотрудниками в одном лифте. Справа от центрального входа здания на улице Наметкина для членов правления есть особый лифт, и это неплохо: думается, простые москвичи обрадовались бы, если бы в России не перекрывали для проезда президента каждый день на сорок минут центральные улицы, а построили бы нарочно для любимого руководителя отдельные дороги.

В каждом кабинете сколько-нибудь значимого газпромовского начальника непременно висят портреты президента России Владимира Путина и главы правления Газпрома Алексея Миллера. Но висят эти портреты всегда как будто не всерьез, как бы с каким-то небрежением или даже иронией. Судя по описаниям главного газпромовского здания, которые нам случалось встречать в западноевропейской прессе, европейцы, придумавшие иронию в начале девятнадцатого века, к началу двадцать первого разучились иронию понимать. Западные журналисты пишут, что здание Газпрома мрачное (при том, что оно белое), что у пресс-секретаря Газпрома Сергея Куприянова жестокое лицо (при том, что, не будучи ангелом, конечно, выражение лица Куприянов имеет беззащитное, как часто бывает у близоруких людей).

Между тем, ни один западный корреспондент не обратил внимания, что в кабинете Сергея Куприянова в качестве портрета Путина прикреплен на стене увеличенная и забранная в багет обложка журнала “Шпигель”, где Путин в форменной военной шапке смотрит на Европу поверх газовых труб, словно поверх артиллерийских стволов. А портрет главы правления Алексея Миллера висит у Куприянова вместе с рекламой пива Миллер, украшенной слоганом «It’s Miller Time». Удивительная ненаблюдательность.

Мы спрашиваем у замглавы правления Александра Медведева, почему компания Газпром имеет на Западе такой плохой имидж, что приходится для исправления этого имиджа нанимать американские пиар-конторы и спонсировать немецкий футбольный клуб “Шальке 04”. Медведев отвечает, что имидж плох будто бы оттого, что большинство статей западных корреспондентов инспирированы конкурентами. Удивительная мнительность.

У других газпромовских начальников портреты Путина и Миллера если и не являются перепечатанным из иностранных изданий карикатурами, то представляют собою фотографию (часто вместе с хозяином кабинета), просто фотографию, вроде семейной, в простом паспорту.

Настоящие портреты, изображающие отцов-основателей, руководителей и вождей, висят в приемной при входе в зал заседаний правления. В тяжелых дубовых рамах, в человеческий рост величиной, писанные маслом по холсту, с мудрыми и добрыми глазами, с судьбоносными документами в руках – советский министр нефтяной и газовой промышленности Алексей КОРТУНОВ, его преемники САБИТ ОРУДЖЕВ и ВАСИЛИЙ ДИНКОВ, последний советский газовый министр и первый глава концерна Газпром ВИКТОР ЧЕРНОМЫРДИН, его преемник РЕМ ВЯХИРЕВ. Нынешнего главы Газпрома Алексея Миллера в портретной галерее пока нет. Портрета президента Путина в галерее при входе в зал правления Газпрома тоже конечно нет. Потому что для страны Газпром президент Путин никто – так, глава другого государства.

Рецепт счастья

Если же посмотреть, как в стране Газпром живут люди, то люди живут неплохо. Лучше, чем в целом по России: деятельно и счастливо, трезво, весело и небедно. С газпромовским инженером мы летим на вертолете вглубь полуострова Ямал, на Байдарацкую губу, на берег Ледовитого океана, туда, где строится городок газовиков, долженствующих проложить по тундре участок газопровода и построить посреди пустоты компрессорную станцию. Мы поругались с вертолетчиками. На этот раз свободного вертолета компании “Газпромавиа” нам не досталось, и мы вынуждены были воспользоваться услугами местной авиационной компании “Ямал”. Командир обшарпанного Ми-8 сначала сказал нам, что к Северному Ледовитому океану не полетит, потому что там, дескать, нет погоды. Мы попросили его показать метеосводки, и он отвечал: «Ну, ладно, есть погода». Потом командир заявил, что не полетит к Северному Ледовитому океану, потому что у него до океана не хватит горючего. Мы попросили его показать приборы и особенно датчик топлива. «Ну, ладно, полечу», – отвечал командир, которому просто было лень лететь четыре часа над тундрой и наплевать, что завтра у людей там в лагере окончатся еда и солонка, чтобы отапливать строительные вагончики, в которых люди живут.

Инженер, с которым мы летим, говорит, что газпромовские вертолетчики никаких подобных капризов не позволили бы себе никогда в жизни. Люди у них работают честно.

Мы миновали отроги северного Урала, мы пролетели бескрайне разлившуюся реку Обь, мы потеряли счет времени, которое висели над тундрой, различая внизу только стоянки ненцев. Пара сшитых из шкур яранг, стадо оленей неподалеку, а вокруг – непроходимая пустота, так что непонятно, как посреди этой пустоты могли оказаться люди. Наконец вертолет снижается над полярной станцией газовиков и, перекрикивая шум винтов, инженер указывает на несколько затерявшихся посреди тундры вагончиков:

– К зиме, – кричит инженер, – здесь построят столовую, обнесут территорию станции колючей проволокой и выставят охрану, – инженер смеется. – И будет совсем как на зоне.

Если учесть, что на полярных станциях Газпрома сухой закон и нельзя выпить даже пива, если учесть, что, выйдя со станции в тундру, идти некуда, если учесть, что уехать со станции самому невозможно, а можно только ждать, пока тебя со станции заберут, то место, в которое мы прилетели, действительно похоже на тюрьму. С той только разницей, что в это заключение люди заточают себя добровольно за высокую зарплату и пресловутый социальный пакет (то есть медицинская страховка, бесплатный отдых на море, бесплатные поездки домой, бесплатные кружки художественной самодеятельности, бесплатные спортивные занятия и ранняя высокая пенсия). Вместе с нами на станцию летят две поварахи, которым предстоит на полярной станции готовить рабочим еду, получая зарплату около тысячи долларов в месяц. Одна повараха – пожилая женщина, а другая – совсем молодая девушка. Девушка спит. Ее не пугает не только полет на разваливающемся вертолете, но и перспектива прожить полгода посреди пустоты в бараке, охраняемом людьми с настоящим боевым оружием и обнесенном колючей проволокой. Хочется спросить ее: а как же танцы?

Песни и танцы

Впрочем, танцы в стране Газпром тоже предусмотрены. Мы сидим с сотрудником пресс-службы Романом Сахартовым в газпромовском концертном зале, расположенном в главном здании компании в Москве на улице Наметкина. В этом зале каждый год происходят собрания акционеров, но сейчас – праздник, День газовика. В День газовика на главной сцене Газпрома выступают сотрудники компании, победившие в газпромовском конкурсе художественной самодеятельности “Факел”.

Всех победителей конкурса Сахартов знает лично и тихонько рассказывает о каждом из выступающих. Вот поздравительную речь зачитывает зампред правления Газпрома Ананенков. Он вытаскивает из кармана сложенную вчетверо бумажку с заранее подготовленным текстом. Класть бумаги в красивые папки в Газпроме не принято. На протокол в Газпроме наплевать.

Вот начинается концерт, и девочка лет семи исполняет гимнастические чудеса, заворачиваясь в узлы и просовывая собственное тело по пояс у себя между щиколоток, как умеют только китайские спортсменки. Сахартов про нее рассказывает, что девочка к Газпрому не имеет никакого отношения, что родители у девочки спились, а бабушка просто отвела малышку в студию, устроенную компанией “Томсктрансгаз”.

Вот дети из тюменского ансамбля “Лапушки” танцуют танец пингвинов. И очень неплохо, между прочим, танцуют, если бы танцы детских ансамблей не напоминали так неизбежно советские времена.

Вот певица по имени Алина поет протяжно, опять же как на советских юбилейных концертах:

Спой мне, матушка, спой
О людях с душою красивой.
Спой мне, любимая, спой
О матери нашей России.

Сахартов рассказывает что-то о внутригазпромовской профессии певицы, но хочется слушать текст и думать, что Газпром по отношению к России – это дочерняя страна, как у самого Газпрома бывают дочерние компании.

Потом – фантастический по профессионализму – эквилибр в исполнении девушки, про которую Сахартов шепчет, что она, кажется, работает в “Запсибгазпроме” бухгалтером. Потом сотрудник “Оренбурггазпрома” по имени Виктор поет (и неплохо!) арию Мистера Икс из оперетты “Принцесса цирка”. Потом на сцене появляется девушка из “Оренбурггазпрома” Людмила Несветаева, чтобы спеть песню собственного сочинения:

И как огонь по земле, разоренной нами,
Летает конь, белый конь летает.

Она хорошая певица, талантливая песенная поэтесса и, наконец, просто красавица. Совершенно непонятно, почему она не участвует в многочисленных телевизионных конкурсах, которые что ни день на каждом российском телеканале устраивают для певичек и певчиков, которые, будучи натасканы продюсерами, за пару месяцев запросто попадают из категории шпаны в категорию звезд.

– Почему? – спрашиваем мы Сахартова.

– Как не участвует? – удивляется Сахартов. – Вот же она участвует в газпромовском конкурсе “Факел”.

Страна Газпром самодостаточна. Для страны Газпром нет ничего вне ее границ, что имело бы значение. Людмиле Несветаевой так же странно было бы участвовать в любом

конкурсе, кроме газпромовского, как итальянской молодой певице, например, странно было бы участвовать в российском конкурсе “Фабрика звезд”.

Наш газ

Наоборот, для внутригазпромовских событий, будь то культурные события или спортивные, могут быть приглашены легионеры из внешнего мира. С лидером рок-группы “Чайф” Владимиром Шахриным мы сидим в кафе на центральной площади Белгорода, где проходит ежегодная газпромовская спартакиада.

Сегодня день закрытия. Уже прошли соревнования по футболу, настольному теннису, гиревому спорту. В некоторых видах спорта, особенно командных, для улучшения результатов, наряду с газпромовскими сотрудниками, были приглашены профессиональные спортсмены. Уже проводили белгородского губернатора Савченко на волейбольный финал охранники, грубо расталкивая всех, кто попадался по пути, прижимая людей лицами к стенам, чтобы привести начальника в зал и посадить рядом с главой “Мострансгаза” Алексеем Голубничим, который в этом году организовывал соревнования. Уже был баскетбольный финал, на котором, видя, что команда “Мострансгаза” выигрывает у команды “Волготрансгаза”, Голубничий кричал своим подчиненным: «Дай ему забить! Дай ему забить!», демонстрируя газпромовское понимание великодушия – сначала победить, а потом позволить противнику покинуть поле битвы не так чтобы с позором. Уже состоялись награждения героев на площади перед гимнастическим центром имени чемпионки мира Светланы Хоркиной, рядом с памятником (выше человеческого роста) Светлане Хоркиной, которая, дай ей бог здоровья, жива и здравствует. Уже Алексей Голубничий рассказывал нам, что на таких событиях, как спартакиада, нельзя экономить деньги, и акционеры должны понять, что люди не машины, их нельзя все время заставлять только приносить прибыль. И все тот же сотрудник пресс-службы Роман Сахартов рассказывал, что на время спартакиады на территории стадионов и гостиниц (отремонтированных, кстати, Газпромом и остающихся в подарок городу) введен сухой закон, но зато устроены развлечения и дискотеки, чтобы люди понимали, как можно веселиться без пьянства. Спартакиада закончилась. Через час на площади должен состояться концерт Владимира Шахрина и его группы “Чайф”, на который газпромовские организаторы ждут семьдесят тысяч человек, то есть половину города, а в действительности придут от силы три тысячи – только участники спартакиады.

Мы сидим с Владимиром Шахриным, и он говорит про Газпром и газпромовскую спартакиаду:

– Я не знаю, это, конечно, какая-то счастливая модель страны, когда тебе говорят, как надо веселиться, как надо работать, как надо заниматься спортом и проводить свободное время, когда выпивать, когда не выпивать... Наверное, для большинства нашего народа именно это и нужно – чтобы его насильно загнали в счастье.

– Но?.. – переспрашиваем мы.

Повисает долгая пауза. Владимир подыскивает слова. Он сам был инженером-строителем. Он сам превратился в рок-звезду посредством самодеятельных концертов. Только его самодеятельные концерты никто не поддерживал и не спонсировал. Наоборот, в восьмидесятые годы его самодеятельные концерты запрещал КГБ и разгоняла милиция. Он говорит:

– Но я не хочу, чтобы кто-нибудь устраивал мне счастье. Я не нуждаюсь ни в ком, кто решал бы, когда и как мне нужно работать, надо ли мне заниматься спортом, выпивать ли мне и как мне веселиться. В этом есть какая-то...

– Несвобода? – переспрашиваем мы.

– Может быть, – кивает Владимир. – Может быть, другим людям несвобода необходима, чтобы выжить.

До концерта считанные минуты. Сейчас Владимир поднимется на сцену и споет песню со словами «Мы вдыхаем вольный ветер» и другую песню со словами «В этом месте по-

другому не прожить». Расставаясь, мы спрашиваем:

– Так вам не нравится Газпром? Зачем же вы согласились петь для компании, которая ущемляет свободу?

– Я согласился петь для людей, – отвечает Владимир. – Это хорошие, простые, работающие люди на площади. Было бы здорово только, если бы они понимали, что добывают из-под земли наш газ.

– В смысле? – переспрашиваем мы еще раз.

– В смысле, газ, который принадлежит всему российскому народу. Они, конечно, должны получать за добычу газа вознаграждение, высокое вознаграждение. Но газ – наш. И я боюсь, они этого не понимают.

За время работы над этой книгой мы и вправду неоднократно сталкивались с тем, что граждане страны Газпром искренне верят, будто газ принадлежит Газпрому, а не России. Может быть, это потому так, что добывать и транспортировать газ в условиях крайнего Севера действительно очень трудно, работа у людей действительно очень тяжелая и требует реальных жертв. Но может быть, дело просто в том, что сотрудники Газпрома искренне не видят вокруг своих месторождений никакой полнокровной жизнью живущей страны. Дело в том, может быть, что никакой полнокровной страны вокруг газпромовских месторождений и нет. Или она есть, но живет только тем, что в ее земле – нефть, газ и шахты баллистических ракет с ядерными боеголовками.

Глава 12

Посреди пустоты

Свойства пустоты

Мы в пустоте. Посреди пустоты, за Полярным кругом, на полуострове Ямал, на Байдарацкой губе, на берегу Ледовитого океана. Мы там, где через пару лет построится, если угодно будет языческому богу Шишке, компрессорная станция, а сейчас нет ничего. Три часа лететь в любую сторону на вертолете и – ничего.

Вообще-то мы уговаривали пресс-службу Газпрома показать нам Штокмановское месторождение. Легендарное будущее Газпрома, надежду России и заветную мечту всех нефтегазовых компаний мира. Оно находится посреди Баренцева моря, там, где под толщей ледяной воды скрывается до 3,7 триллиона кубометров газа. В Газпроме еще не знают, как и кто будет его добывать, когда это произойдет, на какие деньги будут вестись работы и куда потом отправится этот газ. Но все равно далекий и богатый Штокман манит и завораживает. Даже нас, поэтому мы упрашивали показать нам хоть что-нибудь. Хоть толщу воды, под которой скрыт этот волшебный клад.

Но нам отвечали, что на Штокмане сейчас ничего нет, а плавучая платформа, которая там была, уже уплыла.

Мы просили отвезти нас на платформу – ведь она была там и видела этот загадочный Штокман.

Но нам говорили, что это невозможно.

Мы умоляли отвезти нас хотя бы на берег Баренцева моря – туда, где, может быть, будет построен завод по сжижению природного газа. В порт, откуда отплывала платформа. Но нам говорили, что порт Видяево – закрытый военный объект и раздобыть пропуск, дающий право въехать туда, будет сложно.

Мы цепенели от уже слова «Видяево». Ведь именно из этого порта в последний путь отправилась подлодка «Курск». Именно в этом городе президент Путин пережил, наверное, самые страшные минуты в своей жизни, когда на него накинута обезумевшая от горя родственники погибших моряков. А теперь именно Видяево должно стать воротами для газа Штокмановского месторождения. И может подарить Владимиру Путину самые счастливые

минуты. Особенно, если он вдруг окажется президентом тогда, когда это месторождение будет разработано. В 2010? Или в 2012? Или в 2014? Никто не знает, когда.

В конце концов мы смирились. Вместо пустоты Штокмана нам предложили другую пустоту. На Байдарацкой губе. Здесь, правда, Карское море, а не Баренцево. Расстояние отсюда до Штокмана – как от Москвы до Берлина.

Но все равно достаточно только ступить на эту волглую землю тундры, чтобы понять: здесь, за полярным кругом, не могут действовать законы и обычаи, принятые в цивилизованном мире, так же как в горах, на высоте свыше восьми тысяч метров, не действуют человеческие законы. Отменяются даже простейшие знания из школьного учебника географии. Вы думаете, сколько дней в году? Триста шестьдесят пять? Нет, сто двадцать. Проектируя газпромовское строительство, задавая сроки и составляя планы, принадлежащие Газпрому научно-исследовательские институты исходят из того, что в году именно сто двадцать дней, потому что все остальные дни строитель в тундре не может высунуть носа из своего вагончика. Вокруг вагончика – пурга, ветер, потоп, взбунтовавшаяся пустота.

Вы думаете, мясо имеет вкус мяса? Нет, оленина имеет вкус печени. А сырая оленье печень и теплая оленье кровь суть не еда, а лекарство или, лучше сказать, колдовское зелье. Ямальские аборигены ненцы только потому и не болеют цингой, что, забив оленя, на вурдалачий манер приникают губами к пульсирующей еще на оленье шее артерии и пьют живую кровь.

Вы думаете, мужчина от женщины отличается чем? Глупости какие! Конечно же, мужчина от женщины отличается орнаментом на одежде.

Двумя абзацами выше вы, ничуть не удивившись, прочли словосочетание «земля тундры», и оно не вызвало у вас возражений. Тогда как здесь нет земли. Никто даже не говорит про какой-нибудь предмет: «положи его на землю», говорят: «положи его на тундру». Земля – это там: три часа на вертолете до Салехарда, еще три часа на самолете, и вот там – земля, а здесь – тундра. Тундра – это зыбучая смесь из воды, мелкого, как пыль, песка, болотной травы и мха. Чтобы отсыпать даже маленькую площадку под строительство даже маленького домика, не говоря уж о компрессорной станции, тундру сгребают бульдозером в огромные курганы и дают этим курганам пару лет отстояться. В толще этих курганов пронизывающая грунт вода постепенно стекает вниз, грунт подсыхает и становится более или менее пригодным для строительства. Становится более или менее землей, которой вообще-то здесь нет.

Примечательно, что здесь нет и воды. Тундра испещрена озерами, как лицо человека бывает испещрено оспой, но пить из большинства озер и из большинства рек нельзя. В озерах вода может быть мертвой, отравленной тяжелыми металлами – вроде тех, которые в японских ресторанах Лондона принято подмешивать бывшим сотрудникам КГБ в чай. В реках вода может быть живой, кишеть неизвестными бактериями, которые, если бы у них была память, помнили бы мамонтов.

Любое строительство, кроме простейшего бытового обустройства, здесь возможно только зимой. Любые грузы возможно доставить только по зимнику. Когда тундра замерзает и покрывается снегом, специальная машина, грейдер с укрепленными на ковше горелками едет в пустоту, ровняет и расплавляет снег так, чтобы немедленно намерзала толстая ледяная корка. По этой ледяной дороге могут пройти грузовики. Ночью, потому что зимой всегда ночь. Если грузовик на зимнике сломается, надо в течение пятнадцати минут пытаться его починить, а не удастся – тогда надо его поджечь и молить Бога, чтобы, пока вы греетесь у костра, в который сами же превратили свою машину, огонь заметили с какого-нибудь спасательного вертолета или из ближайшей (километрах в двадцати) стоянки ненцев. Впрочем, заметят вряд ли. Скорее всего, вы замерзнете насмерть. Вы никто в пустоте. И всякий, кто хочет понять что-нибудь про Газпром, как минимум должен вообразить себе, как это – быть никем, и каковы свойства пустоты.

Никто

Чтобы понять критиков и оппонентов Газпрома, свойства пустоты тоже следует всерьез принимать во внимание. Следует помнить, что с тех пор как Газпром получил монополию на газ, а президент Путин получил монополию на Газпром, критики и оппоненты Газпрома – никто. Они критикуют Газпром не потому, что имеют какой-никакой политический вес, экономический авторитет и отличные от президентских взгляды на то, как надо управлять компанией. Наоборот: если они и имеют политический вес, если они и существуют, то лишь в той мере, в которой критикуют Газпром. У них нет другого выхода. Им некуда идти, точно так же, как некуда идти в, казалось бы, бескрайней тундре.

Например, бывший министр топлива и энергетики, бывший вице-премьер Борис Немцов – никто. Все, что он может – это делать хорошую мину при плохой игре. Он держится. Он старается сохранить хотя бы спортивную форму и репутацию жизнерадостного плейбоя. Он катается на виндсерфинге в самых экзотических уголках планеты. Его по старой памяти приглашают на международные экономические форумы и на приемы, которые устраивают иностранные послы в Москве для сошедших на нет оппозиционеров. До последней парламентской кампании его еще приглашали на телевизионные ток-шоу отстаивать либеральные ценности. Приглашения поступали редко, как если бы в году было не триста шестьдесят пять дней, а сто двадцать. Кроме того, ток-шоу шли в записи. Если Немцов отстаивал либеральные ценности остроумно и со знанием дела, заботливый редактор аккуратно вырезал остроумие и знание дела, прежде чем выпустить ток-шоу в эфир. Зато все ораторские оплошности Немцова шли в эфир без изменений.

Немцов в телевизоре всегда выглядел дураком, но, тем не менее, раз за разом принимал приглашения прийти в студию. Стоял перед телекамерой и защищал либеральные идеи, про которые точно известно, что телезрителю на них плевать. Теперь, после того как на предвыборных теледебатах Немцов выступил против культа личности Путина, приглашать в телевизор Немцова перестали вовсе.

Теперь он может критиковать Газпром только на страницах нескольких независимых еще печатных изданий или в частных разговорах.

И он критикует – с тем же успехом, с каким моська лает на слона. Его критика Газпрома – последнее напоминание о том, что он был министром топлива и энергетики. Иначе из оппозиционного политика он превратится в стареющего рантье, разбогатевшего на невысказанном росте акций компании Газпром.

Мы сидим в офисе, который снимает Немцов в высотном здании на Котельнической набережной. Это здание, похожее на рассеявшийся и оплывший, как квашня, Эмпайр Стэйт Билдинг, – памятник величественной и ужасной коммунистической эпохи. А офис, вернее, переделанная под офис четырехкомнатная квартира, которую снимает в этом здании ниспровергатель коммунизма Борис Немцов – это памятник эпохи ниспровержения коммунизма, эпохи, в которую Борис Немцов был героем.

Здесь почти нет мебели. Уже нет в живых Бориса Ельцина, который смотрит на нас с развешанных по стенам фотографий. Нет парламентской фракции, которую возглавлял Немцов. Процент голосов, полученных партией Немцова на парламентских выборах, начинается с цифры ноль. Пустота. Немцов – никто.

– Как вы разбогатели? – мы испытываем забытое удовольствие от того, что задали прямой вопрос в лоб.

– После кризиса 1998 года я поехал в Штаты читать лекции. – Немцов, кажется, вовсе не смущен нашим вопросом. – Заработал кучу денег и на все деньги купил акции Газпрома. Они тогда стоили 60 центов. А пару лет назад я продал их, когда они стоили 16 долларов. Я купил их, потому что осенью 1998-го Газпром явно был недооценен.

– Это понятно. Не понятно, почему теперь вы продали их.

– Потому что теперь Газпром переоценен. Он на пороге кризиса.

– Ну-ка! Ну-ка! – мы даже перестаем жевать орехи, курить и хлебать чай.

Немцов рассказывает. Он говорит так, будто нарочно для нас готовил лекцию. Нам даже не надо перебивать его и задавать наводящие вопросы. Нам кажется, катаясь на виндсерфинге, просиживая штаны на посольских званных обедах и валяя дурака в телевизионных студиях, он, бывший министр топлива и энергетики, только и делал, что думал про Газпром. Он говорит:

– Газпром – это крупнейшая энергетическая компания мира. Ми-ра! По капитализации она на уровне “ЭкссонМобил”, “Майкрософт” и “Дженерал Электрик”. Ее капитализация – около 300 миллиардов долларов. Для сравнения, это в полтора раза больше, чем бюджет России. То есть Газпром дороже, чем целый год жизни страны. Европа на 35–40 процентов зависит от Газпрома. Есть альтернативные источники поставок газа: Алжир, Великобритания, Норвегия, Голландия. Но тем не менее, Газпром имеет фантастическое влияние на то, чтобы в Европе было тепло и горели лампочки. Газпром находится под контролем государства. Контрольный пакет акций принадлежит государству. Все назначения в Газпроме, не только высшего, но и среднего звена, осуществляются государственными чиновниками. А руководство этой компании, первые лица и их заместители назначаются лично президентом Путиным. Это очень важно понимать.

Мы это понимаем. Мы написали про это книжку. Мы не понимаем только, к чему Немцов клонит. Он продолжает:

– Дальше я хочу сделать открытие: Газпром является неестественной монополией. Дело в том, что газ в России добывает не только Газпром, но еще “Сургурнефтегаз”, “Лукойл”, “Роснефть”, ТНК-ВР, “Нортгаз” и “Новотек”. Газпром искусственно не пускает эти компании в свой газопровод и заставляет их за бесценок продавать свой газ на входе в трубу. Это невыгодно, и многие нефтяные компании просто сжигают газ, который добывают вместе с нефтью. Глава Газпрома Алексей Миллер – ближайший друг президента и знаком с ним с незапамятных питерских времен. Владимир Путин и Алексей Миллер почти одновременно стали руководить, один – страной, другой – Газпромом. За время их руководства Газпром не освоил ни одного месторождения и не построил ни одного магистрального газопровода. Все, о чем они говорят, – Североевропейский газопровод, Штокмановское месторождение – это все проекты, это все далекое будущее.

Если придирается к фактам, то, выходит, что Немцов нам врет. На самом деле при Миллере Газпром строил газопроводы и открывал месторождения, например Заполярное. Другое дело, что месторождение это обустроивалось в основном при Вяхиреве, а при Миллере только открылось. Но есть ведь еще и Южнорусское – последняя гордость Газпрома. Оно было запущено еще осенью 2007-го, а торжественно открыто уже в декабре. Руководил церемонией председатель совета директоров компании Дмитрий Медведев. За пару дней до этого он стал официальным преемником Владимира Путина – открытие Южнорусского месторождения стало для него едва ли не первым эпизодом в предвыборной кампании. Мы продолжаем слушать, а Немцов продолжает говорить, как свойственно политикам, чрезвычайно упрощая факты:

– Газпрому очень мешает чрезмерная политизация. Газпром никто в мире не воспринимает как хозяйствующий субъект. Газпром – это инструмент политики Путина как в стране, так и за рубежом. Газпрому, предположим, надо осваивать Штокмановское месторождение, а он вынужден покупать средства массовой информации. Газпром участвовал в сделке с Романом Абрамовичем, выложив 13 миллиардов долларов. А можно было на эти деньги и газом заняться.

Из всех историй о том, как Газпром покупал непрофильные активы, Немцов выбрал две самые раскрученные – НТВ и “Сибнефть”. К покупке “Сибнефти” действительно есть вопросы. Газпром покупал ее на пике цены, когда, сняв все сливки, добыв самую легкую нефть и раздув капитализацию, Абрамович вознамерился компанию продать. И продал бы иностранцам, если бы иностранцы покупали непрозрачные компании, и если бы президент Путин не держался так за монополию государства на энергоресурсы, и если бы государство, собственно, из этих энергоресурсов не состояло бы.

Газпром, насколько мы понимаем, купил “Сибнефть”, потому что приказано было купить. Как только “Сибнефть” была продана, на ее месторождениях стала падать добыча. Но для нас (Немцов молчит или не знает об этом) значительно важнее, что компания Gunvor, экспортирующая всю нефть Газпрома, получила еще и нефть “Сибнефти”, обогнала конкурентов и стала третьим по величине российским нефтяным трейдером. Компания Gunvor, одним из совладельцев которой является старый знакомый (и, говорят, личный друг) президента Путина Геннадий Тимченко.

Немцов говорит благодушно, что, вместо того чтобы заниматься непосредственно газом, Газпром осуществляет бессмысленные и непрофильные покупки. Но нам кажется, дела обстоят куда сложнее. Как быть, например, с историей “Согаза”, страховой компании, входившей в Газпром? В 2002 году, когда команда Миллера меняла в Газпроме команду Вяхирева, занимавшийся наведением порядка в “Согазе” человек Миллера Андрей Петухов был убит. Обсуждая эту гибель, журналисты говорили тогда, что Петухов погиб, пытаясь отнять украденный вяхиревскими менеджерами газпромовский актив и вернуть его государству. И что же? После окончательной победы Миллера над Вяхиревым “Согаз” принадлежит Газпрому? Ничуть не бывало. Как выяснилось в мае 2005 года, контроль над принадлежавшей до этого Газпрому страховой компанией “Согаз” получил питерский банк “Россия”. Крупнейшими акционерами банка на конец 2004 года были Николай Шамалов (9,7%) и председатель совета директоров банка Юрий Ковальчук (37,7%), которые считаются личными друзьями президента Владимира Путина.

Шамалов и Ковальчук были знакомы с Путиным еще во время его работы в Петербурге. Шамалов в начале 90-х работал в Siemens Medical Solutions, которая по заказу петербургской мэрии поставляла оборудование в стоматологические клиники Петербурга. Со стороны городского правительства этим проектом занимался Путин. Еще банк “Россия” занимался внешнеэкономическими проектами городской администрации, которые курировал также первый вице-мэр Путин. Получив “Согаз”, владельцы “России” стали контролировать бизнес, по масштабам сопоставимый с их собственным. Активы “Согаза” составляли на тот момент 13 миллиардов рублей, а банка – около 10 миллиардов рублей. Финансовое благополучие “Согаза” на три четверти зависит от Газпрома и его «дочек», на чьи платежи приходится 75% сборов страховой компании. Вот о чем мы думаем. Мы думаем, можно ли понимать историю “Согаза” так, что команда Миллера отобрала актив у людей, близких к Вяхиреву, и передала его людям, близким к Путину, а не государству и не народу вообще?

Немцов обвиняет Газпром в том, что компания бессмысленно покупает угольные и электроэнергетические активы, но мы справедливости ради должны заметить, что компания не только покупает, но и продает. В апреле 2006 года банку “Россия” достался еще один кусок финансовой империи Газпрома – компания “Лидер”, управляющая резервами пенсионного фонда Газпрома (“Газфонда”) более чем на 6 миллиардов долларов.

Еще весной 2007 года “Газфонд” выкупил у Газпрома 25% акций “Сибур Холдинга”. Вдобавок к этому “Лидер” является крупным совладельцем “Газпромбанка”. Банк “Россия” владеет контрольным пакетом акций Рен-TV и 35% акций ТРК “Петербург”. Именно “Газпромбанку”, а вовсе не Газпрому, принадлежит, к примеру, компания “Газпром-Медиа”.

В 2001 году “Газпром-Медиа” забрал у Владимира Гусинского телекомпанию НТВ и прочие СМИ, ибо считалось, что телевидение не должно принадлежать олигархам, так как они сразу начнут использовать его в своих личных интересах. Но получается, что сейчас НТВ и все прочие медийные активы “Газпром-Медиа” уже не принадлежат даже Газпрому. Они, получается, принадлежат банку “Россия”.

Кроме того, “Газпромбанк” контролирует 70% акций Сибура. Таким образом, структуры банка “Россия” стали фактическими владельцами Сибура. Правильно ли мы понимаем, что Голдовский, создавший эту компанию на деньги Газпрома, не смог сделать компанию своей частной собственностью, а связанные с президентом Путиным владельцы банка “Россия” смогли?

Немцов не говорит об этом. Может быть, имея, в отличие от нас, голову на плечах,

осторожничает. Может быть, не знает. Может быть, это слишком скучное дело – разбираться в структуре собственности. Немцов предпочитает пугать.

– Газпром, – говорит Немцов, – терпит от подобных политических сделок убытки. Неудивительно поэтому, что производственные показатели компании очень плохие. В то время, как экономика России росла по 6–7 % каждый год, производство газа почти не росло. В этих условиях просто должен был начаться тотальный дефицит газа. И он начался. Уже в этом году дефицит газа выразился, например, в том, что Северо-Западная ТЭЦ, построенная ударными темпами, чтобы восполнить дефицит электроэнергии в Петербурге, стоит без газа. Ее запускал президент Путин лично. Но станция работает на мазуте. Это все равно, что сжигать золото. Намного-намного дороже.

Мы слушаем и улыбаемся. Про запуск Северо-Западной ТЭЦ смешную историю рассказывал нам газпромовский инженер, с которым мы ездили на Ямал. Президент Путин должен был торжественно включить главный рубильник, на приборах пульта управления должны были торжественно дернуться стрелки, станция должна была торжественно заработать. Но строители боялись, что новая и не опробованная еще толком автоматика, обеспечивающая на станции безопасность, может неожиданно сработать и отключить станцию через мгновение после того, как торжественно будет включен главный рубильник. Поэтому станцию на всякий случай от рубильника отсоединили. Присоединили к рубильнику только приборы на пульте управления. В ответ на торжественное включение рубильника стрелки приборов торжественно дернулись, и президент уехал. А станция заработала еще только месяца через два. Немцов не понимает наших улыбок. Он говорит серьезно:

– Экономика России и дальше будет развиваться довольно активно. Следовательно, дефицит газа к 2010 году станет катастрофическим и составит 60–100 миллиардов кубических метров. Вся Украина потребляет в год 70–75 миллиардов кубов газа. Замечу, что Украина – это страна с населением 50 миллионов человек. Ситуация похожа на дефицит потребительских товаров времен позднего СССР. Тогда был дефицит всех товаров, начиная со стирального порошка и кончая колбасой. В результате либерализации рынка эта ситуация была преодолена, и о ней все забыли. Единственная отрасль, оставшаяся несвободной и советской – это Газпром. Разница между дефицитом потребительских товаров в СССР и дефицитом газа в путинской России в том, что дефицит колбасы заметен всем. Пустые прилавки, очереди, талоны. А газ не продается с прилавка. Тут будет все невидимо. Появится куча кремлевских прихлебателей, которые будут объяснять рост цен как угодно: Америка мешает, враги кругом, шпионы – и слова правды в этом гвалте не услышишь.

Ради слова правды мы переспрашиваем Немцова:

– Но мы спрашивали в Газпроме. Они никакого дефицита газа не признают.

– Признают потихоньку, – парирует Немцов. – У Путина было несколько совещаний по этому поводу. Удивительно, что распад СССР ничему не научил этих людей. Они действуют точно так же, как действовал Николай Иванович Рыжков, когда с прилавков исчез окорок “Тамбовский”. Николай Иванович с трибуны Верховного Совета предложил тогда поднять цены на окорок “Тамбовский” на две копейки. По технологии окорока “Тамбовского” действует и наша власть. Они предлагают поднять цены на газ. Естественно, до выборов 2008 года цены для населения поднимать не будут, а для промышленности уже поднимают на 15 процентов в год. Надо понимать при этом, что теплоэлектростанции готовы покупать газ буквально по любой цене. Так что дефицит газа от повышения цены не уменьшится. Только увеличатся цены на электричество, то есть, в конечном счете, на все. Поэтому меры, которые принимает власть, чтобы справиться с дефицитом газа, – бессмысленные и болезненные.

– И что же, – спрашиваем, – у нас на кухнях кончится газ?

– Нет, – отвечает Немцов. – На кухнях не кончится. Дефицит газа грозит замедлением экономического роста. Не будут строить жилье. Не будет новых рабочих мест. Будут стремительно расти цены на коммунальные услуги. Будут расти цены на все. Замедлится

рост поступлений в бюджет. Сейчас индексируют пенсии и зарплаты, а после выборов перестанут индексировать. Это во-первых. Во-вторых, поскольку страна набрала кучу внешних обязательств по поставкам газа, будет шириться политическое движение, настаивающее на том, что не надо продавать газ за границу, потому что у нас у самих газа мало. Подобного рода политические процессы будут подрывать авторитет России значительно больше, чем нарушение прав и свобод граждан. В-третьих, будет запредельный рост коррупции. Точно так же, как в Советском Союзе со служебного хода магазинов выносили пакеты со жратвой, в России после 2008 года появятся услуги черного рынка по поставкам дефицитного газа. Если дефицит будет 50 миллиардов кубов, то взятки за распределение этого газа будут брать на 5 миллиардов долларов в год. Дополнительно к тем взяткам, которые берут сейчас.

За то время, пока мы писали эту книгу, нам не единожды рисовали подобную страшную картину. Обычно, правда, наши собеседники были менее красноречивы – и пытались передать собственную озабоченность мимикой. Нахмуренными бровями. Зажмуренными глазами. Сжатыми губами.

– Прогнозы очень пессимистичные. Есть ощущение, что Газпром страну серьезно подведет. Если даже газа будет хватать, то эти объемы надо еще и доставить. А в реконструкцию, перестройку газотранспортных сетей никто не вложил ни копейки.

Сказав так, наши близкие к Газпрому собеседники обычно просили не писать их фамилий:

– Время еще не пришло.

– А когда же оно придет?

– Ну... Президент не любит, когда Газпром критикуют. Значит, сейчас не время.

И мы отступаем. И не называем имен этих бывших и нынешних министров, топ-менеджеров, сотрудников кремлевской администрации и членов различных советов директоров. Как нас и просили, мы делаем вид, будто они нам ничего не говорили.

– И что же, – спрашиваем мы у Бориса Немцова, – делать?

– Справиться с дефицитом можно. – Немцов расправляет плечи, потому что наконец-то у него появляется возможность изложить свою либеральную экономическую программу. – Надо разрешить компаниям, которые добывают газ, транспортировать этот газ по трубам Газпрома. Не по бандитским тарифам, а по нормальным. То есть, говоря экономическим языком, надо провести либерализацию рынка газа и разрешить всем покупать газ у кого угодно, а не только у Газпрома. Я думаю, если либерализация состоится, дефицит будет покрыт года за два-три. Это можно делать, сохраняя монополию Газпрома на экспорт. Можно создать свободный рынок внутри России, а на Запад продавать газ только через Газпром. Это было бы супервыгодно для России. Но так не будет. Будет как всегда. (Мы улыбаемся, вспоминая Черномырдинскую поговорку «Хотели как лучше, а получилось как всегда».) Если не поменяется путинская политика монополизации всего, а она не поменяется при таких ценах на нефть, мы увидим ежегодную борьбу с дефицитом газа и ежегодное повышение цен на газ. И только тогда, когда начнут лопаться трубы, замерзать города и не выполняться зарубежные контракты, только тогда, когда начнутся массовые волнения, власти проведут либерализацию рынка газа.

Немцов откидывается в кресле. При всем нашем скепсисе, нарисованная бывшим министром топлива и энергетики картинка кажется нам довольно апокалиптической. В подобных случаях прилично задавать глубокий вопрос:

– И что?

– Я не хочу сказать, – говорит Немцов, – что люди, руководящие Газпромом, глупые. Думаю, Медведев и даже Миллер все понимают. Но им нужно найти в себе мужество прийти к Путину и сказать правду. Путин не понимает важности либерализации, потому что главный смысл его политики – монополизация. Он монополизировал политическую жизнь. Он монополизировал управление регионами. И он с каждым днем все больше монополизировал экономику. Он, к сожалению, не экономист и не понимает, что успех

страны напрямую зависит от степени экономической свободы. Поэтому объяснять Путину, что он довел до ручки отрасль, которой лично управляет – бессмысленно и страшно. Он бы ответил: «А вот, смотрите, в стране экономический рост!» И если возражать ему, что он, Путин, никакого отношения к экономическому росту не имеет, и устроили экономический рост в России Саддам Хусейн и Джордж Буш, он будет смеяться и говорить: «Русский народ считает иначе!»

По ком звонит телефон

Удивительным образом слова Немцова о том, что решения в Газпроме часто бывают продиктованы не экономическими соображениями, а политическими, подтверждаются в тот самый день, когда мы приходим в главный офис компании на улице Наметкина, чтобы услышать, как зампред правления Газпрома Александр Медведев будет опровергать критику Немцова, основные тезисы которой в Газпроме принято называть мифами. Мы приходим в Газпром в тот самый день, когда на Украине завершились парламентские выборы, и на выборах победила неудобная Москве Юлия Тимошенко, а не пророссийски настроенный премьер-министр Виктор Янукович. И Газпром гудит, как растревоженный улей. Теперь, когда победила Тимошенко, Газпром может наконец заявить, что вот уже несколько месяцев Украина не платит Газпрому за газ. Пока была надежда, что победит Янукович, Газпром молчал. Надо полагать, не потому молчал, что не хотел получить денег, а потому молчал, что требовать свое запрещали Газпрому политические игры Кремля. В этом смысле руководство Газпрома на улице Наметкина мало чем отличается от газпромовских строителей в тундре: у строителей сто двадцать дней в году, потому что в остальные дни погода не дает им высунуть носа из вагончика, у руководителей Газпрома – тоже сто двадцать дней в году, потому что в остальные дни политическая конъюнктура не позволяет им вести себя как хозяйствующий субъект.

Разница между Немцовым и Медведевым заключается в том, что Немцов угощает нас сухофруктами и сеет панику, а Медведев угощает нас бутербродами с севрюгой и успокаивает. Если поговорить с Медведевым, выясняется, что проблемы, которые описывает Немцов, существуют на самом деле, только Медведев уверен, что они обязательно будут решены.

– Если говорить в долгосрочном плане, – утешает нас Медведев, – то только три страны в мире в долгосрочной перспективе способны производить и доставлять газ: Россия, Катар и Иран. Все остальные, не в обиду им будь сказано, – маргиналы.

Из слов Медведева выходит, что весь мир просто обречен дружить с Россией, Катаром и Ираном, если хочет тепла и света. Правда, это не называется дружбой. Но Медведев улыбается:

– То, чем мы занимаемся – не только газ, но и электричество, и нефть – это благородное дело, к которому люди привыкают, как привыкают дышать.

Вот именно! Как человек, заболевший астмой, спрашивает у врача, сможет ли он дышать, мы, привыкшие к теплу и свету в своих домах, спрашиваем Медведева:

– Баланс газа? Что там с балансом газа? Бывший министр топлива и энергетики Борис Немцов пугает нас газовым дефицитом.

Медведев отвечает вопросом на вопрос:

– Вы боитесь, что газа не хватит?

– Боимся.

– То, что говорит Немцов, – Медведев улыбается, – отражает тенденции, господствовавшие в газовой отрасли тогда, когда Немцов был министром топлива и энергетики. К счастью, благодаря инвестициям, эти тенденции удалось переломить. На ближайшие двадцать лет сформирован баланс газа, который учитывает не только сегодняшний спрос на газ, но и спрос, который будет завтра. Причем мы посчитали будущий спрос на газ так, как если бы он рос в тех же пропорциях, в которых растет экономика, хотя

на самом деле мы считаем, что, в связи с повышением цен на газ, люди станут думать об энергосбережении, и спрос на газ будет расти медленнее, чем растет экономика.

Медведев снова улыбается. Примерно за полгода до нашего разговора правительство приняло решение, что цены на газ в России не будут больше фиксированными, а будут рассчитываться по специальной формуле и привязываться к ценам на нефть. Медведев кивает на бутерброды, разложенные перед нами на столе:

– Ешьте, ешьте.

– Спасибо.

– Ешьте. На сытый желудок снижается уровень тревожности. Мы думаем, что в связи с новой формулой цены газоемкость российской промышленности будет постепенно снижаться. И все же мы посчитали баланс газа так, как если бы газоемкость не снижалась. Мы посчитали баланс еще до того, как было принято решение, что цены на газ станут расти. Плюс мы посчитали новые рынки, а новых рынков у нас много, начиная с Китая и кончая Америкой, куда мы собираемся поставлять сжиженный газ. Тут контракты не заключены, есть только прогнозы. Но даже если все эти прогнозы осуществляются, мы в состоянии все эти контракты исполнить. Они обеспечены месторождениями и транспортом. Зима 2005–2006 годов, очень холодная зима, показала, что даже на действующих мощностях мы способны производить не 550 миллиардов кубометров газа, сколько производим сейчас, а 620–630. Сегодня способны, без дополнительных инвестиций. Не говоря уже о том, что мы инвестируем в новые месторождения. Южнорусское месторождение, жемчужина наша, уже введено в эксплуатацию. Двадцать пять миллиардов кубов газа в течение двадцати лет мы на этом месторождении будем производить. Есть план ввода в эксплуатацию новых месторождений. Так что только недобросовестные аналитики или злопыхатели могут говорить, что нам не хватит газа. Ешьте бутерброды.

– А почему тогда вы баланс газа не опубликуете? – спрашиваем мы, жуя бутерброд.

– Потому что есть цифры, которые являются коммерческой тайной. Баланс – это не просто цифры, это распределение газа по месторождениям, по мощностям.

– Чем угрожает вам раскрытие тайны?

– Баланс – это внутренний документ. Все, что принято по международной отчетности, мы публикуем.

Мы, конечно, верим. Но незадолго до этого разговора высокопоставленный сотрудник президентской администрации уверял нас, что полного баланса газа нет даже у министра энергетики Виктора Христенко, правда, Христенко в этом не признается, потому что неудобно министру энергетики не иметь баланса газа. А еще нам рассказывали, что когда на совещаниях Путин спрашивает у Алексея Миллера, хватит ли у России газа на такой-то проект в таком-то году, Алексей Миллер украдкой смотрит в свои бумаги – но так, чтобы никто из сидящих вокруг министров не смог подглядеть, что в них. А через минутку закрывает папочку и отвечает: «Да, Владимир Владимирович, хватит». И никто из министров так и не решался попросить у Алексея Миллера разрешения взглянуть, что там, в этой папочке.

– А почему... – успокаивающее действие бутерброда заканчивается, и мы снова находим повод для волнения. – Почему на Северо-Западной ТЭЦ в Петербурге не было газа?

– Что касается Северо-западной ТЭЦ, – улыбается Медведев, – то строительство ее производилось без заключения договоров о поставке газа. Чубайс думал: уж что-то, а газ я получу, причем по низкой цене. Но нельзя же засеивать поле, не зная, как и кому ты будешь продавать пшеницу. Сейчас договора с РАО ЕЭС заключены, мы обязуемся поставить, а они обязуются купить у нас и оплатить оговоренные объемы газа.

– Но ведь добыча у вас падает? Падает или нет? Или можно считать добычу растущей, только если приплюсовать к вашему газу газ из Туркмении?

– Среднеазиатский газ, во-первых, – говорит Медведев, – имеет предысторию. Он традиционно поставляется на Украину. Во-вторых, любая газовая компания использует не только свой, но и чужой газ. В балансе Газпрома зарубежный газ составляет меньшую долю,

чем у любой другой компании мира.

– Так рост добычи газа соответствует росту экономики или нет?

– Мы спрос на газ всегда удовлетворяли, удовлетворяем и будем удовлетворять, особенно в связи с тем, что было принято решение о переходе на новый механизм ценообразования. Некорректно сопоставлять рост экономики с ростом добычи газа в Газпроме. Мы владеем только 68 % доказанных запасов газа в России. Есть еще независимые производители, которые будут наращивать свою добычу. С новой политикой ценообразования независимые производители получают дополнительные стимулы добывать больше газа.

Вот! В этот момент Медведев фактически говорит то же, что и Немцов. Он говорит, что демополизация рынка газа в России неизбежна. И мы спрашиваем:

– А на каких условиях вы будете пускать независимых производителей в свою трубу?

Медведев улыбается:

– Это еще один миф, что мы никого не пускаем. Независимый производитель может заключить с нами договор, в котором будет написано только, какой объем газа и в какой срок мы должны транспортировать. Там не будет пункта о том, что мы можем независимого производителя в трубу не пустить. И поскольку добыча на наших старых месторождениях падает, в нашей системе появляются резервы. Так что мы будем счастливы заполнить эти резервы газом независимых производителей. Хотя компания и монополист, но наша деятельность регулируется законом.

Получается, что дело вовсе не в том, насколько велик Газпром и насколько зависят от него отечественные и зарубежные потребители газа. Дело в том, какими законами регулируется газпромовская монополия. Медведев принимается рассказывать нам, что физически разделить Газпром на несколько конкурирующих компаний невозможно.

– Газ – это особое животное, – говорит Медведев. – Надо учитывать, что газовый рынок отличается и от рынка нефтепродуктов, и от рынка электроэнергии. Надо учитывать роль инфраструктуры. В Великобритании есть успешный опыт разделения газовой системы на несколько частей. В США газотранспортная система развивалась из нескольких центров. Но в Советском Союзе газотранспортная система создавалась как единый централизованный механизм. Поэтому разделение Газпрома не приведет к конкуренции. К конкуренции приведет новое ценообразование, которое позволит конкурировать Газпрому и независимым производителям.

Мы спрашиваем Медведева, честная ли получится конкуренция. Честно ли, что, покупая не слишком профильные для себя нефтяные компании, Газпром накачивает нефтью компанию Gunvog, принадлежащую другу президента Путина. Честно ли, что Газпром уступает свою страховую компанию банку “Россия”, который принадлежит другу президента Путина. Честно ли...

– Послушайте, – перебивает Медведев, впрочем, все еще улыбаясь. – Неужели вы и вправду думаете, что транспортировку нефти можно вот так отдать другу, брату или свату? Вот если, предположим, я дам вам танкер нефти по цене ниже рыночной или даже и вовсе даром. Что вы станете с этой нефтью делать? У вас нет инфраструктуры, покупателей, опыта. А у компании Gunvog есть.

В это самое время в маленькой комнате, примыкающей к кабинету Медведева, звонит телефон. Зампред правления Газпрома быстро встает, извиняется, идет в эту маленькую комнатку, закрывает за собой дверь и говорит там по телефону так, что мы не слышим. Мы сидим одни в огромном пустом кабинете. Мы чувствуем себя более или менее так же, как чувствовали себя в тундре. Вокруг – пустота. Мы никогда не узнаем, с кем и о чем говорит сейчас Медведев в своей маленькой комнатке. Пройдет еще много времени, прежде чем мы узнаем, будет ли российская власть естественным ходом развития экономики вынуждена пустить в газпромовскую трубу независимых производителей, демополизировать газовую отрасль и, как следствие, демополизировать политику и вообще жизнь в стране. Или, наоборот, в угоду политическим интересам, Газпром будет укреплять свою монополию до

тех пор, пока она не приведет к газовому кризису, стагнации экономики, ссорам с соседями, замерзающим городам, митингам, бунтам.

Мы не знаем. Медведев выходит из своей комнатки, кивает на звонивший там телефон и, улыбаясь заговорщически, говорит нам:

– Это звонил не президент Путин.

Послесловие Россия в трубе

10 декабря 2007 года все мировые СМИ сообщали: «Человек Газпрома станет новым президентом России». Четыре человека пришли к президенту Владимиру Путину и сказали ему, что хотели бы видеть следующим президентом России председателя совета директоров Газпрома Дмитрия Медведева. А президент Владимир Путин взял да и послушался этих четверых. Журналистам во всем мире было ясно, что эти четверо на самом деле ничего не решали – они просто зашли по команде в президентский кабинет, проговорили перед камерами заранее отрепетированный текст (вернее, говорил всего один из них – спикер Госдумы Борис Грызлов, остальные лишь многозначительно кивали). Тысячам политических обозревателей во всех странах мира казалось, что то ли Газпром окончательно подмял под себя российское государство, то ли российское государство окончательно слилось с Газпромом.

Только сотрудники Газпрома, кажется, не вполне разделяли это мнение. Из разговоров с ними становилось понятно, что Газпром для Медведева – вовсе не основное место работы. Дмитрий Медведев никогда не был живо увлечен проблемами газового гиганта. Даже его кабинет в Газпроме значительно скромнее кабинета Алексея Миллера: никаких шелковых ковров в приемной, никакого парадного блеска, никакой музейной ценности мебели из редких пород дерева, никакого даже специально дежурящего охранника при входе. Просто кабинет, потому что должен же быть у главы совета директоров кабинет. И все топ-менеджеры Газпрома, с которыми мы разговаривали, твердили примерно одно и то же:

– Ну конечно, Дмитрий Анатольевич значимый человек. Но Газпромом руководит, конечно, не он. Газпромом управляет лично Владимир Владимирович Путин.

То есть, номинально Дмитрий Медведев все последние годы занимал место, на котором реально работал именно Владимир Путин. И если Путин использовал свой высший государственный пост, чтобы руководить Газпромом, то Медведев скорее использовал свой пост главы Газпрома, чтобы иметь дополнительный вес в структуре государства. Отчасти благодаря этому весу 10 декабря 2007-го года первый вице-премьер правительства РФ, глава совета директоров компании Газпром Дмитрий Медведев стал преемником президента Путина, президент Путин выдвижение Медведева поддержал, а Медведев в ответ предложил Путину возглавить кабинет министров. А в Газпроме пошел слух, что когда Медведев станет президентом, Путин сменит его в кресле председателя совета директоров Газпрома.

Эта предполагаемая рокировка не объясняет, подмял ли Газпром под себя Россию или российское государство поглотило Газпром, но объясняет, почему книга про Газпром получилась у нас книгой про Россию. Компания и страна подобны сообщающимся сосудам. Потрет Газпрома естественно превращается в историю России.

Мы посмотрели на страну сквозь газпромовскую трубу. Странную Россию, созданную Берией и Хрущевым, но еще помнящую Сталина. Страну, чья политика, культура, экономика и социальная жизнь наполнены газом. Страну, которая занимает первое место по экспорту газа в мире, но сама газифицирована только на 50 %.

Мы смотрели на страну через извилистую газпромовскую трубу и понимали, что если бы эта труба на каком-то участке своей истории повернула иначе, страна была бы другой.

Что было бы, например, если бы Чернобырдин не удержал Газпром как единое целое? Что было бы, если бы Чернобырдин, опираясь на мощь газового гиганта, рискнул и попытался бы сменить Ельцина на посту президента? Что произошло бы, если бы

преемником Ельцина стал его фаворит и борец с Газпромом Борис Немцов? Или если бы Рем Вяхирев всерьез сделал бы ставку на тандем Примаков – Лужков, как того опасалась Семья? Стал бы Путин великим и ужасным лидером, если бы ему не удалось так технично зачистить Газпром от вяхиревской команды? А Александр Лукашенко превратился бы в последнего диктатора в Европе, если бы не сидел на трубе? А была бы нужна «оранжевая революция», если бы мутные схемы поставки газа на Украину не развратили администрацию Леонида Кучмы? И стал бы Туркменбаши безумным затворником, если бы Газпром не запер его на целое десятилетие наедине с его безумными газовыми богатствами? Кто из германских лидеров оказался прав: Аденауэр, который отказался поставлять в СССР трубы для газопроводов, или Вилли Брандт, который пустил советский газ в Европу? Шредер, который принял дружбу Владимира Путина и его «Северный поток», или Ангела Меркель, которая отказалась превращать Германию в газораспределительный узел Европы и форпост Газпрома?

Наконец, что сейчас происходит с Газпромом? Ждет его дефицит или могущество? Соответствуют ли его изношенные трубы его политическим амбициям?

– Сейчас не время задавать вопросы про Газпром. Этого не любят, – говорили нам с улыбкой и сожалением бывшие газпромовцы.

– Мы ответили, кажется, на все ваши вопросы, – улыбались нам нынешние менеджеры Газпрома, – кроме тех, ответы на которые являются тайной.

Мы пытались выяснить, откуда все эти секреты и для чего.

– А вы что не понимаете, что идет война? Третья Мировая, – отвечал нам топ-менеджер Газпрома, руководитель носящей газпромовское имя, но принадлежащей друзьям президента Путина медиаимперии.

– Энергетическая? – спрашивали мы.

– Идеологическая, – отвечал он.

И нам становилось ясно, что по трубам распространяется не только газ, но и идеология. А идеология, если загнать ее в трубу, точно горит, взрывается и удушает.

Однако теперь мы можем вздохнуть спокойно. Конечно, мы на войне, и Газпром – это оружие. Но если вы держите эту книгу в руках, это значит, нам удалось разобрать это оружие, такой опасный предмет нашего любопытства – и не взорваться. Возможно, впрочем, что, разбирая оружие Газпром, мы не дошли до взрывателя, не коснулись детонатора и вообще ничего не поняли в том, как эта штука работает. Возможно.

Но мы точно выяснили несколько важных вещей.

Газпром не хорош и не плох, как не может быть хорош или плох автомат Калашникова или револьвер Кольта. Оружием можно убивать и запугивать, а можно защищать и беречь. Все зависит от того, в чьих оно руках.

Оружие бездушно. Оно не ведает страха, оно не знает любви и жалости и оно ни в коем случае не станет хранить верности своему нынешнему владельцу, как только изменятся времена.